

К. Ш. ХАФИЗОВА

**КИТАЙСКАЯ
ДИПЛОМАТИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ
(XIV–XIX вв.)**

**АЛМАТЫ
«ГЫЛЫМ»
1995**

Ответственный редактор

доктор исторических наук
В. С. Мясников

Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии. XIV–XIX вв. Алматы: Гылым, 1995. – 283 с.

В книге исследуется геополитика Китая в Центральной Азии. Показаны формирование и развитие дипломатических институтов, влияние на них различных факторов китайской культуры. Впервые вводятся в научный оборот китайские источники XIV–XIX вв. Рассчитана на исследователей международных отношений в китайской дипломатии в Центральной Азии.

X 1805080000–060 36. 95
407(05)–94

ISBN 5–628–01000–6

© Хафизова К. Ш., 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

В XIV–XVI вв. политическая карта Центральной Азии, а точнее той ее части, которая включает территорию Средней Азии, Восточного Туркестана, Казахстана и Сибири, существенно изменилась. После падения империи Чингисхана на этой территории образовался ряд феодальных владений, преимущественно во главе с правителями-Чингизидами истинного или сомнительного происхождения. Территория, называемая Страной моголов (могулов) – Могулистан, включала в себя земли от Иртыша до Сырдарьи и от Балхаша до Баркуля. Объединенная общим названием, в политическом плане эта страна состояла из самостоятельных владений, зависимых и полунезависимых от административно-политического центра. Эти владения известны как Мавераннахр, Манглай-Субе, Бешбалик и Илибалик. Между ними царили междоусобицы, в результате которых карта района постоянно перекраивалась. Относительная либо полная самостоятельность владений или отдельных городов с прилежавшими к ним территориями послужила одной из причин того, что китайские политики, с одной стороны, употребив общее наименование Сиюй, дифференцировали их по названиям городов: Самарканд, Герат, Хами, Турфан или Кашгар и т. д. В 70-х гг. Мавераннахр стал политическим центром империи Тимура, раскинувшейся на громадной территории, однако для Китайского государства он продолжал называться владением Самаэрхань (Самарканд), одновременно с ним фигурировали наименования владений Бешбалик, Илибалик и совершенно самостоятельно – округа Хами и Турфан. В XV в. империя Тимура, после смерти ее основателя, имела два центра – Герат и Самарканд, – а затем распалась. В это время в восточной части Сиюя стало возвышаться государство ойратов (джунгаров, или калмыков), к XVII в. превратившееся в могущественное государство Центральной Азии – Джунгарское ханство.

Хронологически почти одновременно с образованием империи Тимура в Китае к власти пришла ханьская династия Мин, воцарившаяся в результате крестьянских войн и падения монгольской династии Юань. Первый император Минской династии, крестьянин по происхождению, отказался от пассивной внешней политики ханьской династии Сун в Центральной Азии. Сев на престол, он разослал свои посольства в среднеазиатские владения, стремясь завязать с ними политические и торговые контакты. Сунская династия, поглощенная борьбой с чжурчжэнями, киданями, такой возможности не имела. Она имела более или менее регулярные связи лишь с Хотаном, когда тот находился в составе Караханидского ханства. При этом связь была односторонняя, в столицу Сунов приезжали посольства Караханов, однако сунских посольств, судя по исследованиям китайских ученых последних лет, к ним не направлялось¹. Суны не могли обеспечить безопасный проезд своих послов на пути к столице Караханов через земли, где проживали враждебные им племена. Двусторонняя континентальная связь Китая прервалась.

Установление устойчивых дипломатических связей с отдаленными странами Сиюя было необходимо для признания новой династии Мин, что способствовало бы повышению ее авторитета в стране и за ее пределами. Не надо забывать, что правители Центральной и Средней Азии причисляли себя к Чингизидам, власть которых Минами была свергнута. Минская династия устанавливала связи с Северо-Западом в неблагоприятной для нее обстановке.

Особенно успешной была дипломатическая деятельность Минов в южном направлении, чему в немалой степени способствовали морские экспедиции мореплавателя и дипломата Чжэн Хэ, дунганина по происхождению. Однако и северное направление политики занимало важное место во внешнеполитических акциях минских императоров. Угроза Минской империи создавалась в начале XV в. со стороны державы Тимура, а после его смерти – со стороны монголов. С 1410 по 1424 г. продолжались походы Минов в Монголию. На первом этапе борьбы Минам сопутствовал успех. Однако в 40-х гг. китайский император, правивший под девизом Чжэнцзун, потерпел полное поражение от ойратов и в 1449 г. попал в плен

---

¹ *Вэй Лянтао*. Калахан ванчао шигао. Урумчи, 1986.

к ойратскому хану Эсену. Это был второй в истории случай пленения китайского императора, первый произошел с сунским императором, захваченным чжурчжэнями.

В связи с катастрофой в Туму (пров. Хэбэй) минское правительство вынуждено было пересмотреть свою внешнюю политику, переориентировав ее на северо-западное направление. Оно было вынуждено отказаться от внешнеполитической экспансии в других направлениях, идеологически подкрепляя это тем, что корейцы, вьетнамцы, а также другие народности к югу от Китая, якобы, более восприимчивы к цивилизации, чем народы северо-запада. Однако механизм действия внешней политики на Севере и Юге в принципиальных вопросах оставался одинаковым, разница лишь заключалась в том, что, по мнению китайских стратегов, Север с трудом поддавался или вовсе не поддавался воздействию китайской культуры. Этот вывод должен был предполагать более жесткую политику в отношении Севера и Северо-Запада и долговременную борьбу.

С 50-х гг. XV в. до 50-х гг. XVIII в. центральноазиатское направление внешней политики Китая оставалось главным. Последовательность ее была такова: монгольское, джунгарское, а затем западное (т. е. восточно-туркестанское направление). Эту политику продолжала и Цинская империя.

Небольшое племя маньчжуров на северо-востоке захватило Китай, и с 1644 г. здесь стала править династия Цин. Политическая карта Центральной Азии претерпела существенные изменения. К тому времени образовалось и значительно окрепло Джунгарское ханство, взявшее под свой контроль часть территории Восточного Туркестана. Вскоре под его зависимостью оказалось Яркендское ханство, часть Средней Азии и Казахстана. Министерство церемоний (Либу) в своём представлении императору Канси в 1697 г. отмечало: «Галдан нанёс поражение туркестанским владениям: Самарканд, Бухара, Казахстан, Бурут (Киргизия. – К. Х.), Яркенд, Кашгар, Сайрам, Турфан, Хами. Среди подчинённых ему государств более тысячи двухсот городов [и кентов], таким образом [Джунгарское ханство] является государством, привычным к войнам»².

Применение совокупности приемов и способов для регулирования отношений с государствами Центральной Азии,

---

²Дай Цин Шэнцзу Жэньхуанди шилу. Цз. 188. Л. 28, об. 29.

искусство приобретения союзников, использование сложившейся обстановки в свою пользу, умение нейтрализовать либо изолировать на международной арене своих противников отличали цинскую дипломатию. До столкновения с западноевропейскими странами реальный взгляд на вещи искусно сочетался с выработанным веками стереотипом поведения. Политика, подкреплённая военной силой, способствовала успеху предпринятых крупных акций цинского правительства в Центральной Азии. «С великим беспокойством взирая на возраставшее могущество Чжунгарского ханства, оно употребило все средства политики, оружия и финансов для того, чтобы приобрести влияние на земле Западного края, уничтожить враждебную и опасную для себя силу чжунгаров и покорить своей власти обитателей сей страны. Оружие и финансы, употребляемые им на исполнение этого предприятия, не имели такого успеха, как политика»³.

Оружие применялось только в том случае, когда находились союзники в стане врага и среди непосредственных соседей. Эту помощь, даже если она была символической, цинская пропаганда умела преподнести в нужном свете. Военным кампаниям предшествовала большая дипломатическая работа. Поиск союзников, а затем использование в нужном плане достигались методами, в основе которых лежали традиционные дипломатические институты.

Безусловно, Джунгарское ханство погубили в первую очередь распри ханов и другие внутренние междоусобицы. В какой-то момент Цины смогли привлечь на свою сторону влиятельных ойратов с их отрядами, к примеру Амурсаны в 1755 г., а затем белогорских ходжей. Но союз с ними был весьма краток – около года, иногда два-три месяца, активные действия привлечённых союзников продолжались также два-три года. Материалы о кочевых правителях собирались, тщательно анализировались, а затем использовались в момент, благоприятный для Китайского государства.

Политическими партнерами Цинской империи, кроме среднеазиатских ханств, Тибета, Джунгарии, Восточного Туркестана, после освоения Сибири и Дальнего Востока, стала Российская империя, а затем и европейские государства. До того китайские дипломаты встречались с дипломатами

---

³ *Палладий*. Записка о Западном крае Китая, составленная по китайским источникам // ОР ГПБ Ф. IV, 691/а.

России, Франции, Италии, при дворе Тимура в Самарканде. Последние также в полной мере ощутили на себе своеобразие китайской традиционной дипломатии, о чем имеется множество свидетельств официального характера.

Западноевропейская дипломатия получила возможность ознакомиться со многими аспектами китайской дипломатии, ее традиционными институтами, способами осуществления внешнеполитических связей и способами документального оформления. Только на себе испытал китайские ритуалы и церемониалы, получая от цинского императора послания в тех же формулировках, что и отдаленные феодальные правители Средней и Центральной Азии, а также поняв китайскую официальную трактовку своих внешнеполитических и торговых связей с Китаем, европейская дипломатия начала критически переосмысливать действия китайской традиционной дипломатии в других регионах. Аналогичные процессы происходят сегодня и с китайской официальной историографией.

В результате действия в регионе Центральной Азии нескольких дипломатических школ, главными из которых являются европейская, татаро-монгольская, китайская, здесь сложилась своеобразная политическая культура. При этом ни одна из перечисленных дипломатических школ не была чистой. К примеру, русская дипломатия до реформ Петра I имела много общего с «татарской», влияние последней в значительной мере испытала и маньчжурская дипломатия, а также «мусульманская». На них, в свою очередь, воздействовала более ранняя «тюркская» дипломатия и дипломатия патриархально-родовых обществ, закрепившаяся в ряде обычаев и традиций.

В целом китайская дипломатия, пройдя все стадии феодальной дипломатии, имеет много общего с дипломатией античных государств. Вполне возможно сравнить ее и с дипломатией Византии на примере отношений последней с Древней Русью. Своеобразие китайской дипломатии заключалось в законсервированности основополагающих принципов и институтов, долговременности их действия и обширности сферы применения. Для исследования китайской дипломатии привлекается материал конца XIV–XIX вв., т. е. периоды правления эпох Мин и Цин. Это вызвано тем, что основы внешнеполитических традиций, возникшие в древности, были развиты в минскую эпоху и достигли своего пика в цинскую. При этом учитывалось, что официальная оценка

внешней политики династии Мин и дипломатии как средства ее осуществления была дана династией Цин. Следовательно, нельзя исключить обратного явления, когда сложившиеся в цинское время дипломатические институты ретроспективно накладывались на XIV–XVI вв.

Привлекаемый материал относится преимущественно к отношениям минского Китая с Восточным Туркестаном, Средней Азией и Монголией. В цинскую эпоху, после захвата Восточного Туркестана и Джунгарского ханства и их колонизации, Средняя Азия и Казахстан заняли в дипломатии Китая приблизительно то же место, что Восточный Туркестан в минскую. Им придавалось то же стратегическое значение, внешняя политика проводилась теми же дипломатическими средствами, но в новых условиях – условиях могущества Китайского государства. Дипломатические институты с небольшими модификациями действовали в международной обстановке, неблагоприятной для китайского государства в эпоху Мин и в период усиления его в эпоху Цин, а затем укрепления влияния Российской империи в Средней Азии и Казахстане.

Хронологические рамки исследований обусловлены тем, что сама дипломатия в сегодняшнем ее понимании, как особый вид повседневной государственной деятельности, возникла в Европе в XVI–XVII вв. Именно в это время появились специальные внешнеполитические ведомства, занимавшиеся перепиской между государями, приемом посольств, а при дворах правителей находились постоянные представительства иностранных государств. В это время европейская школа дипломатии непосредственно вошла в контакт с китайской, а различные дипломатические школы столкнулись между собой.

ВВЕДЕНИЕ

Источники и историография

История феодального Китая не знает такого периода, который был бы так оснащен источниками, как исследуемый нами. Эпохи правления династий Мин и Цин намного полнее и разнообразнее обеспечены источниками всех типов по сравнению с любым другим периодом. Богатейший фонд составляют исторические традиционные жанры, выработанные многовековой китайской феодальной историографией, эпиграфические материалы, актовые материалы, другие памятники культуры.

До нашего времени сохранилось огромное количество официальных документов из фондов центральных учреждений эпох Мин и Цин. Правда, минские намного уступают по богатству и сохранности цинским материалам, но в то же время они, в свою очередь, значительно разнообразнее и полнее.

На минский и цинский периоды приходится дальнейшее развитие и расцвет некоторых жанров литературы, восходящих к древности.

С прошлым источники связывало два важнейших явления, характерных для китайской историографии. Китайские источники составлялись при господстве одной идеологии – конфуцианства, под строгим контролем и давлением государства. Это не значит, что в Китае минского и цинского времени историки не писали самостоятельных работ. Имеется даже специальный термин для таких трудов – «Дикие истории» («Еши»). Однако, как правило, ученые преподносили свои труды трону, если хотели видеть их обнародованными. И тогда работы проходили жесткую цензуру, а затем «высочайше одобрялись». Не следует забывать и того, что ученые получали традиционное конфуцианское образование, воспитывались на лучших образцах исторических сочинений прошлых лет. В эпохи Мин и Цин считалось хорошим тоном подражать им.

Среди таких источников наиболее известными, почитаемыми для китайского историка, были «Династийные истории», ведущие начало с «Исторических записок» («Шицзи») Сыма Цяня. «Династийные истории», насчитывающие 24 многотомных труда, являются уникальным памятником китайской письменной и мировой культуры. В общем они составляют 3349 томов, охватывая период с мифических времен до 1644 г. В традициях «Династийных историй» написаны аналогичные труды в новейшее время: «Новая история Юаней» («Синь Юаньши») Кэ Цяомина (1920 г.) и «Черновая история Цин» («Цин шигао») Чжао Эрсюаня (1927 г.), которых также следовало бы отнести к этому жанру сочинений после переиздания на Тайване. Согласно традиции, «Династийная история» предшествующего правления составлялась сменившим его.

Минские и цинские источники в целом написаны в период владычества в Китае маньчжурской династии и отражают ее интересы. Самой последней «Династийной историей», завершенной в цинскую эпоху в 1739 г., является «Минская история» («Минши»), которая писалась почти сто лет¹. В работе над ней участвовало не одно поколение китайских историков.

При составлении «Минши» цинское правительство наложило запрет на все сочинения по истории предшествующей династии. Нарушавшие его подвергались тяжелым наказаниям вплоть до смертной казни². В ходе «литературной инквизиции» труды, посвященные минам, пострадали особенно сильно. Высказываются точки зрения о том, что «Минши» – завершающая работа жанра династийных историй – воплотила в себе все лучшее, что было этому жанру присуще. В то же время в данном конкретном труде было обнаружено множество ошибок, неточностей и описок. Часть их была выявлена почти сразу после написания труда, остальные продолжают обнаруживаться в наши дни.

«Минши» написана на основе сохранившихся до цинского времени источников, прежде всего материалов «Правдивых записей». Коллективу авторов были предоставлены и другие материалы государственных учреждений. Не был обойден и

---

¹ См. подробнее о создании «Минши» и его разделах: *Доронин Б. Г.* Китай XVII–XVIII веков: Проблемы историографии и источниковедения. Л., 1988. С. 64–82.

² Там же. С. 92–93.

жанр эши – труды, не вошедшие в список престижных, санкционированных государством.

«Минши»³ состоит из 332 свитков-глав (цзюаней), разбитых традиционно на разделы: «Основные записи» (бэнь цзи) – 24 цзюаня, «Историко-географический» (дифан чжи) – 75 цзюаней, «Таблицы» (бяочжи) – 13 цзюаней и «Повествования» (лечжуань) – 220 цзюаней.

Наиболее значительную часть составляют Лечжуань, куда входят биографии известных государственных деятелей, ученых, руководителей повстанческих движений и т. п. История династии показана через призму жизни хорошо- и малоизвестных людей, их поступков, оценки этих поступков с точки зрения конфуцианской морали.

Раздел «Лечжуань» включает также материал, который, скорее всего, можно было бы отнести к историко-географическому разделу. Однако и он, согласно традиции, заложенной Сыма Цянем, помещается здесь. Имеется в виду материал «Повествований» о странах, лежащих к западу и северо-западу от Минской империи и их взаимоотношениях с нею. К региону Центральной Азии относятся цзюани, объединенные в главы «Сиюй 1», «Сиюй 2»⁴, «Сиюй 4»⁵, а также специальная глава «Повествование о валах», т. е. ойратах (джунгарах). Главы содержат богатый фактический материал, иллюстрирующий историю Минской империи в Центральной Азии до гибели этого государства в результате крестьянских движений и завоевания маньчжурами.

Последним главным редактором «Минской истории», ответственным за общее содержание труда и его политическую благонадежность, был Чжан Тинъюй (1672–1755) – крупнейший государственный деятель, приближенный императора, при котором был принят окончательный вариант «Минши». Он получил высшую ученую степень цзинши еще при императоре Канси, затем верой и правдой служил императорам Юнчжэну и Цяньлуну. Особенно был отмечен и обласкан Юнчжэном, одобвившим «Минши».

Чжан Тинъюй, будучи главой академии «Ханьлиньюань» («Лес кистей»), принимал участие в государственных экзаменах, которые сдавали комиссии во главе с императором

---

³ Минши. Сер. Соинь бой на бэнь эр ши сы. Шанхай. 1958. Т. 24.

⁴ Там же. С. 31822–31850, 31864–31878.

⁵ Там же. С. 31815–31821.

лица, претендующие на высокие государственные посты, был участником ежедневных занятий императора во дворце Баохэдянь, возглавлял два из шести министерств Цинской империи, был опекуном наследника престола. Он получал и без того очень высокий оклад в шестикратном размере, хотя большинство его постов носили символический, престижный характер. Чжан неоднократно выполнял личные поручения императоров в качестве специального уполномоченного. Помимо «Минши» он привлекался к работе над другими, не менее престижными, официальными трудами, руководил составлением «Правдивых записей» о периодах правления двух императоров маньчжурской династии – Канси и Юнчжэна (1662–1736 гг.). Это был высокообразованный человек, но, естественно, образованный по-китайски, т. е. прекрасно понимал аллегории и намеки, умел читать между строк и преподнести события в духе преданности цинской династии. Уроженец г. Тунчэна провинции Аньхой, Чжан Тинъюй был последователем литературной школы «Тунгового города», считавшей образцом стиль хроник «Цзочжуань», «Чжаньго», «Ханьшу». Эта школа зародилась в XVII в., и главным ее принципом являлись использование минимального количества иероглифов, предельная лаконичность выражений при богатом содержании.

Лаконизм текста, скупое использование иероглифов затрудняют технически верный перевод, так как требуется введение новых слов от переводчика в меру его понимания. Но и технически верно исполненный перевод не гарантирует от ошибок без глубокого и всестороннего учета специфики «Династийных историй», знания приемов, которыми пользовались придворные историографы, понимания их подхода к освещению исторических событий.⁶ Автор данной книги несколько лет работала над переводами указанных выше разделов «Минши» о регионе Сиюй⁷ и все же не уверена на сто процентов, что передала полное содержание всех фраз.

Следующим важным источником является жанр «Правдивых записей» – ценный источник китайской фео-

---

⁶ Доронин Б. Г. Указ. раб. С. 158.

⁷ Хафизова К. Ш. Послание Тимура в Китай // Материалы XX научной конф. «Общество и государство в Китае». М., 1989; Послания минских императоров к Тимуридам // Материалы XXI конф. «Общество и государство в Китае». М., 1990.

дальной историографии и вдвойне ценный как источник по истории отношений Китая с другими странами, ярко характеризующий китайскую дипломатическую школу и конкретную дипломатическую деятельность минских и цинских императоров. Как отмечалось, «Правдивые записи» служили основным материалом для написания «Династийных историй». Возникновение этого термина также связано с автором первой династийной истории «Ши цзи» Сыма Цянем, который, по мнению специалистов, «писал честно, правдиво».

«Писать правдиво [Шилу] означает не выдумывать фактов, – отмечается в энциклопедическом словаре «Цыхай». – В «Хань шу» в биографии Сыма Цяня одобрительно сказано, [что] всем известно о выдающихся способностях [Сыма] Цяня как историка, (которые) он подчинял достоверному изложению событий [в строгом] соответствии с фактами и [высокими] принципами: спорил, но не шумел, писал просто, [однако] не вульгарно; язык его был беспристрастным, а в фактах содержалось зерно; не украшал прекрасное, не скрывал злое, поэтому говорим, [что] писал достоверно»⁸.

Очевидно, принципы, положенные в основу научного творчества историка древнего Китая, должны были лечь и в основу нового типа официального источника – «Шилу».⁹ Зародился он давно, почти тысячу лет тому назад, в эпоху Тан. После смерти каждого правителя его наследник составлял записи о крупнейших событиях внутреннего и внешнего порядка, случившихся при жизни предшественника. Составлялись они на основе сохранившихся хронологических записей, затем тексты неоднократно переделывались, переписывались, проходили жесточайшую цензуру, просматривались лично государем. Сохранились сведения и справки о «Шилу» некоторых императоров эпохи Ляо (907–923), одного императора династии Тан и одного династии Сун. Наиболее полно и хорошо сохранившимися являются минские и цинские правдивые записи, охватывающие период с 60-х гг. XIV в. по 80-е гг. XIX в., т. е. почти за 500 лет.

«Мин шилу» неоднократно переписывались и распространялись по всей стране стихийно, в связи с чем имеется несколько его списков. Китайские ученые Ван Чунью и др. проводили сверку текстов нескольких обнаруженных спи-

---

⁸ Цыхай. Шанхай. 1948. С. 428.

⁹ Подробнее об источнике этого типа см.: *Доронин Б. Г.* Указ. раб.

сков. Фотолитография «Мин шилу», выполненная в 1940 г. и хранящаяся в Нанкинской Государственной библиотеке, составляет 292 цзюаня, объединенных в 500 томов.¹⁰ Имеются и другие сверенные списки. Во всех списках обнаруживается немало ошибок, описок и других недостатков. Вызвано это тем, что «Шилу» хранились в императорских архивах и других книгохранилищах, куда доступ был весьма затруднен, в полном объеме никогда не публиковались. Эти материалы или отдельные выписки из них переписывались и передавались другим. Отсюда – неизбежность большого количества пропусков, опечаток, разночтений и грубых ошибок в каждом списке «Мин шилу». Если добавить, что «каждый император исправлял «Правдивые записи», якобы придерживаясь принципов, провозглашенных Сыма Цянем, то становится ясным, что собрания этого типа источников не являются документальными с точки зрения современной науки.

После смерти правителя его преемником составлялась специальная комиссия для написания «Правдивых записей» о его правлении изо дня в день. В состав комиссии включались ученые, крупные гражданские и военные чиновники. После завершения работы авторский коллектив распускался. Комиссия по составлению шилу подчинялась Государственной канцелярии (Нэй-га), в которой имелось специальное хранилище – Нэйгэ шилу ку.

«Цин шилу», в отличие от «Мин шилу», писались на трех языках (китайском, монгольском и маньчжурском) всего в пяти экземплярах. Они хранились в императорских архивах в Пекине, Шэньяне (Мукдене) и в Государственной канцелярии в Пекине.

Шилу цинского времени постоянно перерабатывались, уточнялись и переделывались в зависимости от значения, которые придавались событиям прошлого, и их оценок с точки зрения настоящего дня. Имеется материал, свидетельствующий о том, что только шилу первых трех маньчжурских императоров, правивших до завоевания Цинами Китая, дошли в первоначальном варианте. Остальные многократно переделывались, в особенности «Дэнзун шилу», приходящиеся на 1875–1909 гг.

«Цин шилу» составляют 1220 томов, разделенных на 122 папки по 10 книг в каждой.

---

¹⁰ Цыхай. Шанхай. 1979. Т. 2. С. 2326.

Материалы, относящиеся ко времени правления последнего императора династии Цин – Сюаньтуна (личное имя Пу И), начало 1909 – начало 1912 гг., даны под названием «Чжэн цзи», которые можно перевести как «Государственные анализы» или «Правительственные записки» (Б. Г. Доронин переводит как «Выправленные записи»).

«Цин шилу» впервые были опубликованы в Токио в 1936 г. с привлечением китайских и японских ученых. В ходе подготовки издания вносились исправления в разделы, отражавшие китайско-японские международные связи, политику Японии на Дальнем Востоке и другие проблемы.¹¹ Специалисты в Китае и на Тайване, где с 1964 г. выпускается новое издание «Цин шилу», обстоятельно проанализировали тексты, сверили их с другими копиями и выявили поздние исправления, а также фальсифицированные фрагменты. Пока нет сведений о том, как писались тексты, относящиеся к международным отношениям в Центральной Азии и к дипломатии Китая в этом регионе, в каком плане вносились исправления в тексты, повествующие о содержании посланий правителей Центральной и Средней Азии в Китай, в оценку их дипломатических актов.

«Династийные истории», а равно и «Правдивые записи» эпох Мин и Цин отражают представления и дух не только той эпохи, о которой пишут, но и ту эпоху, в которую жили их авторы.

Характерно для них и отсутствие авторских текстов, дана лишь констатация какого-либо факта. Однако факты записывались не под той датой, когда происходили, а под той, когда о них докладывалось царствующему правителю. При такой подаче материала важное значение приобретает хронологическая последовательность событий, которую не всегда сразу можно выявить. Кроме того, теряется логическая связь между событиями международного характера, дипломатическими маневрами того или иного государства. Но несомненным достоинством «Правдивых записей» является богатый материал за огромный промежуток времени, систематизированный и обработанный, хотя и со множеством умалчиваний и недоговорок.

Значение шилу как источниковой базы чрезвычайно велико: они составляли канву «Династийных историй» – фун-

---

¹¹ Доронин Б. Г. Указ. раб. С. 57.

даментальной основы китайской феодальной историографии. Если «Шилу» породили «Династийные истории» – специфический тип китайских источников, то «Династийные истории», можно сказать, породили следующий важный для истории тип источников – фанлюэ.¹² Они представляют собой нечто среднее между шилу и гоши, являются подборкой материалов, строго хронологической, но привязанной к определенному региону либо к одной теме: вопросам разработки и осуществления стратегических планов по завоеванию новых районов Центральной Азии. Этот жанр получил наибольшее развитие в цинское время – время необыкновенного развития Китайского государства, небывалого до того расширения его территории и укрепления могущества, приходящегося на XVIII в.

Жанр фанлюэ не случайно достиг расцвета при жизни императора Цяньлуна, завершившего формирование территории Цинской империи. Для нас важен и первый труд типа фанлюэ, относящийся к периоду правления Канси – первого вдохновителя и организатора походов на Запад. При нем была разработана стратегия действия китайской дипломатии в Центральной Азии, он начал ее осуществлять, а также лично возглавил поход против джунгарского хана Галдана и против Халха-Монголии. Этот труд, объемом в 48 цзюаней под названием «Циньдин пиндин шомо фанлюэ», посвящен завоевательным походам цинской династии против монголов, западных, северных и южных.

«Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюэ» продолжает его идейно и тематически, но намного превосходит объемом (171 цз.). «Пиндин чжуньгээр фанлюэ» разделена на три части, первая из которых названа «Цяньбянь» – записи о предварительных действиях и подготовке к завоеванию; вторая – «Чжэньбянь» – непосредственно о военной кампании против Джунгарии и Восточного Туркестана; и третья – «Сюйбянь» – продолжение записей, повествующее о колонизаторской деятельности цинского правительства. В связи с такой тематической направленностью источника, вероятно, не совсем верно переводить эти разделы как «предварительная, основ-

---

¹² Тип сочинения фанлюэ Б. Г. Доронин переводит как «Описания войн», с чем трудно согласиться, т. к. здесь помещен комплекс материалов, относящихся к подготовке войны, а также административно-военные мероприятия после завоевания края. См.: Доронин Б. Г. Указ. раб. С. 82.

ная и дополнительная редакция»¹³.

Многие записи этого источника повторяют аналогичные записи «Шилу», иногда с разницей в один-два дня, но большей частью под той же датой. Отсюда видно, что «фанлюэ» строго придерживались официальной версии изложения событий, а также их оценок. Имеющие целью прославление деяний династии Цин, составленные для оправдания завоевательных походов, преподнося их как благо для завоеванных народов, несущее порядок и законность, эти сочинения также составлялись под строгим надзором государства. Комитеты по составлению фанлюэ находились под непосредственным руководством, а затем в составе Цзюньцзичу (Военного Совета).¹⁴ Они так и назывались – фанлюэ гуань. Фанлюэ, кроме того, составлялись на основе секретнейших материалов этого тайного совета, в который входило весьма ограниченное число людей – высоких сановников, лично приближенных к императору, а то и кровнородственные ему. В работе над «Фанлюэ» принимали участие крупнейшие военные и гражданские чиновники – академики Ханьлиньюаня. Пожалуй, доступ к документам «Фанлюэ» был более ограничен, чем к какому-либо другому источнику, редактировался он в обстановке большой секретности.

Изданию сборников материалов и документов о джунгарских компаниях Канси (1662–1722), Цяньлун (1736–1796) в Китае придавалось важное политическое значение. Предисловие к ним писал сам император, о чем заносилась специальная запись в дворцовую хронику. Полный текст этого предисловия включался не только в вводную главу источника, но и в шилу под соответствующей датой¹⁵. Основные этапы работы над источником, завершение его отдельных разделов также регулярно фиксировались в докладах императору и личными распоряжениями последнего о начале обсуждения труда.

---

¹³ *Ходжаев А.* Взаимоотношения Цинской империи с Джунгарским: и Яркендским ханствами (1700-1760): Автореф. Дис... докт. ист. наук. Ташкент, 1989. С. 10.

¹⁴ О специфике деятельности Цзюньцзичу и его роли в выработке стратегии будет сказано в специальном параграфе.

¹⁵ Дай Цин Шэнцзу жэньхуанди шилу. Цз. 233. Л. 13, об. –16, об. Здесь содержится предисловие Канси к «Юйчжи пиндин шомо фанлюэ, дата - 1708 г.

В записи от 1764 г., например, отмечается завершение работы над первым разделом «Циндин пиндин чжуньгээр фанлюэ», а за 1770 г. дважды – в начале года и весной – обсуждалось значение предисловия к изданию, несущего основную идеологическую нагрузку, содержащего сведения от начала до конца («Бэньмо») военной кампании против джунгар и ее оценки; завершении 3-го раздела «Сюйянь» и начале обсуждения всего труда¹⁶.

Труд по частям и в отдельности рассматривался довольно долго, обсуждался и подвергался критическому разбору во многих правительственных учреждениях и был издан ксилографическим путем только в 1777 г.¹⁷

Как шилу, так и фанлюэ являются, по существу, сборниками экстрактов или полных текстов императорских повелений Цзюньцзичу. В повелениях, указах приведены фрагменты или изложения донесений чиновников различных рангов, командующих армиями, посланий иноземных правителей. Каждый указ завершается распоряжениями императора Цзюньцзичу о выполнении его распоряжений и рекомендаций соответствующими ведомствами или исполнителями. Однако это вовсе не означает, что в них не приводился полный текст императорских указов. К примеру, послания китайского императора в чужеземные страны нередко приводятся полностью в нескольких вариантах – от первоначального текста до окончательного, который вырабатывался с привлечением командующих действующих армий, провинциальных властей и нескольких центральных государственных учреждений.

Поскольку большая часть посланий правителей Центральной и Средней Азии приводится частями, иногда с разрывом в несколько десятков лет, а ряд высказываний дается лишь в изложении с учетом политических интересов Китайского государства в данный момент, то нельзя быть уверенным в том, что какие-то вопросы сознательно не опущены.

Полностью в «Мин ши» приведено послание Тимура

---

¹⁶ Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди. Цз. 720. Л. 3 об.–4; Цз. 851. Л. 7–9; Цз. 857, 15 и др.

¹⁷ Полный комплект «Циньпиндин чжуньгээр фанлюэ» хранится в отделе рукописей Российской государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (С.-Петербург).

Хромца минскому императору, благодаря чему мы имеем возможность ознакомиться с его содержанием¹⁸.

Сказанное не мешает понять китайскую дипломатию рассматриваемого периода, ознакомиться с ее важнейшими направлениями и способами их осуществления.

Как уже упоминалось, последнюю часть «Шилу» составляют «Сюаньтун чжэн цзи» – материалы о правлении последнего императора династии Цин за 1909–1911 гг. до свержения династии в ходе Синьхайской революции. Существенного изменения тип источника, несмотря на другое название, однако, не претерпел, хотя был написан уже в новейшее время.

Интересным для понимания китайской дипломатии в целом является источник типа «Нзиши бэнь мо». К. К. Флуг считает, что сочинения такого типа появились впервые при династии Сун и отходили от шаблона династийных историй, поскольку схема последних затрудняла как исторические исследования, так и историческую критику¹⁹. В сочинениях типа «Цзиши бэнь мо», или «Шимо» излагались те или иные события от начала до конца, т. е. от своего возникновения до завершения. Бэнь мо означает корень и стволы, в данном случае имеется в виду то, что «все вещи имеют поверхность и основу, а дела – начало и конец», – объясняется в словаре «Цыхай»²⁰. К источнику такого типа относится «Чоубань иу шимо» («История ведения дел с варварами от начала до конца»²¹). Он состоит из трех частей, охватывая период правления трех императоров цинской династии с 1836 по 1875 гг. Первая часть «Даогун чао» (1836–1849) включает 40 томов – каждый из двух цзюаней. Предисловие датируется 1856 г., следовательно, тогда эта часть и была завершена. Вторая часть – «Сяньфэн чао» (1850–1861) – также из 40 томов и завершена в 1867 г., третья часть «Тунчжи чао» (1862–1875) – завершена в 1880 г.

Составление этого источника было вызвано тем, что,

---

¹⁸ Хафизова К. Ш. Послание Тимура 1393 г. в Китай // Материалы XX научной конференции и «Общество и государство в Китае». М., 1989. Ч. 2. С. 126–129.

¹⁹ Флуг К. К. История китайской печатной книги сунской эпохи X–XIII вв. М.; Л., 1959. С. 5.

²⁰ Цыхай. Шанхай. 1948. С. 666.

²¹ Хафизова К. Ш. «Чоубань иу шимо» как источник по истории Казахов в XIX в. // Материалы X научной конференции. «Общество и государство в Китае». М., 1979. Ч. 2. С.31–35.

по мнению Даогуна, в «Шилу» не нашли достаточно полного освещения отношения Китая с западноевропейскими странами, развязавшими против Китая «опиумные войны»; их агрессивная политика, направленная на захват территорий Китая. Следовало дать нравственную характеристику «заморских дьяволов». С этой целью привлекался материал внешнеполитических ведомств цинского Китая, в особенности документы «Цзунли гэго шиу ямыня». Среди них были ноты и меморандумы правительств Англии, Франции, Германии, США и России, ответные документы цинского правительства, другая переписка международного характера, а также доклады провинциальных властей, императорских уполномоченных и правительственных комиссий о ходе переговоров с иностранными державами, заключении договоров с ними.

Большая группа переводчиков работала над переводами заявлений и нот европейских государств на китайский язык. Составителями сборника по традиции были назначены крупные гражданские и военные чиновники из различных правительственных учреждений: министерств финансов, наказаний, обрядов и церемоний, военного, а также Цзунли гэго ямыня и Цзюньцзичу. Главными редакторами были цензоры императорской академии Ханьлиньюань: первой части – Вэнь Цин (1796–1856), второй части – Цзя Чжэн (1798–1874), третьей – Бао Цзюнь (?). Бао Цзюнь был в составе авторского коллектива и второй части многотомного сборника. Докладывая императору о завершении работы над сборником, он особо отмечал тщательную проверку соответствующих правительственных органов и сокрушался, что не все иностранные документы переведены одинаково качественно.

Помимо строжайшей цензуры каждая из частей сборника, по установившейся традиции, просматривалась лично императором, т. е. источник прошел все стадии китайского государственного историописания. Преимуществом «Шимо» перед другими тематическими подборками в том, что в нем приводятся полные тексты иноземных посланий, при этом представлен весь ход прохождения через соответствующие инстанции. В «Шимо» представлено все делопроизводство внешнеполитического ведомства второй половины XIX в. в Китае. Фотолитография источника была издана в 1929–1930 гг.

Сборник составлялся в то время, когда Китай, стол-

кнувшись с империалистическими державами, терпел одно поражение за другим в борьбе с ними. Под влиянием западной школы дипломатии китайская дипломатия отказалась от многих традиционных форм обращения с другими государствами. Продолжая, как и прежде, видеть в иноземцах «варваров», цинская дипломатия вынуждена была, тем не менее, признать их силу и уступить ей. Это отразилось и на форме дипломатических документов Китая. Иностранные государства стали рассматриваться как самостоятельные, следовательно, изменились обращения к ним: гуй го – уважаемое государство, официальных представителей государств называли «уважаемый сановник» (гуй чэнь) либо гуй ши. Однако китаецентризм все еще довлел над сознанием и психологией китайских сановников. Им было нелегко отказаться от привычных стереотипов. В «Шимо» наименования других государств, их правителей, а также других представителей официоза писались на два-три иероглифа ниже, чем слова, обозначающие все китайское: Китай, цинская династия, девизы правления и т. п.

«Чоубань иу шимо» содержит материалы, относящиеся к среднеазиатской политике Цинов перед, в ходе и после заключения международных договоров с Россией. Наибольшее их количество приходится на 50–60-е гг. XIX в., когда был заключен Илийский (Кульджинский) договор 1851 г. и Чугучакский протокол 1864 г. В ходе развития русско-китайских отношений, размежевания территорий цинская дипломатия приобрела новые черты: изменила тактику и методы воздействия на среднеазиатских ханов и на правителей упраздненных Россией казахских ханств. Изменилась и торгово-экономическая политика Китая в связи с открытием для русской торговли Синьцзяна. Интересные материалы появились в связи с изменением обстановки в Синьцзяне и прилегающих к нему районах Российской империи, где проживали перемешанно подданные Китайского и Российского государств.

«Чоубань иу шимо» наиболее приближен к современному понятию сборника актов документов. В нем отражен ход дела – от начала до его завершения. Этот тип сочинений возник еще в X в., а наивысшего расцвета достиг в цинскую эпоху.

Б. Г. Доронин, соглашаясь с мнением китайского ученого Ли Цзунтуна, считает, что «Шимо» является видовым изме-

нением сочинений типа «Фанлюэ». В них «вместо „усмирения“ (пиндин) речь идет о „ведении дел“ (чоубань)». Таким образом, заключает он, «судьба жанра довольно точно повторила судьбу империи Цин»²². Однако налицо эволюция жанра в сторону достоверности и документальности.

Действительно, «Чоубань иу шимо» посвящен не стратегическим планам усмирения других владений путем завоевательных походов, подобно «Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюэ» либо «Пиндин доча фанлюэ» («Стратегические планы усмирения русских»), а взаимоотношениям Цинской империи с западноевропейскими государствами. Однако было бы неверным объяснять изменение жанра лишь изменениями в политическом положении Китая. Китайское феодальное государственное историописание, пытавшееся вырваться из пут строгого официоза, как и любое другое, имеет свои этапы развития. Отношение китайской историографии к источникам не отличалось от отношения к ним историографии западных держав периода позднего средневековья. К тому же проблемы внешней политики, дипломатии засекречивались во все времена и во всех странах. Однако творческий потенциал феодального китайского историописания столь мощен, охватывает столь огромный промежуток времени, что его влияние в Китае можно считать неистребимым.

Гоши, Шилу, Фанлюэ, Шимо (Бэньмо) являются важными источниками для исторических исследований, в особенности для изучения внешней политики Китая в Центральной Азии, международных отношений в этом регионе, а также китайской дипломатии. То обстоятельство, что множество документов дано в сокращенном варианте, в ряде случаев имеет и позитивное значение. Как писал К. К. Флуг: «это имеет некоторое удобство в том смысле, что дает возможность быстро увидеть их содержание, без необходимости читать длинные общие места, предварительные рассуждения, которыми начинаются все доклады»²³.

Следующий пласт источников относится к эпиграфике, надписям, исполненным на разных материалах, в том числе на камне, керамике и др. К числу таких памятников, имеющих отношение к внешнеполитическим актам Китайского

---

²² Доронин Б. Г. Указ. раб. С. 82.

²³ Флуг К. К. Указ. раб. С. 239.

государства, относятся каменные стелы, воздвигнутые на территории Восточного Туркестана и Джунгарии после их завоевания, фиксирующие факт пребывания в каком-либо районе китайского войска, а за их пределами – китайского посольства. Большая часть их была воздвигнута во второй половине XVIII в. Несмотря на довольно поздний период, многие из стел не сохранились, а сохранившиеся не являлись предметом специального изучения. Не выяснено также, являются ли сохранившиеся стелы подлинными или установлены в недавнее время.

Стелам, поставленным во времена Цяньлуна на территории Синьцзяна, придается большое политическое значение. Они были поставлены цинским правительством, и текст их обсуждался неоднократно на государственном уровне с участием императора, о чем свидетельствуют записи в «Шилу». Сегодня в Китае существует тенденция рассматривать эти стелы как памятники культуры меньшинств²⁴, возможно, потому что они расположены на территории, где они проживают.

Тексты всех стел, возведенных в Центральной Азии, сохранились в книге «Циньдин хуаньюй Сией тучжи» («Высочайше утвержденное историко-географическое обозрение Западного края с картами»), изданной в Ханчжоу в 1893 г. Это сочинение – классический тип «тучжи», или «фанчжи», т. е. историко-географического описания обозрений, возникших в глубокой древности. Составление их также носило государственный характер и велось под контролем центральных учреждений и самого правителя, что видно из названия.

Обозрения являлись сводом исторических и географических сведений о каком-либо районе или крае за весь известный исторический период. В «Сией тучжи» подробно описаны Восточный Туркестан и Джунгария: реки, горы, климат, народы, населявшие районы, их нравы и обычаи, история их отношений с Китаем с древности до времени написания книг. Подробно описаны соседние народы, а их территория идентифицируется по древним и средневековым источникам. Рассказывается о политике Китая по отношению к ним с обозримого исторического периода до времени

---

²⁴ Синьцзян гудай миныйзу вэньу. Пекин, 1985. Иллюстрации 337 и 339 являются снимками двух стел, посвященных джунгарам и торгоутам.

написания работы.

«Фанчжи» (Тучжи) – свод справочного материала о крае, хозяйственном и политико-административном устройстве, организации пограничной службы. Просвещенный человек находил в них для себя все необходимые сведения о крае. Более 80% сохранившихся до наших дней «Тучжи» были созданы в период правления династии Цин²⁵. Наиболее известный из них – «Сиюй тучжи», составленный крупным чиновником Цинской империи Лю Тунсюнем (1700–1773), принимавшим участие и в составлении «Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюэ»²⁶. В 1755 г., будучи генерал-губернатором провинции Шэньси-Ганьсу, он отвечал за почтовые станции и снабжение армии конями и скотом²⁷.

В исторических ракурсах тучжи помимо сведений из истории взаимосвязей даются рекомендации для современного периода. Особенно интересны полные тексты молений и жертвоприношений духам гор и рек, раскрывающие малоизвестную для нас сторону китайской внешней политики. Приводятся также выдержки из императорских наставлений (шэньсюнь), являющиеся одним из официальных источников китайской историографии и образующие самостоятельный жанр.

Любопытно поэтическое творчество цинского императора Цяньлуна, самого плодовитого поэта своего времени, который писал стихи, посвященные историческим событиям. Имеются посвящения дарам из Восточного Туркестана и Средней Азии (воспевание диковинных фруктов: винограда, граната, блюда острого меча), достопримечательностям (например, посвящение священному дереву на территории Казахстана). Стихи записывались на бумаге, шелке и передавались в дар иноземным правителям. Имеется множество посвящений Цяньлуна военным победам маньчжурско-китайских войск в Центральной Азии. Изучение этого материала позволяет ознакомиться с духовным аспектом международных связей и контактами в области культуры.

В этом аспекте не изучены и материалы «Сиюй шуйдао цзи» («Описание водных путей Сиюя»), автором которых является известный историк Сюй Сун (1781–1848), имев-

---

²⁵ Доронин Б. Г. Указ. раб. С. 103.

²⁶ Циньдин пиндин чжуньгээр. Вводная глава (шоуцзюань).

²⁷ Там же. Чжэньбянь. Цз. 8. Л. 25, об. 27.

ший высшее ученое звание цзиньши. Он был академиком Ханьлиньюаня и по роду службы имел доступ к императорскому книгохранилищу, составлял комментарии к книгам эпох Тан и Сун. Служил начальником отдела в Министерстве обрядов, чиновником, ответственным за образование в провинции Хунань. В 1812 г. был сослан в Илийский край, где привлекался генерал-губернатором Сюй Суном к работе над «Синьцзян шилюэ» («Описание Синьцзяна»). Объездил весь Синьцзян, увлекался историей и географией края. Составил комментарий к «Повествованию о Западном крае» – разделу в «Истории Поздней Хань» («Хоу Хань шу»), написал другие работы²⁸.

Но наиболее известным трудом Сюй Суна стало «Сиюй шуйдао цзи»²⁹, состоящее из пяти томов. В нем описаны бассейны оз. Лобнор, Баркуль, Балхаш, Сайрам, Зайсан и Иссык-Куль – всего одиннадцать водоемов, а также вся водная система Синьцзяна и территории к западу от Цзяюйгуаня. Описания снабжены обширными историческими справками, толкованием этимологии слов. Работа Сюй Суна помогает выявить географию международных отношений в Центральной Азии, маршруты движения посольств Западного края в Китай и китайских – в Среднюю Азию, Казахстан, Джунгарию.

Труды XIII–XIX вв., написанные отдельными авторами, группой авторов о Сиюе, Синьцзяне или отдельных районах Синьцзяна, в своем большинстве подробно описаны Л. И. Думаном³⁰. Источники носят комплексный характер, используются для изучения широкого круга проблем, в том числе и китайской дипломатии, и широко известны как в самом Китае, так и за его пределами.

Среди книг о Синьцзяне особое место занимает коллекция рукописей Константина Андриановича Скачкова (1831–1883). Он собирал ее с 1859 г., будучи консулом в Чугучаке (Тарбагатае). Из рукописей следует упомянуть «Собрание докладов и прошений к императорам династии Мин из иноземных и даннических стран и из подчиненных Китаю земель

---

²⁸ Чжунго жэнь мин да цыдянь. Тайбэй. 1966. С. 738. Цыхай. Шанхай, 1979. Т. 3. С. 4207.

²⁹ Сиюй шуйдао цзи. Б/м. 1821.

³⁰ Думан Л. И. Некоторые китайские источники по изучению Синьцзяна конца XVIII – начала XIX в. // Библиография Востока. М., 1935. Вып. 8–9. С. 15–40.

с некитайским населением, а также императорские указы правителям этих земель»³¹ (наименование источника дано сотрудниками библиотеки, так как титульный лист сочинения утерян).

К сожалению, нет сведений не только о печатном издании сочинения, но и указаний источника, с которого сделана выборка документов³². Возможно, это документы специальной канцелярии по переводу иноземных и инородческих посланий «Сыи гуань», основанного минским императором Юнлэ (1403–1424) в 1407 г. Учреждение подчинялось Академии Ханьлиньюань и состояло из восьми отделов – татарского (монгольского), нюйчжи, западный фаней (тибетского), индийского, тюркского, гаочанского (уйгурского), тайского и бирманского. «Сыи гуань» расширялось, к нему добавлялись новые отделы. При Цинах оно дважды реорганизовывалось, при Цяньлуэ в 1848 г. полностью стало называться хойтун сыигуань и включало два крупных отдела: сиюй и байи (сто варваров). Отдел сиюй ведал переводами документов из западных стран, включая Россию и другие владения из стран Южных морей и западноевропейских стран³³.

Документы из рукописей Скачкова представляют собой прошения послов ко двору во время прибытия и отбытия с просьбами о разрешении на вручение царских подарков с получением ответных даров минских императоров и разрешении возвратиться на родину. Документы имеют большое значение для изучения дипломатического протокола минского времени и уяснения географии дипломатических связей Минской империи и посреднической роли Восточного Туркестана в установлении этих связей со странами Сиюя от Дашт-и Кыпчака до Арабского халифата.

П. Е. Скачков передал свою богатейшую Синьцзянскую коллекцию в Румянцевскую библиотеку. В этой связи следует воздать должное русским синологам, внесшим огромный вклад в познание Китая, его культуры, политики в

---

³¹ ОР ГБЛ, ф. 274. Скачков. № 4 (213). 1–3.

³² Описание рукописи и перевод 31 документа с комментариями сделан нами в сб. «Китайские источники о Восточном Туркестане и Средней Азии» // Рук. Ин-та уйгуроведения НАН РК.

³³ Цыхай. Шанхай, 1979. Т. 2. С. 1737.

Центральной Азии³⁴. Многие их переводы, справки для Азиатского департамента МИД и других учреждений, а также другие работы лежат в архивах, библиотеках России и других хранилищах. Среди них назовем «Краткое начертание о предубеждениях китайцев о самом себе, ложном мнении их о всех прочих народах и о нынешнем положении китайского двора, сочиненное Каменским и Липовцевым»³⁵, «Записка о Западном крае Китая, составленная по китайским источникам архимандрита Палладия»³⁶, «Переводы Каменского разных сочинений из китайского языка»³⁷ (П. Каменский подарил их Императорской публичной библиотеке в 1819 г. – *К. Х.*). В последней рукописи имеется перевод П. Каменского «Посольства от Пекинского двора к царю контайшинскому, иначе называемому дзюнгорскому или элэутскому Цеван Рабтаню, кочевавшему при вершинах Иртыша Алтайских гор и по реке Или, нашего счисления 1702 г., царствования императора Канси, 41 лета, 9 луны, 14 числа»³⁸, сделанный им еще в годы учебы.

Имеются интереснейшие донесения, справки и отчеты русских консулов в Кульдже, Чугучаке (Тарбагатае), рассказы очевидцев многих событий внешнеполитического аспекта, сохранившиеся в архивах³⁹.

Огромный пласт источников составляют материалы российских архивов, в частности фонды «Зенгорские дела», «Киргис-кайсацкие дела» Архива внешней политики России, Государственного архива Омской области, Центрального государственного архива Республики Казахстан. Интересны донесения и дневники посольств из Средней Азии, Казахстана, Джунгарии в Китай в эпохи Мин и Цин, сведения о подготовке и отправлении посольств Китая в эти районы, о приеме и сопровождении посольств в Китае, их содержании в стране пребывания, отчеты и «Скаски» офицеров охраны, толмачей, отдельных торговцев, выезжавших в составе посольства со

---

³⁴ См. подробнее: *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.

³⁵ ЛО ИВ РАН, фонд архивов востоковедов 24, оп. 1, ед. хр. 26.

³⁶ ОР ГПБФ IV 691/а.

³⁷ ОР ГПУФ XVII 24/3.

³⁸ ОР ГПБФ XVII 24/3. С. 183–281.

³⁹ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5103 (Составляет 170 стр.– *К. Х.*); д. 5027 и мн. др.

своими караванами – свидетелей этих событий.

Кроме того, в русских архивах в переводах с китайского, ойратского, монгольского, тюркских языков сохранилась дипломатическая переписка правителей Центральной Азии и Китая. Большое значение для понимания китайской дипломатии в Центральной и Средней Азии имеют донесения пограничных властей российской империи, их справки (промемотии) и анализ состояния казахско-китайских, кокандско-китайских, джунгаро-китайских отношений. Они писались на основе расспросных данных представителей местной феодальной верхушки, служилых людей, беженцев разных национальностей, разведчиков и осведомителей.

Поступавшая из разных каналов информация помогала царскому правительству представить верную картину китайской внешней политики в регионе, ее основного направления и хода развития в изменяющейся обстановке. Это относится прежде всего к цинскому периоду. Документы, относящиеся к политическим, экономическим и культурным связям Китая со странами и народами Азии, позволяют изучить политическую культуру международных отношений, использование этнических, религиозных и других факторов в китайской дипломатии.

Документы ЦГА РК о подготовке и проведении международных переговоров на пограничной территории по урегулированию конфликтов и тяжб между родственными народами Цинской и Российской империй, и других чрезвычайных ситуациях, правила приема посольств, традиционные права и обязанности членов посольств помогают выявить своеобразие условий формирования международного права в Центральной Азии, влияние на них обычного права монголов, казахов и других тюркских народов, а также освященных временем других народных обычаев.

Материалы по этим вопросам встречаются во многих сборниках документальных актов межгосударственных отношений: русско-китайских⁴⁰, русско-монгольских⁴¹, ка-

---

⁴⁰ Русско-китайские отношения в XVI I в.: Материалы и документы. М., 1969. Т. 1. 1608–1683; М., 1972. Т. 2. 1686–1691. Русско-китайские отношения в XVIII в. М., 1978. Т. 1. 1700–1725.

⁴¹ Русско-монгольские отношения: Сб. докум. 1607–1636. М., 1959; 1636–1654. М., 1974.

захско-русских⁴². В сборниках документов по истории международных отношений в Центральной Азии помещены документы из китайских источников в переводах советских востоковедов, фрагменты переводов из арабо-, персо- и тюркоязычных сочинений⁴³. Некоторые работы включают приложения – подборки архивных материалов из крупнейших архивов СССР, не вошедших в другие сборники⁴⁴. Все эти работы свидетельствуют о новом этапе изучения международных отношений в Центральной Азии и внешней политики императорского Китая.

В 60-е гг. в Китае отказывались от феодального исторического наследства. В это время советские синологи Л. И. Думан, И. С. Ермаченко, В. С. Кузнецов, Г. В. Мелихов, В. С. Мясников все шире и глубже привлекали материалы шилу, фанлюэ, фанчжи, а также других источников. В Казахстане и Средней Азии также изучались эти и другие источники А. Ш. Кадыровым, Г. П. Супруненко, К. Ш. Хафизовой, А. Ходжаевым. Сегодня можно говорить о новом поколении китаеведов с хорошей базовой востоковедческой подготовкой, углубленно работающих над проблемами международных отношений в Центральной Азии (Т. О. Бейшеналиев, А. Д. Воскресенский, Д. В. Дубровская, О. В. Зотов, В. С. Иманалиев, А. И. Чернышов, А. К. Камалов).

Расширение и углубление источниковой базы по проблемам международных отношений в Центральной Азии, внешней политики императорского Китая, его традиций и специфики стимулировали появление фундаментальных работ. Среди них следует назвать работы А. А. Бокщанина, Л. А. Боровковой, С. Н. Гончарова, Л. И. Думана, А. С. Мартынова,

---

⁴² Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Сб. докум. и матер. Алма-Ата, 1961. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв.: Сб. докум. и матер. Алма-Ата, 1964.

⁴³ Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.: Документы и материалы. М., 1989. Кн. 1–2; Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. Ташкент, 1988; Цинская империя и казахские ханства: Вторая половина XVIII – первая четверть XIX в. Ч. 1, 2. Алма-Ата. 1989. Кадырбаев А. Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаириров, найманов и киреитов. Алматы, 1993.

⁴⁴ Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России. Алма-Ата, 1981.

А. Г. Малявкина, Е. С. Мясникова⁴⁵. На основе достижений отечественного и зарубежного китаеведения, а также богатейших фондов русских архивов, большой вклад в изучение проблемы международных отношений в Центральной Азии и отдельных межгосударственных связей в регионе внесли И. Я. Златкин, Б. П. Гуревич, Ш. Б. Чимитдоржиев, В. А. Моисеев⁴⁶.

В течение 20 лет Отдел Китая Института востоковедения АН СССР проводил ежегодные конференции «Общество и государство в Китае», публикации материалов, которые внесли существенный вклад в изучение политики Китая в Центральной Азии⁴⁷. В них отражено состояние проблемы в разное время, что создало основу для появления базовых работ. Несмотря на свою незавершенность, бессистемность и различный качественный уровень, эти многочисленные статьи в целом представляют хороший материал для изучения китайской дипломатии, ее институтов и традиций. Следует напомнить, что немалое время конференции были едва ли не единственной ареной, где открыто обсуждались все основные направления среднеазиатской политики императорского Китая.

Можно сказать, что в СССР в научный оборот был внесен огромный фактологический материал на разных языках, достаточно полно и квалифицированно охарактеризованы многоязычные источники, создана в целом верная картина внешней политики Китая в Азии и отдельных его районов,

---

⁴⁵ *Бокцианин А. А.* Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. М., 1968; *Боровкова Л. А.* Запад Центральной Азии во II в. до н. э. – VII в. н. э. М., 1989; *Гончаров С. Н.* Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун 1127–1142. М., 1986; *Мартынов А. С.* Статус Тибета в XVII–XVIII вв. (в традиционной китайской системе политических представлений). М., 1978; *Малявкин А. Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск. 1989; *Мясников В. С.* Империя Цин и Русское государство в XVII в. М., 1980; *Внешняя политика государства Цин в XVII в. М., 1977.* Отв. ред. Л. И. Думан.

⁴⁶ *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд. 2-е. М., 1983; *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – I пол. XIX в. Изд. 2-е. М., 1983; *Чимитдоржиев Ш. Ш.* Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв. М., 1979; *Моисеев В. С.* Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVII в. М., 1983.

⁴⁷ Публикации будут называться по мере их использования.

освещены формы и методы китайской дипломатии, тенденции китайской внешней политики, ее дифференцированный подход к отдельным народам и владениям с учетом конкретно-исторических условий. Достаточно полно изучена внешняя политика маньчжурской династии Цин XVII в., правившей Китаем в течение 267 лет. Хуже изучены внешнеполитические традиции династии Мин, правившей Китаем 276 лет, отношений со среднеазиатскими владениями.

На фоне обширных политических, торгово-экономических и культурных связей Минской и Цинской империй выявлены материалы, характеризующие традиционные институты китайской дипломатии: вассалитета, дани, заложничества, специфики дипломатической документации и дипломатического протокола. Для полного понимания этих институтов важно показать специфику политической культуры региона Центральной Азии, взаимовлияние и взаимоотношение культур ее народов, влияние обычаев и традиций на дипломатию и дипломатические институты.

Самобытная культура народов Центральной Азии, их обычаи, религия, исторический опыт общения с Китаем и между собой оказывали, очевидно, влияние и на формирование традиций, которые принято считать китайскими. Следует иметь в виду и общие закономерности развития цивилизации.

Вопросы источниковедения и историографии новейшего времени в Китае частично были решены в гоминьдановский период. Вспомним, что в 30–40 гг. были изданы «Цин шилу», «У Чоубань иу шимо», на Тайване издана «История династии Цин» («Цин ши») ⁴⁸, а также переизданы важнейшие источники по истории Китая нового времени, среди них сборники документов по внешней политике Китая ⁴⁹.

В КНР вопросам источниковедения и историографии уделялось меньше внимания. В Китае отсутствует традиция давать в исследованиях разделы, посвященные источниковой базе и историографии вопроса. В то же время в научных трудах используется все богатство исторических материалов, содержащих в ряде случаев уникальную информацию источников средневековья и нового времени.

---

⁴⁸ Цин ши. Тайбэй. 1971.

⁴⁹ Цзиньдай Чжунго шилу цункань: Сб. исторических материалов Китая нового времени. 100 сборников, 1000 выпусков. Тайбэй. 1966–1973.

В последние годы источниковедение заняло одно из центральных мест в работе историков КНР. Б. Г. Доронин выделяет несколько направлений исследований в КНР⁵⁰. Главные из них – выявление и освоение фондов источников, чему способствует снятие с конца 70-х гг. некоторых действовавших ограничений, открытие архивов для ученых. Имеются успехи в изучении конкретных минских и цинских источников, а также некоторых типов исторической литературы. Все эти обстоятельства, несомненно, будут способствовать развитию исторической науки, в том числе проблем истории международных отношений в регионе Центральной Азии.

В последнее время в Пекине, а также в провинциальных центрах Китая издаются извлечения из источников прошлого. Большая работа в этом плане ведется в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В 80-х гг. были изданы извлечения исторических материалов из всех известных источников минского времени: «Мин ши» (разделы «Сиюй» и «Сиюй эр»), «Мин шилу» и других источников о Турфанском княжестве и Хами⁵¹; источники о Синьцзяне⁵² цинского периода, о джунгарах⁵³ (извлечения из «Цин шилу» и «Дунхуа лу»). Планируется издание извлечений о Восточном Туркестане из всех 24 «Династийных историй», переводов их на уйгурский язык, а также отдельных фрагментов на языки других народов СУАР.

Названные сборники материалов дают краткие предисловия справочного характера. Нет в них ни исторического предисловия, ни источниковедческого анализа, либо полноценного историографического обзора, а тем более – научного комментария. И все же их появление является большим достижением китайской исторической науки: во-первых, проделана большая работа по выявлению необходимого материала из многотысячных томов; во-вторых, – предварительная важная текстологическая работа. Проставлены знаки препинания, выделены прямая и косвенная речь в документах,

---

⁵⁰ Доронин. Б. Г. Указ. раб. С. 11.

⁵¹ *Минцай Хами. Тулуфань цзыляо хуйбянь* / Отв. ред. Чэнь Гаохуа. Урумчи, 1984.

⁵² *Цин шилу. Синьцзян цзыляо цзилу* / Отв. ред. Го Пинлянь, Цзи Дачунь и др. Работа издана в 12 томах для служебного пользования.

⁵³ *Цин Шилу чжуньгээр шилуо чжайбянь* / Отв. ред. Го Юньхуа. Урумчи, 1986.

тексты разбиты на абзацы, сокращены старые иероглифы. Таким образом, тексты стали доступны исследователям, не знающим полного написания иероглифов.

Намного облегчилась работа над текстами и для зарубежных китаеведов. Не одно поколение китайских и зарубежных ученых будет работать над переводами текстов, расшифровкой имен, уточнением личных имен, этносов. Одновременно с выявлением, систематизацией и изучением источников о национальных окраинах Китая успешно продвигается работа над этим очень важным и тесно связанным с историей международных отношений в Азии вопросом.

Проблемы международных связей имеют множество общих положений, платформ и проблем, связанных с историей национальных меньшинств Китая. Общей для них является, прежде всего, источниковая база. Государственные образования народов Центральной Азии на разных исторических отрезках времени выступали в качестве равноправных или политически зависимых партнеров Китая в историческом прошлом. Часть владений подпадала под владычество Китая в качестве полузависимых вассальных или полностью порабощенных земель. Китайская дипломатия вырабатывалась и шлифовалась в отношениях с полисами Восточного Туркестана и Монголией, которые были захвачены окончательно Цинской империей.

Цинская империя образовалась как многонациональное государство – в этом ее коренное отличие от Минской империи. Во главе Цинской империи стояла неханьская династия. Это обстоятельство во многом способствовало изучению истории национальностей Китая, начиная с маньчжурской, а также их отношений с Китаем. Это явилось новым моментом в историографии Китая в цинское время. Однако жесточайший надзор над всей исторической наукой в цинском Китае, в особенности над освещением политики Китая за рубежом, обусловил строго официальную подачу фактов и их трактовку.

В настоящее время изучение истории малых народов Китая стало одним из важных направлений исторической науки. Осознавая, что источниковая разработанность вопроса несколько отстает, ученые решили создать несколько серий книг для всестороннего освещения истории и культуры малых народов, их отношений с Китаем с древности до образования КНР. Это истории малых народов, фундаментальные

и научно-популярные книги. Последние по структуре и задачам схожи с (?) «Фанчжи» (Тучжи) и имеют большое практическое значение. На время написания книг создавались комитеты, группы, в которые входили известные и молодые ученые, крупные партийные и другие ганьбу. В Синьцзяне был создан Комитет по составлению пяти сериалов (собр. соч. или библиотек – цуншу) по вопросам национальных меньшинств СУАР⁵⁴. Изданы сериалы книг по следующим темам: исторические материалы (Синьцзян лиши яньцзю цзыляо цуншу), переводные исторические материалы (Шици цзыляо ицун)⁵⁵, история культуры (Вэньхуа яньцзю цуншу), краткие очерки истории древних и средневековых народов Центральной Азии (усуней, давань, кангюй, сюнну, караканидов и др.)⁵⁶ и народов СУАР⁵⁷, общие истории региона, Шелкового пути, мемориальная литература.

Наиболее значительной работой, в которой отражена история всех народов Синьцзяна, является «История уйгурского народа» Лю Чжисяо⁵⁸. Обширные главы в ней посвящены отношениям Восточного Туркестана с Китаем, Средней Азией и Монголией в минскую и цинскую эпохи, трактуемых в русле китайской традиционной историографии.

Близится к завершению 4-томный труд «Синьцзян цзяньши», приуроченный к 30-летию освобождения Синьцзяна⁵⁹. В данное время исследование доведено до 1949 г.

Издаются сборники статей с перечнем работ о национальных отношениях в Китае под редакцией известного историка

---

⁵⁴ Синьцзян нэйуэр цзычжицзюй миныйцзу вэньти у чжун цуншу бянь вэйцаньхуй.

⁵⁵ Сделан перевод «Тарих-и Рашиди на кит. яз., трудов некоторых европейских путешественников (Свена Гведина и др.) Готовится перевод основных книг Н. Я. Бичурина.

⁵⁶ *Вэй Лянтао*. Калахан ванчао шигао. Урумчи, 1986; Линь Гань. Тукюе ши. Хухэ-ото. 1988 и др.

⁵⁷ Элосыцзу цзяньши. Урумчи, 1986; Сайлимуцзян, Айнипа, Абдулла. Уцзыбэкэ цзу цзяньши. Урумчи, 1988; Хасакэ цзу цзяньши. Урумчи. 1987.

⁵⁸ *Лю Чжисяо*. Вайуэр цзу лиши. Бэйцзин. 1984. К нашей теме относится т. 1.

⁵⁹ Синьцзян цзяньши. Т 1–2. Урумчи, 1980; Т. 3. Урумчи, 1988.

Вэн Дуцзяна⁶⁰. Он неоднократно выступал в печати, на ученых форумах с предложениями серьезного изучения истории национальностей Китая и межнациональных отношений.

Издано большое количество научно-популярных книг⁶¹. Архитектоника их приблизительно одинакова: естественно-географические условия, расселение народов, исторический очерк, общественный и государственный строй, экономическое строительство, наука, культура, медицина, памятники культуры. Основная идеологическая нагрузка ложится в этом сериале на раздел истории, но исторический очерк сжатый, большей частью посвященный отношениям местности, района, округа с Китаем. Эти отношения даются по одной схеме: тяготение прогрессивной части народов, его правящей верхушки к Китаю, раскольническая, сепаратистская деятельность «непатриотических» лиц и групп, мешающих единству многонационального Китая. Та же тенденция в освещении связей Китая с государствами, исторически сложившимися на его современной территории, прослеживается на разнообразном историческом материале всех сериалов книг. Так на протяжении столетий строится единая схема политических, экономических и культурных связей народов Центральной Азии с Китаем. Данные работы преследуют сугубо пропагандистскую цель.

В целом такой подход приводит к искажению истории политических, экономических и культурных связей государств Центральной Азии с Китаем, в том числе вошедших в состав Китайского государства: внешняя политика Китая идеализируется, однобоко характеризуется внешняя политика местных правителей.

Для нас важно то, что мы имеем, пусть тенденциозный, но фактический материал с глубокой древности до наших дней. Ценной является и фактологическая сторона проблемы. Для изучения же проблем китайской внешнеполитической стратегии и дипломатических методов их осуществления китайские источники дают исчерпывающий материал.

---

⁶⁰ Чжунго миньцзу гуаньси ши чиньцзю. Вэнь Дуцзянь чжубянь Пекин. 1984; См. также; Вэнь Дуцзянь Яо минь чжунши цзу гу вэньцзы яньцзю гунцзо // Жэньминь жибао. 1980. 14 октября

⁶¹ Хэбуко-Саир мэngu цзычжисянь гайкуан. Урумчи, 1986; Баликунь жасакэ цзычжисянь гайкуан. Урумчи, 1984 и др. (почти обо всех национальных районах и уездах).

Неоценимую помощь исследователям международных отношений в Центральной Азии, внешней политики Китая и китайской дипломатии оказывает справочный материал на русском, китайском и английском языках (биографические сведения об ученых, их трудах, материалы о литературно-исторических жанрах, деятельности политиков, дипломатов, дипломатических институтах и внешнеполитических учреждениях Китая).

Среди китайских словарей следует указать новое и старое издание энциклопедического словаря «Цыхай» («Море слов») ⁶². Издана отдельная книга «Цыхая», посвященная национальностям ⁶³. В ней собраны сведения об историческом прошлом наций и о современном их состоянии. Из биографических словарей наиболее полными являются «Словарь минских биографий» (1368–1644), изданный под редакцией Л. С. Гудрича, и «Знатные люди цинского Китая» (1644–1912) под редакцией А. В. Хаммеля ⁶⁴, а также «Китайский биографический словарь», изданный в Тайбэе.

До сих пор единственным полным словарем о политически-государственном аппарате Китая и его органах было дореволюционное издание труда И. С. Бруннерта и В. В. Гагельстрома ⁶⁵. Сегодня в нашем распоряжении имеется исследование-справочник Чжан Дэцзэ, не издававшийся более 10 лет ⁶⁶. Его своевременной публикации помешала «культурная революция», нанеся огромные ущербы исторической науке Китая. Чжан Дэцзэ дал сведения о государственных учреждениях, их организационной структуре, функциях, динамике последних в течение более двух столетий маньчжурского владычества. Сопоставляя минский государственный аппарат с цинским, китайский ученый пришел к выводу об усилении в цинском госаппарате насильственных функций, укреплении военного режима, направленных на усиление господства маньчжурской династии внутри Китая, а также экспансионистского характера ее внешней политики.

---

⁶² Цыхай. Шанхай, 1947; Цыхай. Шан, чжун, ся. Т. 1–3. Шанхай, 1979.

⁶³ Цыхай Минцзу фаньцэ. Шанхай, 1982.

⁶⁴ Dictionary of Ming Biography. 1368–1644. Ed. by Goodrich L. C. Vol. 1–2, N. Y. L. 1976; Eminent Chinese of the Ching Period. 1644–1912. Ed. by Arthur W. Hummel. Vol. 1–2. Washington. 1943–1944. Vol. 1–2.

⁶⁵ Бруннерт И. С., Гагельстром В. В. Современная политическая структура Китая. Пекин, 1910.

⁶⁶ Чжан Дэцзэ. Циндай гоцзя цзигуань каолюэ. Пекин, 1981.

Интересны исследования о деятельности центральных государственных учреждений в области внешней политики (Цзюньцзичу, Либу, Лифаньюань, Тайиюань).

Ценным источником законодательного характера является «Уложение» Лифаньюаня, переведенное с маньчжурского языка С. Липовцевым⁶⁷. Как заметили позднейшие исследователи, в переводе имеется немало ошибок, неточностей, однако пока никто из современников не взялся за такие капитальные переводы, а потому приходится довольствоваться данным трудом, сопоставляя по мере возможности переводы с текстом оригинала.

Не разработана сколько-нибудь удовлетворительно топонимика Центральной Азии. Отдельные словари, изданные в Китае, дают сведения лишь о крупных топонимах, встречающихся в источниках различных периодов. Первую попытку систематизировать географические сведения о Западном крае сделал в 20-х гг. Фэнь Чэнцзинь по просьбе одной из проблемных групп Северо-Западного института. Словарь готовился как справочный материал для служебного пользования. Расширив и дополнив его, Фэнь Чэнцзинь собрал материал для «Топонимического словаря нэньского периода» («Юаньдай ди мин»). Он систематизировал и расшифровал названия местностей, входивших в регион Сиюй в период монгольского господства в Китае, который включает в себя самую обширную территорию, ставшую известной благодаря монгольским завоеваниям. Однако все материалы Фэнь Чэнцзиня о Сиюе, в их числе и материалы о топонимике стран Южных морей, в годы японской оккупации 1940–1941 гг. были утеряны. Впоследствии был случайно обнаружен один из первоначальных вариантов словаря местностей Сиюя, и на его основе издан «Сиюй димин»⁶⁸. Словарь составлялся в то время, когда китайская наука о топонимах развивалась в изоляции от европейской науки. В то же время именно в Китае имелся наиболее древний разносторонний историко-географический материал о регионе. Существовала и собственная школа топонимики, начало которой может быть отнесено к II–I вв. до н. э.⁶⁹

---

⁶⁷ Уложение китайской палаты внешних сношений / Пер. с маньчж. С. Липовцева. СПб., 1828.

⁶⁸ Фэнь Чэнцзюнь. Сиюй димин. Пекин, 1930.

⁶⁹ Каталог гор и морей (Шань хай цзин). М., 1977 / Пер. с кит. предисл. и ком. Э. М. Яншиной.

Очередная попытка составления топонимики Западного края, ее расшифровки и систематизации была предпринята в эпоху Цин⁷⁰. В 30–40-х гг. нашего столетия ученые старой китайской школы продолжали изучение проблемы. Новые топонимы появились в Словарях наименований местностей Китая, древних и современных географических названий Китая и др.⁷¹

Расшифровка и идентификация топонимов, встречающихся в источниках различных периодов, – задача нелегкая для китайских исследователей. Еще более трудной является работа по восстановлению автохтонного наименования на исчезнувшем языке (сюнну, древних саков, согдийцев и т. д.). К этому следует добавить, что и чтение иероглифов менялось, так же как и правила транскрипции и транслитерации.

С 70-х гг. вновь началось интенсивное изучение топонимии⁷² Центральной Азии китайскими учеными. Обусловлен этот интерес был политическими причинами, что, естественно, накладывало определенный отпечаток на исследования.

Основным источником географических сведений остаются записки послов, разведчиков, информация самих иноземцев о тех землях, на которых они проживали или через которые проезжали, рапорты военачальников, карты военных походов. Как видно из сказанного, географические знания и в древности, и в средневековье были неотъемлемой частью военно-стратегического искусства.

---

⁷⁰ Среди них замечательный вклад внесли работы Сюй Суна, о которой говорилось выше, и Чжан Му (Мэнгу юму цзи – Записки о монгольских кочевьях). Книга Чжан Му имеется в прекрасном русском переводе П. С. Попова (Попов П. С., Мэнгу юму цзи / Пер. с кит. Спб, 1895). К сожалению, в ней охвачена только восточная часть Сиюя.

⁷¹ Чжунго гу цзинь ди мин да цыдань. Шанхай, 1931.

⁷² В БКРС (Т. 4 С. 393) термины «димин» и «диминсюэ» переводятся «местности», в то же время первое слово означает название «топонимия», а второе – «учение о названиях» – топонимика.

Глава I

ЗАПАДНЫЙ КРАЙ И «ЗАПАДНАЯ» ПОЛИТИКА КИТАЯ

Западный край Сиюй

Историко-географический термин «Сиюй» в целом может употребляться наравне с географическим термином «Центральная Азия»¹. Последнее географическое понятие появилось гораздо позже и охватывает определенный, а именно, центральный район азиатского континента. Древний термин Сиюй употреблялся только в Китае, то есть является специфически китайским. В древности знания китайцев об этом регионе были достаточно высокого уровня. Термин «Центральная Азия» – порождение европейской науки. В Китае понятия «Европа», «Азия» под влиянием европейских миссионеров и ученых стали известны в минскую эпоху², но географические понятия не вошли в обиход китайской науки. В течение почти пяти столетий китайские ученые продолжали употреблять термин «Сиюй».

В связи с тем, что термин использовался огромный промежуток времени, на ареал Сиюя влияли и конкретные географические знания китайцев, и политика Китайского государства в отношении его.

Большинство современных ученых в Китае и за его пределами признают, что в Китае в него вкладывают два основных значения: в узком смысле Сиюй – это Восточный Туркестан, а в широком – его пределы трудно ограничить.

Возникновение названия Сиюй, очевидно, связано с ханьским периодом истории Китая. Во всяком случае, в это время им стали широко пользоваться. Наиболее раннее его упоминание встречается в разделах «Исторических

---

¹ Мы включаем в него те же районы, что и Б. П. Гуревич (см.: Международные отношения в Центральной Азии. М., 1979).

² *Фэн Чэнцзюнь*. Сиюй димин. 1930. С. 17, 28.

записок» Сыма Цяня «Повествование о Сюнну» (Сюнну чжуань) и «Повествование о Давани» (Давань чжуань), а также в биографиях ханьского императора У Ди, при котором был открыт Западный край, ханьских дипломатов и военачальников, связанных родом своей деятельности с краем. Однако в труде Сыма Цяня Сиюй еще не выделен в самостоятельный историко-географический район – материал о нем разбросан в двух главных повествованиях о восточной и западной частях Сиюя – Сюнну и Давань.

Напомним, что в «Шицзи» изложена история Китая с мифических времен до конца I в. до н. э.³ Следовательно, ко времени жизни историка был накоплен неравнозначный материал о Западном крае. Преимущественно он основывался на дневниках разведчика и дипломата в страны Сиюя Чжан Цяня, а также на итогах ферганского (даваньского) похода. Как видим, знания древних китайцев о Западном крае самым тесным образом связаны с установлением и развитием межгосударственных отношений.

Употребление слов «страны», «государства» здесь правомерно. Ученый цинского периода Сюй Сун, специально изучавший главу о Сиюе в ханьскую эпоху, считал, что слово «юй» в древности означало «го» – государство, в таком случае Сиюй первоначально означало «Западные государства». Одновременно с ним употреблялось в ханьское время и понятие Сижунь, где «жунь» означает преимущественно тюркские племена. «Сиюй в древности назывался Сижунь», – указывается в известном историко-географическом труде⁴.

Ханьский историк Бань Гу, доведший свою «Историю» до 25 г. н. э., обобщил весь материал о Западном крае и поместил в «Ханьшу» отдельную главу «Сиюй чжуань» («Повествование о Западном крае»). Этим было положено начало изучению Западного края. Во всех последующих династийных историях продолжалось повествование о Западном крае, дополнялось и уточнялось, комментировалось и объяснялось. Таким образом, главы «Сиюй чжуань» по мере накопления географических знаний китайцев расширялись. В «Минши», последней из «Династийных историй», число их

---

³ Боровкова Л. А. Запад Центральной Азии во II в. До н. Э. – VII в. Н. э. М., 1989. С. 7; Сюй Сун. «Ханьшу» Сиюй чжуань бучжу. Б/м. 1829.

⁴ Циньдянь хуаньюй Сиюй тучжи. Хэнчжоу. 1893. Пояснение к карте края.

дошло до четырех. В итоге «Династийные истории» донесли до нас уникальный материал о Западном крае почти за два тысячелетия. Большая часть этого материала переведена Н. Я. Бичуриным (примерно за тысячу лет)⁵.

По мере расширения географического кругозора в раздел о Сиюе включались все новые и новые владения, вплоть до Восточного Средиземноморья. В танское время (VII–IX вв.) к региону относили Индию, а в юаньское (XIII в.) – Европу и Африку. Одновременно в Китае бытовали и более скромные координаты Сиюй. Так, в «Хоу Ханьшу» Фань Е в главе «Сиюй чжуань» сказано: «Государства, находящиеся в Западном крае, с востока на запад занимают территории свыше шести тысяч ли, с юга на север – более тысячи ли; на востоке доходят до Юймыня и Яньгуаня, на западе достигают Цунлиня (Памира. – К. Х.). На севере и востоке они граничат с сюнну и усунями, на юге и востоке – высокие горы, в центре – река»⁶.

Описанный район территориально совпадает с Восточным Туркестаном, следовательно, в эпоху Позднего Ханя (I–III вв. н. э.) термин Сиюй использовался для обозначения Восточного Туркестана, который рассматривался как единое историко-географическое понятие.

Почему же он назывался Западным, на что ориентировались древние китайцы, определяя направление края по сторонам света? Многие китайские и зарубежные ученые считают, что край был расположен к западу от Китайского государства⁷ и потому назван Западным. Этот ответ не совсем точный, так как Сиюй расположен, строго говоря, к северо-западу от Срединного государства. Принципиально не возражая против установившейся традиции, обратим внимание на одно обстоятельство. В «Истории династии Хань» Бань Гу написано: «Сиюй расположен к западу от Сюнну и к югу от Усунь»⁸. То есть ориентир ведется от могущественной державы кочевников – Сюнну (Хунну), которая владела территориями к северу от Хань. Под власть Сюнну попадали

---

⁵ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950.

⁶ Кроков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. С. 125.

⁷ См.: Боровкова Л. А. Указ. раб. С. 9–10.

⁸ Цит. по: Сюй Сун. «Ханьшу» Сиюй чжуань бучжу, цз. 1, л. 2.

и земли к северо-западу, или они контролировались этой второй крупной державой Центральной Азии после Ханьской империи. Сюнну блокировали северную и северо-западную границы Китайского государства, от них зависел приезд западных посольств. Конница Сюнну совершала набеги на пограничные окраины Ханьской империи. Из этого исходила внешняя политика Ханьской династии в отношении Сиюя. «На эту территорию начали проникать со времен ханьского У Ди. После этого в течение двух тысячелетий действие и противодействие были нечастыми»⁹. То есть контакты были нечастыми.

И в цинскую, и в конце минской эпохи заново осмысливались не только западная политика древних государств, но и само понятие региона Сиюй. Четыре главы «Мин ши» посвящены ему. В 329-й главе говорится о Хами и Турфане, в 330-й – о тангутах, в 331-й – о пяти владениях к западу от провинции Юннань, в 332-й – о среднеазиатских владениях: Самарканде, Бухаре, Ташкенте, Андижане, Сайраме, владениях, охватывавших территорию Восточного Туркестана и Средней Азии – Бешбалике и Илибалике, Аравии, Персии, Сирии. Минская династия, правившая между неханьскими династиями Юань (монгольской) и Цин (маньчжурской), была меньше территориально, но вела традиционную внешнюю политику, проявляя присущую ей инициативу и активность, но без агрессивности. В то же время «Минская история» писалась в цинскую эпоху и в значительной мере отражает историческую подоплеку внешней политики и аргументацию Цинов.

В цинскую эпоху началась большая работа по изучению письменных памятников, касающихся Сиюя. Этой работе придавалось большое политическое значение. Она носила разносторонний всеохватывающий характер и не прекращалась вплоть до падения династии Цин. Пересматривались, тенденциозно оценивались все предыдущие материалы о Сиюе в династийных историях, составлялись заново обширные комментарии к главам о Западном крае всех предыдущих «Государственных историй» («Гоши»). Цинские исследователи опирались в основном на следующие труды: «Шицзи», «Ханьшу», «Хоуханьшу», две главы «Сиюй чжуань» («Цзиньшу»), «Сижун чжуань», «Вэйшу» («Сиюй чжу-

---

⁹ Циньдин хуанюй Сиюй тучжи. Ханчжоу, 1893.

ань»), «Бэйши» («Жуаньжуань чжуань»), «Суйшу» («Сиюй чжуань»). Четыре последних труда были написаны в эпоху Тан (618–907) – пика китайской дипломатии, расцвета политических и культурных связей с Западным краем через Шелковый путь. Они охватывают соответственно 265–419, 386–535, 386–581, 581–618 гг., т. е. почти 500 лет истории Сиюя. К их числу следует причислить, естественно, танские источники, а также минские.

Цинские политики особо выделяли сведения о Сиюе в периоды империй Хань и Тан. В 1755 г., когда Цинская империя подготавливала серию военных актов против Джунгарского ханства и Восточного Туркестана, последовал указ императора Цяньлуна: «Высочайшее повеление сановникам Военного Совета: В ханьский период районы наших застав были весьма обширны. В (районе) Урумчи и других уйгурских владениях создавались военные поселения, и все они подчинялись [Китайскому государству].

В начале правления династии Тан учреждались наместничества (духу) на обширных землях, в том числе на северо-западе. Ныне сохранились [их] старинные наименования.

Повелеваем передать приказ Оу Жуананю: в этом походе все известные местности уйгурских племен, которые относились к Джунгарскому [ханству] соотносить с местностями, упоминаемыми в историях Хань и Тан, дабы можно было ссылаться. Кроме того, те местности, которых не достигли в периоды Хань и Тан, выяснять одну за другой с территориями и [населяющими их] народами и тщательно записывать. При удобных случаях представлять доклады, дабы можно было, собрав [материалы], составить сборник»¹⁰.

Очевидно, эта работа велась постоянно с привлечением все новых сил. О приказе императора пишет и крупный историк цинской эпохи Вэй Юань: «Оу Жуанань и Лю Гун (князь) получили высочайшее повеление исследовать географические описания Западного края, [составленные] при династиях Хань и Тан, происшедшие с тех пор изменения и составить описание знаменитых гор и рек...»¹¹.

В цинскую эпоху, в связи с завоеванием Джунгарского ханства, а затем Восточного Туркестана, с небывалой до того активизацией внешней политики, расширением сферы

---

¹⁰ Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюэ. Цяньбянь. Цз. 7. Л. 8–8 об.

¹¹ Вэй Юань. Шэн у цзи. Пекин. 1842. Цз. 4.

ее действия до России, представления о Сиюе претерпели изменения в сторону расширения. И хотя оно включало территорию меньшую, чем в период монгольского владычества в Китае, все же было достаточно широким. Центром региона оставались Восточный Туркестан, Джунгария, часть Средней Азии и Казахстана. Эта территория тянулась от Монгольского Алтая на востоке до оз. Балхаш на севере, Самарканда, Ташкента, Индостана и Пакистана на западе, застав Юймынгуань и Дуньхуан на юге.

Сиюй, вошедший в состав Цинской империи, делился на два крупных района – к западу и востоку от отрогов Тяньшаня: Тяньшань наньлу и Тяньшань бэйлу. Здесь проводилась инструментальная съемка с привлечением европейских миссионеров. Об этом в «Записках о священных войнах» сказано: «Император приказал товарищу министра Ведомства церемоний Хэ Гоцзуну, возглавив европейцев и взяв необходимые инструменты, начертить карты и, вычислив склонение созвездий на северо-западе, определить сезоны лунного календаря, время восхода и захода солнца и издавать текущие календари-альманахи [для Западного края]»¹².

Результаты съемок полностью отражены в фундаментальном труде о Сиюе. Описание расположения региона показывает влияние на географические представления китайцев новых знаний. Китай уже не представлялся центром Земли, а остальные государства – только его периферией: «Китай (Чжунхуа) является северо-востоком большого континента (дади). Сиюй, следовательно, – северо-запад Китая, составляющий точно северо-западную часть континента. [Он] тянется от Цзяюйгуаня на запад до Джунгарии (Чжуньбу) и Восточного Туркестана (Хойбу), до ряда внешних владений (вай ле фаньбу). В окружности составляет более двадцати тысяч ли»¹³.

Вэй Юань также отмечал, что в результате покорения Джунгарии и Восточного Туркестана к Цинской империи присоединена территория общей протяженностью более 20 тыс. ли в окружности и простирающаяся более чем на 7 тыс. ли с востока на запад и 3 тыс. ли – с севера на юг, доходившая на севере до границ России, на востоке – до границ Халхи,

---

¹² Вэй Юань. Шэн у цзи. Пекин. 1842. Цз. 4

¹³ Циньдин хуаньюй Сиюй тучжи, цз. 2, л. 3.

на западе – до границ бурутов (киргизов – К. Х.), на юге – до границ Тибета и Цинхя¹⁴. Эта территория стала называться Синьцзяном, то есть новой пограничной территорией, в 1885 г. она была выделена в провинцию с одноименным названием. Следовательно, этот политико-географический, а теперь политико-административный термин вошел в употребление в цинскую эпоху. В то же время название Синьцзян использовали параллельно с названием Сиюй, но в более узком значении. Возможно, официальное его употребление впервые зафиксировано в книге «Циньдин Синьцзян шилюэ», в которой имеются также другие, неканонизированные, то есть неофициальные варианты: «Или цзунтун шилюэ» (Всеобщее обозрение Илийского края), «Сичунь яолюэ» (Очерки истории Западной окраины)¹⁵.

В минских источниках не встречается термин Синьцзян, тем более нет его в источниках предыдущих периодов. Таким образом, словообразование Синьцзян является новым и имеет колониальный оттенок. Это отмечал в своей записке, основанной на китайских источниках цинского времени, архимандрит Палладий: «И только настоящее маньчжурское правительство Китая после окончательного покорения страны (Джунгарского ханства. – К. Х.) в 1756 и 1757 гг., дало им новое название Синьцзян...»¹⁶.

Сиюй продолжали использовать и для обозначения территории Восточного Туркестана, и для обозначения всего известного пространства к западу от него. Возможно, этот факт объясняется тем, что оставалась основная стратегическая линия внешней политики Китая в этом регионе.

Россия, а ранее ее сибирские и среднеазиатские районы, также рассматривались китайскими политиками как часть Сиюя. Цинская империя вначале ошибочно принимала Россию за небольшое владение в Сибири, аналогичное монгольским государственным образованиям. Территория России, в особенности Верхнее Прииртышье, включалась во многие описания, относящиеся к Сиюю.

Некоторые китайские исследователи топонимов

---

¹⁴ Вэй Юань. Шэн у цзи, цз. 4.

¹⁵ Циньдин Синьцзян шилюэ. Б/м. 1821; Или цзунтун шилюэ. Б/м. 1809. Сичуй яолюэ. Б/м. 1811.

¹⁶ Палладий. Записка о Западном крае Китая, составленная по китайским источникам // ОР ГПБФ IV 691/а, л.1.

Центральной Азии предполагают, что название Сибирь имеет китайское происхождение («Си» – запад, «би» – окраина, «эр» – окончание, присущее северному диалекту китайского языка).

Представление о Сиюе в западном и восточном направлении сильно расширилось при Цинах в связи с включением в него России. В этом отличие взгляда на Сиюю в цинскую эпоху.

Об отношениях с Россией, стратегии и тактике китайской дипломатии написан труд типа фанлюэ¹⁷, в котором тенденциозно освещаются русско-китайские отношения. Были попытки со стороны цинской дипломатии навязать Русскому государству статус «вассала». Но они потерпели провал¹⁸. Послания китайских императоров в Россию оформлялись и составлялись в том же духе, что и к мелким владельцам Центральной Азии, а приезд русских послов в Пекин подавался, согласно установившейся традиции, как доказательство послушания и преданности белого царя (цыган-хана)¹⁹. При этом они должны были приезжать один раз в три года. В китайских документах отмечалось, что русские «с данью в столицу приезжают через Кяхту, Халху и Калган»²⁰.

Торговые отношения, обмен с Россией были районированы, подобно торговле с другими народами Центральной Азии. Казахам позволялось торговать в Джунгарии, а киргизам и кокандцам – в Восточном Туркестане. Отношениями с Россией ведала Палата по делам зависимых земель. Отсюда отсылались грамоты в страны Сиюя в цинскую эпоху. Приемом русских послов, обсуждением вопросов церемониала на аудиенциях в столице занимались «генерал-губернаторы Западной Татарии, Председатель Совета западных дел», указывалось в отчетах русских посольств²¹. Их относили к той же категории «даннических» посольств, что и среднеазиатские.

Пример отношения Китая к Российской империи отражает уровень политической культуры Китая, а не сложивши-

---

¹⁷ Чан Шу. Пиндин лоча фанлюэ (Стратегические планы усмирения русских).

¹⁸ Мясников В. С. Русское государство в XVII в. М., 1980.

¹⁹ См.: Внешняя политика государства Цин в XVII в. М., 1977.

²⁰ Бичурин Н. Я. Собрание сведений по исторической географии.

²¹ Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. 1. С. 454, 491, 576.

еся реальные отношения. Однако русским дипломатам порой приходилось мириться с этой ситуацией для сохранения и упрочения отношений с соседом.

Справедливости ради следует отметить, что и русское правительство воспринимало Китай как одно из мелких владений за Сибирью и ставило целью принять его в «холопство». Это обуславливалось незнанием сил противника и реальной обстановки, а также общим уровнем феодальной дипломатии и зачаточного состояния международного права. Через подобные стадии прошел не только Восток, но и Запад. Однако Запад избавился от пережитков феодальной дипломатии в новое время, а Россия – ко времени правления Петра I. Цинская империя придерживалась феодальной дипломатии почти до конца XIX в. В этом заключалось своеобразие политической культуры Центральной Азии.

Как уже говорилось, в течение двух тысячелетий китайская историография вела историческое повествование о соседних племенах и странах. Анализ наиболее ярких и наиболее полных повествований (лечжуань)²² помогает выяснить, какие моменты были наиболее важными для китайских политиков, что вызывало интерес, что одобрялось, а что вызывало удивление или осуждение. В структурном отношении для китайских историков идеалом оставались главы о чужеземных странах, написанные Сыма Цянем и Бань Гу. От полноты материала, а она зависела от интенсивности контактов Китая с этими государствами, материал об иноземцах предстает в главах больших и маленьких, порой из 5-6 предложений. Но, невзирая на объем, эталоном для таких глав служат канонизированные «Династийные истории», авторами которых являются Бань Гу и Фань Е. Различные труды, специально посвященные одному региону, в нашем случае – Сиюю, также в целом следуют этим незыблемым правилам, хотя фактический материал впоследствии неизмеримо возрос.

Обратимся к последней по счету династийной истории – «Минши»²³, а именно к большой главе о вала (ойратах). В

---

²² Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... Т. 2; Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968; Вып. 2. М., Предисл. пер. и прим. В. С. Таскина; Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск. 1974.

²³ Минши. Цз. 328. Вайго цзю (Иностранные государства. 9) Вала (ойраты). С. 31815–31821.

ней говорится о том, что вала – это монгольское племя, которое начало усиливаться после гибели династии Юань. К ним было отправлено несколько минских посольств, в частности первый император династии Мин сообщил им о своем воцарении. В начале правления Юнлэ вновь было отправлено посольство к ойратскому правителю Махаму с подарками из узорчатых шелков. Ответное посольство Махаму прибыло через несколько лет, в 1408 г. Далее следует самая большая и подробная часть главы об отношениях ойратских правителей с Китаем. Повествование об ойратах доводится до 1606 г.

Китайско-ойратские отношения трактуются в главе тенденциозно, так же как и отношения джунгар с Восточным Туркестаном. Много внимания уделяется разборкам джунгар и нравственной характеристике их ханов. Сведения об обычаях и нравах ойратов, географии края разбросаны по всей главе, а не выделены в конце, как было обычно принято²⁴.

Более типичны разделы в главах о Сиюе, Хами и Турфане, Самарканде²⁵ и Герате. По своей структуре они являются классическими. Главы начинаются с исторических сведений о названиях владений, упоминаемых в хрониках, начиная с Ханьской империи. Указывается расстояние от них до столицы Китайского государства или до заставы Цзяюйгуань. Только после этих сведений начинается рассказ о начале и ходе развития контактов данного владения с Китаем. Эта часть традиционно наиболее обширная. В ней указаны все известные даты прибытия иноземных посольств, перечисляются их подношения и дары минских императоров. Повествование о политических и посольских связях, торговом обмене охватывает период с 1387 г. до конца XVI в., до периода правления Ваньли (1573–1619). В третьей части даются этнографические сведения: описываются обычаи, нравы, религия, одежда, основные постройки городов. Кроме того, приводятся краткие географические сведения: перечисляются соседние владения, рассказывается о климатических условиях.

---

²⁴ О содержании главы подробнее см.: *Покотилев Д. З.* История восточных монголов в период династии Мин. 1368-1634 (По китайским источникам). Спб., 1893.

²⁵ Раздел о Самарканде переведен нами. См.: *Документы и материалы по истории китайских отношений с Восточным Туркестаном, Центральной Азией и Казахстаном.* Алматы, 1994.

Для цинского времени наиболее исчерпывающими являются разделы о владениях Центральной и Средней Азии в «Циньдин хуаньюй Сиюй тучжи». В одном томе в пяти главах описываются владения Центральной Азии. По установившейся традиции все владения Центральной Азии отнесены к вассальным. Так, в разделе «Фаньшу» (Вассальные владения), в первой главе дано описание казахских Среднего и Старшего жузов, во второй – восточных и западных киргизов, Коканда, Андижана, Маргелана, Намангана и Ташкента. В третьей главе раздела «Фаньшу» приводятся описания Бадахшана, Балтистана, Индустана, Афганистана и Бухары²⁶. Действительно подчиненные Цинской империи Джунгария и Восточный Туркестан рассматриваются под заголовками «Второстепенные (дополнительные) записи»²⁷; разделенные на две главы, в которых рассматриваются вопросы генеалогии правителей, письменности, языка, приводятся исторические и прочие предания и сведения китайских источников о народе. В «Примечаниях» приводятся сведения о достопримечательностях и стихи императора на джунгарские или уйгурские сюжеты. Цинский источник, таким образом, является расширенным повествованием о владении.

Для сравнения его с минским источником возьмем текст о Бухаре: «Бухара расположена к западу от Бадахшана. В 25 году правления Цяньлун (1760 г.) Хойбу (Восточный Туркестан. – К. Х.) был окончательно покорен. Были отправлены послы (в Бухару? Среднюю Азию? – К. Х.) с повелением и подарками (императора). В 29 году (1764 г.) правитель владения Абулхаир прислал своих послов Нолосыбека [и] Даярбека. Вследствие того, [что] бадахшанский Султаншах подчинил ее, [Бухара] перешла к нам. Самая высокая местность на севере [Бухары] достигает 38, 42°, отстоит от столицы, простираясь на запад на 57,32°. [Бухара] является землей древнего Наньду»²⁸.

В «Ханьшу... Сиюй чжуань» [указано, что] государством Наньду управляет князь. Расположено от Чанъани на расстоянии 1500 ли. К северо-востоку [от Бухары] до расположения

---

²⁶ Циньдин хуаньюй Сиюй тучжи. Т. 12. Цз. 44–46.

²⁷ Там же. Цз. 47–48.

²⁸ Локализацию древних владений по «Ханьшу» и др. хроникам см.: Боровкова Л. А. Запад Центральной Азии...

духу²⁹ [расстояние составляет] 890 ли, к северо-западу до Гибиня – 330 ли.

В связи [с тем], что Бухара является западной территорией Бадахшана, и Бадахшан древним государством Уча (см. предыдущий раздел), а также с тем, что в Ханьшу [сказано, что] Уча на западе соседствует с Наньду, следует, [что] нынешняя Бухара является древним государством Наньду»³⁰.

Рассматривая текст с точки зрения его структуры, мы видим, что цель данного повествования – отметить многовековые связи Китая с Бухарой, которые якобы завершились тем, что последняя стала зависимой от Цинской империи. В то же время не приведено никаких доказательств этого подчинения, кроме сомнительной ссылки на него как на следствие подчинения Цинам бадахшанского Султаншаха. Такая линия является стержневой во всех текстах об иноземных государствах. Часто вовсе не упоминается, что Бухара цинского времени или Самарканд минского являлись известными государствами – Бухарским ханством, Мавераннахром (империей Тимура).

Удревнение связей с Китаем и тенденциозное преподнесение внешнеполитических контактов – сугубо китайский прием фальсификации международных отношений в Центральной Азии и нового времени.

Текст о Бухаре в «Минской истории» также краток: «Бухара [расположена] к северо-западу от Самарканда на расстоянии более 700 ли. Город расположен на равнинной местности окружностью более 10 ли. Население [составляет] 10 тыс. человек. Улицы и рынки оживлены и богаты. Действительно [Бухара] заслуживает репутации богатого [города]. Поскольку расположена в низменности, климат во все четыре времени года теплый, произрастают все пять злаков³¹, [а также] тутовые деревья, конопля. Здесь [производят] в изобилии шелка, парчу, хлопчатобумажные ткани. Скота также очень много.

---

²⁹ Духу – учреждение, основанное Танской империей для управления внешнеполитическими делами с владениями Центральной Азии. Всего их было четыре. См.: *Боровкова Л. А.* Место и роль «дудуфу» и «духуфу» в системе администрации Тан (VII-VIII вв.) // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1984. № 7.

³⁰ Циндин хуаньюй Сиюй тучжи. Цз. 46, л. 4, об. – 5.

³¹ Пять злаков (угу): рис, просо, ячмень, пшеница, соевые бобы.

В 13 г. правления Юнлэ (1415 г.) Чэнь Чэн, возвращаясь из Западного края, проехал через Герат, Самарканд, Бешбалик, Андижан, Бадахшан, Термез (Делими), Шахрухийю, Сайрам, Кеш, Янги (Тараз), Хочжоу, Лючэн, Турфан, Яньцзэ, Хами, Ташкент, Бухару – всего 17 государств. Подробно описал их горы, реки, население, обычаи, составил книгу «Записи о путешествии на Запад»³² и преподнес трону. Так, в Китае стало известно [о государствах Сиюя].

В 7-м году правления Сюаньдэ (1432) высочайше повелено Ли Да отправиться в Сиюй для обласкания и утешения. Бухара также была посещена [им]³³.

В Цинском источнике видна большая работа по изучению материалов о владении ханьских, танских и др. источников. В минском тексте о Бухаре нет сведений по исторической географии. «Минши» утверждает, что о странах Сиюя в Китае стало известно более подробно лишь после поездок в его владения посольств во главе с Чэнь Чэном и Ли Да. Задача цинского источника – подчеркнуть то, что Сиюй находился в сфере интересов китайского государства с ханьской эпохой. В каждую информацию вкладывался определенный политический смысл: подчеркивалось, что связи данного владения с китайским государством идут с древности; умалчался государственный статус владения.

В минском источнике говорится об усилении государства ойратов и превращении его в одно из крупнейших в Центральной Азии. Но и в нем из разделов о Герате и Самарканде нельзя догадаться, что речь идет о могучей державе Тимура, а ведь «Минши» был завершен в цинскую эпоху. Приводятся «доказательства» подчиненного положения владения Центральной Азии Китаю. В разделе о Бухаре они построены, например, следующим образом: Султаншах, правитель Бадахшана, якобы держал под своей властью Бухару. Сам же он был отнесен к «вассалам» на основании того, что с ним были установлены политические контакты.

В его владения в 1758 г. бежали белогорские братья хаджи Бурхан Ад-дин и Ханходжа, преследуемые маньчжуро-китайскими войсками. Цинская династия безуспешно добивалась выдачи их живыми или мертвыми. Не важно,

---

³² Издан отрывок «Записей» о Герате. (Страны и народы Востока). М., 1989. Вып. 26 / Пер. сделан Б. И. Панкратовым около 20 лет тому назад.

³³ Минши. Цз. 332. С. 31868.

что Султаншах не выполнил этого требования³⁴ (ходжи считались потомками пророка и пользовались правом убежища в любой мусульманской стране). И все же, Султаншах был причислен к «вассалам» цинского императора, а его владение упоминается в разделе «Вассальные владения» во всех официальных трудах. На основании феодального права «вассал моего вассала – мой вассал», по этому принципу, очевидно, и Бухара была отнесена к одному из вассальных владений Цинской империи. Аналогичные «доказательства» в цинскую эпоху приводились, как правило, в отношении всех владений Центральной Азии.

Минский император отправляет «повеления» для привлечения и завоевания симпатий. Цинский высылает войска для «умиротворения», «устрашения», «наставлений». В то же время и минские и цинские источники подчеркивают, что инициатива в установлении политических связей исходила от Китайского государства.

Таким образом, политические интересы диктовали свои жесткие условия подачи самой элементарной информации о владении Западного края. Тем более они довели в справках исторического характера. Особенно четко это проявляется в цинском источнике, что свидетельствует о более экспансионистском характере внешней политики цинской династии.

Сиюй рассматривался в китайской историографии как отдельный историко-географический район и занял особое место в китайской геополитике.

Этнополитическая характеристика иноземцев

Поддерживая политические, экономические связи с другими народами, китайцы давали им свою этнопсихологическую характеристику, описывали их способы хозяйствования, обычаи и нравы, религию, старательно отмечали все, что резко отличало иноземцев от китайцев.

Фиксируя кочевой образ жизни соседних народов, они писали почти в одних и тех же выражениях о них на протяжении веков. «Дисцы жили, не имея постоянного местожительства, переходя с места на место в поисках воды и травы»,

---

³⁴ Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии. Новосибирск, 1983. С. 60–64.

– сказано в одной из самых ранних хроник «Чуныцю», дошедшей до нас в составе конфуцианского канона V века до н. э.³⁵ Сыма Цянь, сколько столетий спустя, в I в. до н.э., писал о сюнну: «В поисках воды и травы переходят с места на место, хотя у них нет городов, обнесенных внутренними и внешними стенами, нет постоянного местожительства, и они не занимаются обработкой полей, тем не менее каждый имеет выделенный участок земли»³⁶. Проходили века, тысячелетия, а китайские историки пишут о кочевых народах так же, как Сыма Цянь, Бань Гу и предшествующие им ученые о сюнну: «[Казахи] не имеют городов, [передвигаются] следуя водам и травам. Занимаются кочевым скотоводством. Зимой и летом живут в разных [местах], не имеют постоянного местожительства», – отмечается в главе о казахах Среднего жуза в эпоху Цин³⁷. Отмечая, что киргизы кроме скотоводства занимаются земледелием, цинские источники добавляют: «Их обычай – обогащаться [за счет] войн»³⁸.

Характеризуя кочевников, китайские историки не скупались на отрицательные эпитеты: «Чжунгары вообще злы, глупы, [склонны] к насилиям, безрассудны. Хищничество почитают способностью. Кто не ворует, того не считают человеком. Кто один ограбит несколько человек, того почитают удальцом», – отмечают они³⁹. «Казахи обыкновенно переходят границы для грабежа, по природе своей являются хищниками», – говорится в другом документе 20–40 гг. XIX в.⁴⁰

Цинская империя последовательно вела политику раскола в среде монголов, поэтому цинские источники характеризуют джунгар и их ханов в особенно резких выражениях. Конечно, отрицательные выражения о кочевниках встречаются в феодальной литературе многих оседлых народов Запада и Востока, и китайские хроники в этом плане не являются исключением. Так, среднеазиатские историографы обычно употребляли следующие эпитеты: «разбойники», «хищники пустыни», «степные волки», «саранча в челове-

---

³⁵ Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 7.

³⁶ Там же. С. 34.

³⁷ Циньдин хуаньюй Сией тучжи. Т. 12, цз. 44, л. 1.

³⁸ Там же. Цз. 45, л. 1.

³⁹ Бичурин Н. Я. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. Спб., 1829. С. 157–158.

⁴⁰ Дай Цин Сюаньцзун Чэнхуанди шилу. Токио, 1937. Цз. 90., л. 30 об.

ческом образе», «демоны пустыни»⁴¹. Нет необходимости приводить аналогичные высказывания из арабских, персидских, русских источников о кочевниках, в особенности о татаро-монголах.

Подобное отношение к кочевникам было результатом военных конфликтов и неприятия чужого образа жизни. Одновременно это свидетельство общности определенного этноса, который отделяет себя от другого этноса, свидетельство появления национального самосознания. Точно так же и кочевники отделяли себя от оседлого населения, считали свой образ жизни более полноценным. Подобное воззрение было присуще монголам, маньчжурам в период установления власти Юаньской и Цинской династий в Китае. Джунгары также противопоставляли кочевников оседлым народам Средней Азии и России. В Средней Азии и в середине XIX в. в Ферганской долине установилась власть кипчаков, которые относились к оседлым народам как к низшим по сравнению с ними⁴².

Не является исключением в цинских документах и негативная оценка оседлых народов: «Кокандцы хитры и лживы», – писал император Далгуан казахскому султану в Семиречье в 1828 г.⁴³

Этнопсихологические неблагоприятные характеристики как оружие внешней политики всегда преследовали конкретные цели: нравственно-политическую дискредитацию партнера, поиск общности с союзниками против одного неприятеля, преследование своих интересов в каждой конкретной политической ситуации, стремление перевалить на другого причину возникновения конфликта. Во внешнеполитическом аспекте отрицательная характеристика этноса всегда имеет целью выработать определенную стратегическую линию и тактику отношений.

Восприятие кочевых народов западной, китайской и мусульманской оседло-земледельческой культурами схоже. Отсюда одинаковая позиция в выработке линии поведения по отношению к ним. В книге о мусульманской культуре X в., построенной как вопросы и ответы, ответы учителя проник-

---

⁴¹ Бейсембиев Т. К. «Тарих- и Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата, 1987. С. 62.

⁴² Бейсембиев Т. К. Указ. раб. С. 23.

⁴³ Дай Цин Сюаньцзун Чэнхуанди... цш. 131, л. 18.

нуты мусульманской моралью и полны конкретного отношения к кочевникам:

*...Существуют еще скотоводы,
Они надзирают за табунами лошадей.
Это очень правдивый род людей, но мудрости они не имеют.
Обходись с ними хорошо...
Общайся с ними, веди знакомства, кушай и пей с ними,
Допуская их жить, как это подобает человеку.
Если ты общаешься с ними, то сдерживай себя,
Так как они постоянно без законов и без направляющей нити.
Говори им хорошие слова, но не называй их друзьями⁴⁴.*

Совет дан правителю, поэтому он несет политическую нагрузку. Один из государственных мужей в докладе императору писал: «Грабеж, набеги, угон скота и пленных – вот их (сюнну) занятие, ибо таковы их врожденные свойства. В глубине веков к ним относились как к диким птицам и зверям, не считая за людей»⁴⁵. Этот доклад приведен Сыма Цянем в «Шицзи».

«Император сказал: жуаньжуани подобны диким зверям, алчны и не имеют принципов, но я, император, должен относиться ко всем с искренностью и доверием»⁴⁶. Последние слова можно понять как желание императора пойти на уступки жуаньжуаням, подчиниться их требованиям.

Резко отрицательно характеризуя целый народ, Цинская династия оправдывала дипломатические приемы, применяемые в отношении народа, а главное – свою захватническую политику. Упреки в адрес социальной верхушки чужеземных народов относительно корыстолюбия должны были оправдать политику подкупа, предоставления различных льгот и привилегий в целях создания в ее лице политической опоры.

По месту обитания, образу жизни народы, обитавшие к северу от Китая, издавна делились китайцами на «степных» и «лесных». Их называли «приходяще-уходящими».

---

⁴⁴ Юсуф Баласагуни. Кудатгу билиг (Благодатное знание). М., 1983.

⁴⁵ Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 12.

⁴⁶ Цзянь Боцзань. Лидай гэцзу чжуаньцзи хойбянь: Собрание материалов из династийных историй по истории различных народов. Пекин, 1958. Т. 2. Ч. 2. С. 2031. См. также: с. 1611, 1628, 1653, 1658, 1659, 1826, 1829, 1841, 1911, 2104.

«Степные» в поисках воды и трав, а «лесные» в поисках пушных зверей и лекарственных растений могли часть года проживать на территории Китая, а часть – на своей территории. Контроль над ними, когда они находились вне поля досягаемости местных властей, полностью терялся. Более того, удалившись, они могли попасть под временное влияние другой страны. Однако, где бы ни оказывались «приходяще-уходящие», они оставались в подчинении своих феодалов и старшин.

Не сидящие на месте «степные» и «лесные» народы попадали, с политической точки зрения китайцев, в разряд «подданных». Когда сезонные кочевья или интересы промысла приводили их на территорию Китая, правительство облагало их натуральной пошлиной за пользование сезонными пастбищами или лесными угодьями. Эта плата, взимаемая в виде скота и пушнины, в китайских источниках именовалась «данью»⁴⁷. Полностью закабалить этих своеобразных подвластных, ввиду их специфического способа хозяйствования, было невозможно, а «дань» взималась для получения прибыли и создания видимости управления семьями скотоводов, кочевавших аулами, или охотниками и земледельцами, занимавшимися охотничеством. Земледельцы обрабатывали участки земли: сеяли весной, затем, оставив сторожей, осенью собирали урожай и возвращались на местожительства. Скотоводы, имея сезонные кочевья в Синьцзяне и за его пределами, проводя зиму в защищенных от морозов удобных для них местах, весной откочевывали. Все это давало основание китайцам называть такие народы непостоянными, неверными и двуличными. Русские власти также называли их «легкомысленным», «ветреным» народом, обладавшим чертами «космополитизма».

Бань Гу рассуждает в своей книге «Ханьшу»: «В “Чуньцю” сказано, что внутри находятся владения [хуа] ся, а вовне – варвары... Они отрезаны горными долинами и укрыты песчаной пустыней, которыми Небо и Земля отделили внутренние земли от внешних. Поэтому мудрые правители относились к ним как к диким птицам и зверям, не заключали с ними договоров и не ходили против них в походы. Заключение договоров заставило бы только тратиться на подарки и принесло обман, а нападения утомили бы вой-

---

⁴⁷ Хэ Цютао. Шофан бэйчэн (Описание северной границы). Пекин, 1981. Т. 2. Цз. 5. Л. 1.

ска и вызывали побег... варваров держали за границей, не принимая в пределы [Срединного государства], отстраняли подальше, не приближая к себе, на них не распространяли распоряжения и доброе влияние. Если они появлялись, их наказывали и управляли ими, если они уходили, принимали меры предосторожности против них и оборонялись, если они, ценя справедливость, приходили с данью, их принимали с почестью, проявляя учтивость. Таким образом, варваров непрерывно держали на привязи, стремясь возложить на них вину за несправедливые действия, и это был обычный путь, по которому шли мудрые правители, управляя варварами»⁴⁸. Китайский идеолог традиционно ссылается на авторитет правителей для обоснования своей точки зрения. Он осуждает и доказывает неэффективность активной внешней политики Китая в отношении сюнну и в целом всего Сиюня. Сторонники его точки зрения, подобно ему, уже ссылались на мнение самого Бань Гу.

Тактика по отношению к кочевникам, высказанная представителями разных культур, довольно схожа. Относиться к «варварской» периферии, как к диким животным и птицам, советовал Александру Македонскому и Аристотель. Он убеждал: «Обращаться с эллинами, как вождем, а с варварами, как деспотом, о первых заботиться, как о друзьях и близких, а тех использовать, как животных и растения»⁴⁹.

У эллинов и китайцев так называемые варвары отождествлялись с севером. Отношение к географической среде как к определяющему фактору культурного развития народов было присуще и древним грекам, и древним китайцам. По их мнению, народы, проживавшие на севере, обладали незаурядной храбростью, но были дики и невежественны. Арабские географы называли земли их обитания Яджудж-Маджудж, а греческие – Гог-Магог. Теория об угрозе, перманентно исходящей с севера, по-разному проявляется и в наши дни.

Эта теория в Китае является следствием модели представления о мире, по которой Китай находится в центре Земли, а по четырем его сторонам проживали «варвары», т.е. иноземцы⁵⁰.

---

⁴⁸ Материалы по истории сюнну... Вып. 2. С. 67.

⁴⁹ Цит. по: Гафуров Б. Г., Цибулкис Д. И. Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 21.

⁵⁰ См. подробно: Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.

Негативная этнополитическая характеристика соседей, приводимая в сочинениях, дается устами политиков, ученых-философов, др. идеологов. Она оправдывала жесткие меры против соседей, а также обман и подкуп.

Цинские политики, в отличие от минских, редко отзывались о своих соседях с симпатией и доброжелательностью. В «Минши» можно прочесть более объективное описание внешности иноземных людей, их городов и занятий. О гератцах, например, сказано, что они «одежду любят свежую и чистую», а города, дома, рынки описываются как «очень богатые и чистые». Точно так же дипломаты пишут и о Самарканде и самаркандцах: «Люди – красивые и чрезвычайно искусны в работе, превосходят гератцев»⁵¹.

Китайцы, по роду службы общавшиеся с иноземцами, или путешественники, выезжавшие в их земли, старались в целом писать о них беспристрастно. Отрицательно о чужеземцах чаще отзывались официальные лица: чиновники Либу, Лифаньюаня и др. ведомств, готовившие итоговые документы, различные справки и проекты. При этом они не щадили никого – ни кочевников, ни земледельцев, ни монголов, ни тюрков, ни русских, ни англичан. В их докладных записках, отчетах, предложениях встречаются выражения, проникнутые ксенофобией. Чаще всего говорится о коварстве и двойственности иноземцев.

В XIX в. в отчетах чиновников или указах императора можно было еще встретить фразы, подобные этой: «Русские варвары [являются] коварными и бесконечно переменчивыми»⁵² и т.п. Отрицательная характеристика иноземцам давалась с целью обоснования предложений или рекомендуемого конкретного мероприятия, его целесообразности и правомерности. Особенно много негативного о других народах высказывалось в цинскую эпоху, что тоже в какой-то степени свидетельствует об активности дипломатии или, напротив, о ее беспомощности. Во времена проведения политики изоляции, что было реакцией цинской дипломатии на агрессивную колониальную политику западноевропейских держав, негативных оценок чужестранцев было более всего.

На мусульманском Востоке сложился свой образ Китая, китайского народа и его культуры. В его представлении

---

⁵¹ Страны и народы Востока. Вып. 26. С. 107; Минши. Цз. 332. С. 31867.

⁵² Чоубань иу шимо. Ч. 3. Уз. 19. С. 26.

Китай был богатым государством с высоко развитыми ремеслами и искусством. Пределом могущества у правящей верхушки считалось получение под свою власть китайских земель и товаров. В пышных словословиях своим правителям, пожеланиях им величия и процветания стране, в риторических сравнениях мусульманские историографы упоминали Китай как символ богатства, могущества. Восхваляя своего шаха, бухарский придворный хронист писал: «Он (т.е. правитель) – солнце на небе счастья и славы, Джамшид в айване величия и независимости, умом подобный Дарию, повелитель, как Искандер, достоинством Сулайман, султан престола мира, победитель среди предводителей людей, даритель корон царям земных просторов, берущий дань у султанов Рума и хаканов Чина... государи семи поясов земли преподнесут слугам его величества ключи от стран на суше и на море, судьба донесет весть о том, что сокровища четверти обитаемой части земли передадут в его хранилище, что великие [государи] земных просторов от отдаленных уголков Рума до высокого Чина, обовьют шеи покорности кольцом повиновения [ему]:

Да будет так, чтобы султан Рума был готов служить ему.

Да будет так, чтобы у дверей его величества хакан Чина целовал землю...⁵³

Тимур, разгневавшись на минских императоров, задержал послов и возил их всюду за собой не только для того, чтобы похвастаться обширностью своего государства, но и для того, чтобы показать мусульманскому миру знатных заложников, продемонстрировать своё могущество.

Арабские завоеватели вплотную столкнулись с Китаем таньского периода в Средней Азии. Они нашли в Мавераннахре множество китайских произведений. «... Впечатление, произведённое на мусульман искусством китайских ремесленников, видно уже из того, что и впоследствии арабы называли все искусно сделанные сосуды китайскими», – отмечал В. В. Бартольд, признанный знаток мусульманской культуры⁵⁴. «Все, что делают тобгачи, прекрасно», – говорили на Востоке.

---

⁵³ Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). М., 1983. С. 34–35.

⁵⁴ Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. М., 1963. С. 296.

Среднеазиатские феодалы прилагали немало усилий, а среднеазиатские купцы претерпевали множество опасностей, рискуя жизнью, чтобы добыть китайские шелка, разнообразную утварь, чай. Караванные тропы Великого шёлкового пути усеяны костями людей, но это не останавливало среднеазиатских торговцев. Установление торговли с Китаем считалось большим достижением дипломатии среднеазиатских ханов. Могущественный властелин Тимур писал императору Юнлэ, что, услышав весть об открытии китайских рынков, его люди «закружились в радостном танце»⁵⁵.

Отрицательная характеристика китайских династий, а более всего Цинской династии (Чурчутов, или Шуршутов), начинает появляться в основном с XVIII в., когда она развернула широкие военные действия против народов Центральной Азии, а последние пытались объединиться для оказания сопротивления. Особенно негативно отзывались о цинах мусульманские ортодоксы в целях поддержки выступлений белогорских ходжей в Восточном Туркестане. Но экономические интересы кокандских ханов заглушали их голоса.

Цэван-Рабдан, племянник джунгарского хана Галдана Бошокту, говорил цинским послам: «Когда его величество из высочайшего своего милосердия жаловал меня золотом, серебром и шелковыми материалами, то я при случае посольства российских бурутов⁵⁶, во уважение высочайшей милости и поставляя себе в честь, с великою показывал им важностию и прославлением его величества»⁵⁷.

Цэван-Рабдан признавал ценность китайских подарков, но главным для него была демонстрация поддержки цинского правительства в его борьбе со своим дядей – правителем Джунгарского государства.

Китай в глазах народов Центральной Азии был символом богатства. Покорить его, обложить данью считалось свидетельством силы и могущества государства, в особенности в глазах чингизидов. Потомки Чингисхана помнили о покорении их предками Китая, когда налоги с него были отданы на

---

⁵⁵ См.: Хафизова К. Ш. Послание Тимура 1395 г. в Китай // Материалы XX конф. «Общество и государство в Китае». М., 1989. Ч. 2. С. 33

⁵⁶ Скорее всего, здесь идет речь о енисейских кыргызах.

⁵⁷ Переводы Каменского разных сочинений из китайского языка // ОР ГПБ. F 17 24/3.

откуп представителям народов Центральной Азии.

Сами китайцы ценились как искусные мастера, земледельцы и ремесленники. Высоко ценилась в Центральной Азии и политическая поддержка Китайского государства, которую мелкие владельцы использовали в борьбе с противниками, часто преувеличивая её в своих интересах.

Многие правители Сиюя охотно служили посредниками в политических связях Минской и Цинской империй с более отдаленными государствами. Это давало определённые политические дивиденды, а также реальную материальную выгоду. Велика была посредническая роль Хами и Турфана в политических связях остальных районов Восточного Туркестана с Китаем, а также всего Восточного Туркестана с Османской империей, Арабским халифатом, державой Тимура в XIV–XVI вв. В XVII в. монгольские владетели предлагали свои услуги русским царям. Алтын-хан передавал царю Михаилу Федоровичу в 1639 г.: «И вам бы ко мне прислать послов своих, а я их до китайского и до тангуцкого и до дюрчицкого царей допроважю, и назад их провожю и про веру их и чины проведаю. И Китайский де царь многолюден, и государство его велико, и городов у него и товаров, золота и серебра много, и ходу людям нашим в Китайское государство до украинских городов месяц. Люди наши гоняют по 10 тысяч лошадей, и китайские украинные земли искупят у них те лошади в один день... И прислать бы вам послов своих, которых пошлете в Китайское и Тангуцкое государства, ныне вскоре, не задержав...»⁵⁸.

Китайское государство также нуждалось в конях и другом скоте, разводимом народами Центральной Азии. Нуждалось оно и в тибетском сукне, среднеазиатских шелках и хлопке, русской пушнине и коже. С древности Китайское государство волновал вопрос, каким образом добиться получения этих товаров, как предохранить свои владения от набегов и установить контроль над районами Сиюя, лежащими к востоку и западу от Тянь-Шаня.

Вопрос о том, каким образом проводить политику в отношении региона Сиюя для достижения своих целей, как регулировать отношения с его многочисленными разноязычными племенами, был животрепещущим во все времена.

---

⁵⁸ Международные отношения в Центральной Азии. М., 1989. Ч. 1. С. 95.

«Западная» политика Китая

Политика отношений с Сиюем начала формироваться в Китае с глубокой древности. Разведчик и посол Ханьской империи Чжан Цянь, с именем которого связано открытие Сиюя, в 138 г. н.э. был направлен императором У Ди для того, чтобы договориться с кушанами о совместном выступлении против сюнну, конница которых постоянно тревожила границы государства. Возвратившись из затянувшегося путешествия, пережив плен и бегство из плена, он рассказал о богатствах Западного края. Чжан Цянь вновь был направлен в страны Запада для получения прекрасных «небесных» коней, которыми славилась Даван, а также заручиться поддержкой усуней в надежде «обрубить правую руку сюнну». Правая сторона в Китае и во многих странах Центральной Азии означала Запад. Дипломатический приём заключался, следовательно, в том, чтобы изолировать сюнну от его союзников с Запада. Трудно переоценить значение стратегаемы «отрезания правой руки» для последующих столетий. Она эффективно применялась, по меньшей мере, каждое столетие, вплоть до XIX в. Объектом «западной» политики древности были сюнну, а нового времени – Джунгарское ханство.

Стратегаема была хороша тем, что срабатывала и в период мирных отношений, и в военное время. В мирное время она помогала находить политический противовес державе сюнну или Джунгарскому ханству, а в период войн – союзников. В худшем случае западные владения путём дипломатических манёвров приводились к нейтралитету. Китайская дипломатия отважно пускалась в дальний путь, преодолевала любые расстояния для исполнения своей стратегической линии. В новое время осуществлением этой линии был неожиданный приезд в Россию в 30-х гг. XVIII в. сразу двух цинских посольств с целью заручиться поддержкой Русского государства в войне с Джунгарией или договориться о разделе сфер влияния в Центральной Азии.

Китайские посольства в страны Сиюя решали комплекс задач. Посольство 30-х гг., во всяком случае первое из них, отправилось с намерением добиться также поддержки сородичей джунгар – волжских калмыков. В 50-х гг. с той же целью было отправлено посольство в Казахстан и Среднюю Азию.

Вопрос о Сиюе или его отдельных районах особенно

остро стоял в периоды могущества Китайского государства. Завоевание земель к западу и востоку от Тянь-Шаня было залогом этого могущества. Возникнув в эпоху Хань, стратегия шлифовалась в эпоху Тан и достигла своего совершенства в эпоху Цин. В это время тщательно изучался опыт общения предыдущих династий с регионом, внешняя политика правивших династий и способы её осуществления. К урокам дипломатии постоянно возвращались, обсуждали вопросы применения ее традиционных институтов в новой политической обстановке.

Дискуссии о западной политике предыдущих династий никогда не теряли своей актуальности. Стратеги нового времени апеллировали к авторитетам прошлого, обосновывая свои доводы.

Борьба мнений с переменным успехом шла несколько столетий, каждый раз вспыхивая с новой силой. В ней принимали участие философы и политики, учёные и практики. Одни предлагали навсегда разделаться с сюнну или джунгарами, другие предпочитали искать компромиссные пути, пути мирных переговоров и общего укрепления границ. Противоборство мнений особенно ярко запечатлено при дворе основателя централизованного Китайского государства Цинь в III в. до н.э.

Ближайший сподвижник императора, его первый сановник и инициатор многих реформ был сторонником мирных отношений с сюнну. Он считал, что всех сюнну всё равно не уничтожить, а войны обескровят империю, и отговаривал императора от войны с северными соседями. «Нельзя этого делать, – увещевал он, – сюнну не имеют для жительства горных, обнесённых внешними и внутренними стенами, у них нет запасов, чтобы защищать их; они кочуют с места на место, поднимаясь [легко], словно птицы, а потому их трудно прибрать к рукам и управлять ими. Если в их земли глубоко вторгнутся легко вооружённые войска, им неизбежно будет не хватать продовольствия, а если войска прихватят с собой зерно, то, обременённые грузом, будут везде опаздывать. Приобретение принадлежащих им земель не принесёт нам пользы, а присоединение народа не создаст возможности подчинить его и удержать под контролем. Если же, одержав победу, истребить их, то вы не будете отцом и матерью для народа. [Война] утомит лишь Срединное государство и при-

несёт радость сюнну, а это недалёковидный план»⁵⁹.

Известный древнекитайский мыслитель, конфуцианец Дун Чжуншу (187-120 г. до н. э.), шёл дальше – он не только выступал против войны с кочевниками, но и предлагал регулировать с ними отношения путём «союзов, основанных на родстве». Он считал, что справедливость действует на благородных, а выгода оказывает влияние на корыстолюбивых, причём таких, как сюнну, нельзя удовлетворить человеколюбием и справедливостью, а можно удовлетворить лишь предоставлением больших выгод и связать обетом Небу. Поэтому сюнну надо предоставить значительные выгоды, что лишит их присущих им стремлений, нужно заключать договоры с принесением клятв Небу, что укрепит выработанные условия, нужно принимать в заложники любимых сыновей [шаньюя], что вселит в них беспокойство... Стоимость подарков за счёт собираемых налогов меньше расходов на содержание войск... Разве Поднебесной не будет выгодно, что среди населения, обороняющего земли вдоль пограничной линии, отцы и старшие братья ослабят пояса одежды, дети получают возможность питаться, лошади варваров будут переходить за Великую стену, а спешные приказы о наборе воинов не будут рассылааться по Срединному государству?»⁶⁰.

Как видно, традиционные институты китайской дипломатии устанавливались на классических принципах «вассалитета».

Известный китайский историк Бань Гу, по существу, выступал против «западной» политики Китая. Он осуждал как установление отношений на принципах «вассалитета» и откупа, так и войны с сюнну и Даванью. Свои доводы он привёл в труде «Ханьшу»: «На подарки и проводы послов, на дальние путешествия, на содержание войск в походе требовались огромные расходы. Денег не хватало, и обложили налогом продажу вина, ввели монополию на соль и железо, отлили серебряную монету, ввели кожаные деньги, даже обложили пошлиной повозки, корабли и налогом шесть видов скота. Силы народов истощились, государственные доходы оскудели...»⁶¹. Бань Гу считал, что активная внешняя политика Ханьской империи в Западном крае не привела к желае-

---

⁵⁹ Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 112.

⁶⁰ Там же. Вып. 2. С. 65.

⁶¹ Синицын Е. П. Бань Гу – историк древнего Китая. М., 1975. С. 57-58.

мым результатам: «...Западный край отделён от Хань дальней дорогой. Приобрели его без пользы, оставили без вреда»⁶².

Последующие историки отразили в своих сочинениях две тенденции – активную и пассивную – в «западной» политике Китая, анализировали способы её осуществления.

В новое время были пересмотрены и учтены все мнения политиков и философов древности о стратегической линии по отношению к Сиюю. Победила при Цинах линия сторонников войны.

Апологетом военного усмирения северо-западных варваров был китайский историк XIX в. Вэй Юань, опиравшийся на доводы близких ему идеологов. Более того, войны он считал необходимыми. «Поднебесная существует давно, – пишет Вэй Юань слова древнекитайского философа Мэнцзы, – и в ней [царят] то мир, то хаос». В Западном крае в течение нескольких тысяч лет, с глубокой древности до наших дней, нет мира. Если Небо хочет, чтобы на смену бедствиям пришло процветание, сумерки сменились ярким днём, на смену звериным шкурам пришли головные уборы и одежда, на смену войлочным юртам пришли обработанные поля и селения, то для этого нужен совершенно мудрый, который бы даровал [все это]. Притом нужно вырвать с корнем и уничтожить всё старое, а затем даровать это»⁶³. Представители этого реакционного направления преподносили войну как благо для всех народов.

По мнению Вэй Юаня, у народов Запада не может быть спокойствия, у них царит постоянный хаос. И когда приходит совершенно мудрый правитель (в данном случае император династии Цин), то он должен покончить с беспорядками, даровать народам Сиюя блага цивилизации: вместо звериных шкур – одежду китайцев и их головные уборы, вместо бескрайних пастбищ – обработанные поля, вместо войлочных юрт – постоянные жилища, а вместо временных кочевий – селения.

Оправдывая людские и материальные потери, Вэй Юань считает, что «западные» войны, а также завоёванные новые земли обернутся для Цинской империи благом, будут способствовать её процветанию и могуществу. Рассуждения

---

⁶² Там же. С. 58; Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... Ч. 2. С. 214.

⁶³ *Вэй Юань*. Шэну цзи. Цз. 4.

Вэй Юаня стоит привести полностью: «Гибель одного и зарождение другого – закон Неба, а противодействие сильных и поддержка слабых – основа правления. Государство бессчётно раздаёт уделы. Земли не прибавляется, а людей всё больше день ото дня. [В результате] в Срединной империи земля переполнилась и людям стало тесно. В Северном и Южном Притяньшанье земли обширны, природные богатства неисчерпаемы. По сравнению с внутренними районами в десятки раз дешевле мелкий и крупный рогатый скот, зерно и хлеб, овощи и дикие травы. Несравнимо прибыльное полевое земледелие и торговля, богаче золотые прииски и медные рудники; меньше налоги и легче трудовые повинности, намного выгоднее обмен с инородцами чаем, лошадьми, хлопчатобумажными тканями и шелками. Пограничные жители, выезжая торговать, ведут с собой крупный рогатый скот и идут через таможенные заставы. И взрослые, и дети рвутся туда. Эта забытая богом огромная пустыня считается задними воротами цветущего мира, через которые проникают сведения об этом мире»⁶⁴.

Глубинные причины завоевательных войн Китайского государства Вэй Юань видит в его перенаселённости, приведшей к земельной тесноте. В этом вопросе взгляды Вэй Юаня перекликаются с мальтузианством в Европе. Завоевание Северного и Южного Притяньшанья, т. е. Джунгарии и Восточного Туркестана, привело к небывалому до того в истории Китая расширению земель, считает он.

Завоевание края, по мнению учёного Вэй Юаня, обезопасило границы империи, так как образовалась единая семья, состоящая из различных народов. Исчезла необходимость в огромных военных расходах: «О совершенномудрые, проникающие в тайны прибылей и убылей. Когда Срединная империя и вассальные стали единой семьёй, а люди совершенно забыли, что такое война. Не то, что в правление Шэнцзуна и Шицзуна⁶⁵, когда сигнальные огни, [предупреждавшие о приближении врага] зажигались у [нашего] порога, а мечи и стрелы [врагов] хозяйничали в стенах наших домов. Тогда [Срединной

---

⁶⁴ *Вэй Юань*. Шэну цзи. Цз. 4.

⁶⁵ Шэнцзун – храмовое имя императора, правившего под девизом Канси (1662–1723); Шицзун – храмовое имя императора, правившего под девизом Юнчжэн (1723–1736).

империи] приходилось направлять оружие и создавать запасы [продовольствия] в Кобдо и Баркуле, то обороняясь, то наступая, на что было израсходовано более 70 лян серебра из государственной казны. Где теперь эти заботы и напасти?»⁶⁶.

Блага, появившиеся с завоеванием Западного края как для народов этого края, так и для Китайского государства, по мнению Вэй Юаня, намного больше по сравнению с военными расходами и людскими потерями. Вэй Юань как бы ведёт спор с древним китайским историком Бань Гу, а также с теми, кто поддерживал его точку зрения на протяжении веков. Однако спор о том, завоёвывать край или нет, с этим не прекратился. Успело смениться только одно поколение, и через двадцать с небольшим лет дискуссия возобновилась с неменьшей остротой в 1864–1873 гг. На этот раз он шёл конкретно о государстве Йэтишар, основанном выходцем из Средней Азии Якуб-беком под прикрытием и от имени потомка белогорского хаджи. Одни китайские сановники предлагали установить с этим государством отношения, основанные на институте «вассалитета», объясняя это истощением казны. Война требовала больших расходов. Другая группировка настаивала на подчинении Йэтишара путём организации «западных карательных походов»⁶⁷.

Большинство политологов видит причину постоянного возвращения Китайского государства к западной части Сиюй, т. е. Восточному Туркестану, в его географическом положении и стратегическом значении. Цинский историк Вэй Юань причину агрессивности видел в демографической проблеме и земельной тесноте.

Современные китайские историки главную причину возвращения отпадавшего неоднократно от Китая Синьцзяна рассматривают как политическую: сохранение территориальной целостности и многонационального единства Китайского государства⁶⁸. Думается, что новому завоеванию части Сиюя, входящего в территорию СУАР, способствовал комплекс экономических и политических интересов Китайского государства. Дискуссии разных времён в отношении «западной» политики высвечивали

---

⁶⁶ Вэй Юань. Шэну цзи. Цз. 4.

⁶⁷ Вэй Юань. Шэну цзи. Цз. 4.

⁶⁸ Синьцзян цзяньши. Т. 1–3; Лю Чжисяо. Вэйур цзу лиши, а также статьи, посвященные разным периодам истории края.

доминирующие среди них в зависимости от конкретной исторической обстановки.

«Западная» политика Китая предусматривала две основные стадии. Прежде всего следовало завоевать монгольские степи или оседлоземледельческие районы Восточного Туркестана. Достигалось это противопоставлением монгольских и тюркских народов. «И в ту и в другую эпоху китайское правительство, с боязнью всегда смотревшее на усиление и союзы кочевых владетелей севера и северо-запада, стремилось к тому, чтобы вмешательством своим приобрести влияние сначала сих стран, исторгнуть Туркестан из-под зависимости и власти северных народов и хоть номинально подчинить себе слабые владения этой страны. Попытки его в течение XX в. не всегда сопровождались полным успехом, по крайней мере, противодействие его останавливало дальнейшее предприятие кочевых завоевателей»⁶⁹, – писал архимандрит Палладий в своей справке Азиатскому департаменту МИД России.

Роль Сиюя в системе внешней политики Китая и его место в древности и в цинскую эпоху оставались одинаковыми, традиционным оставалось и соотношение положительных сил: с одной стороны, города-государства Восточного Туркестана, а с другой – кочевые владения с их застывшими на века формами хозяйствования. По крайней мере, сами цинские дипломаты и стратеги рассматривали их по этой схеме и, прагматически подходя к политическому наследию, остановились на выработанных столетиями моделях отношений. Отношение к историческому прошлому было, как к банку информации для моделирования поэтапной стратегической линии⁷⁰. Может быть, благодаря такому подходу китайская дипломатия, а затем китайское оружие привели к желаемому результату. По крайней мере, так склонны считать все цинские историки.

«Западная» политика Китайского государства легла в основу китайской школы дипломатии. Основы межгосударственных отношений в Китае закладывались

---

⁶⁹ Записка о Западном крае, составленная по китайским источникам // ОР ГПБ F IV 691/а.

⁷⁰ Русский китаевед П. Каменский сказал об этом так: «Древние века и в учености и в политике аргументы» (Переводы Каменского разных сочинений из китайского языка // ОР ГПБ F.VII 24/3).

в феодальную эпоху. Застойность китайского общества, живучесть феодальных традиций и в новое время надолго законсервировали дипломатические институты феодализма. Применение их тем более было успешно, что и в Центральной Азии, а в особенности в кочевом обществе радикальных изменений в политической культуре не происходило. «Западная» политика Китая и способы её осуществления, с одной стороны, влияли на культуру межгосударственных отношений в Центральной Азии, а с другой – испытывали влияние политической культуры народов Центральной Азии, что наложило особый отпечаток на систему отношений между государствами региона.

Глава II

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ДИПЛОМАТИЯ КИТАЯ

Качества, предъявляемые к послам

Как известно, очень многое в дипломатии зависит от личности и квалификации людей, выполняющих ответственные поручения за пределами своей страны. Но, пожалуй, никто так не влиял на формирование будущего поколения дипломатов в Китае, как послы, направляемые в Сиюй. Успешно выполнял дипломатические функции по поручению своего государя Конфуций. Но наиболее почитаемыми в Китае оставались имена послов в Западный край – Чжан Цяня (? – ок. 103 г. до н. э.)¹, прошедшего из Китая в Среднюю Азию путем, который впоследствии получил название от европейцев Шелкового пути, и Бань Чао (3-102 гг.)², несколько лет успешно решавшего внешнеполитические задачи империи Хань в Восточном Туркестане. Их деятельность оставила глубочайший след в истории китайской дипломатии, а сами они неизменно считались эталоном дипломата.

Чжан Цянь дважды попадал в плен к сюнну. Первый раз неволя длилась 10 лет: он женился у сюнну (у него родился ребенок) и все же сумел бежать и выполнить своё дело. Оба дипломата верно служили интересам Ханьской империи и во многом способствовали ее успехам на внешнеполитической арене. Преданность государю позволяла сохранять им бирку (т. е. верительную грамоту) посла, и, несмотря на препятствия и невзгоды, исполнять свой долг. Чувство долга прививалось на основе нравственных законов конфуцианства³.

---

¹ Васильев Л. С. Культурные и торговые связи ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 5.

² Васильев Л. С. Бань Чао в Западном Китае // Вестник Древней истории. 1955. № 1.

³ Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XII в. С. 40.

Для выполнения миссий в Сиюе требовались хорошая физическая подготовка, здоровье, умение переносить житейские невзгоды, холод, жару, голод и др. тяготы. Изнеженный, выросший в роскоши представитель высшего сословия, пожалуй, не смог бы не только выполнить поставленную перед ним задачу, но и выжить в Сиюе. Возможно, это обстоятельство влияло в древности и в средние века на выбор послов в этот регион. Посол должен был знать обычаи, религию посещаемых им стран, которые прямо влияли на дипломатические церемониалы. Он должен был быть готов к унижениям и оскорблениям при дворе чужеземного монарха. Все это было легче перенести чиновникам низшего сословия. Они хорошо подходили к выполнению посольских миссий не только физической выносливостью, но и низким рангом, позволявшим без ущерба для престижа страны пройти при необходимости любой унижительный с точки зрения китайского этикета церемониал, принятый при чужеземных дворах. Возможно, поэтому в послы в Китае избирались чиновники низшего звена.

В то же время дипломат должен был иметь высокую профессиональную подготовку, которая в сочетании с терпением и ораторским искусством приводила к желаемой цели. К ней надо было идти путем неторопливых, неоднократных, а то и многолетних переговоров, так как по словам Конфуция, «благоприятное решение приходит не скоро, а неблагоприятного уже не исправить»⁴. Одной из отличительных черт китайской традиционной дипломатии была неторопливость в решениях и действиях⁵. Эти качества в значительной мере были присущи и китайской дипломатии минского периода. Так, минские послы при дворе горделивого и могущественного монарха Тимура терпеливо сносили высокомерное отношение к ним Тимура, его брань на приемах. Неизвестно, выступал ли минский император с протестом против такого обращения с его послами. Воспользовавшись смертью Тимура, минское правительство, отправив посольство с выражением соболезнования к его наследникам, продолжало крепить дружественные отношения.

Из послов минского времени особенно прославился

---

⁴ Позднеева Л. Д. Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. М., 1967. С. 354. Прим. 8 к гл. 4; Мясников В. С. Указ. раб. С. 41.

⁵ Мясников В. С. Указ. раб. С. 41.

мореплавателем и дипломатом с незаурядными способностями Чжэн Хэ (1371–1434). Род его происходил из Синьцзяна, отец был мусульманином (дунганином). Вся деятельность Чжэн Хэ была направлена на «стремление добиться верховного сюзеренитета китайского монарха над заморскими странами»⁶. Он совершил семь морских путешествий, дважды достигал берегов Африки и везде проводил политику теми методами китайской дипломатии, которая выковывалась веками и была взята на вооружение минской, а затем и цинской дипломатией.

Послы Китая в страны Центральной Азии в отличие от Чжэн Хэ выполняли будничную, сложную и опасную работу, восстанавливая в новое время дипломатические связи Китая по традиционным маршрутам Шелкового пути. Среди них были и представители других, неханьских народов, например, посол Байярситай, отправленный ко двору сына Тимура – Халил-султана в Самарканд для проведения обряда поминовения по его отцу⁷. Среди членов посольства были и представители народов Восточного Туркестана, выполнявшие обязанности переводчиков, проводников, а также купцы, примкнувшие к китайским посольствам и во многом тем самым способствовавшие их благополучным проездам через города и владения Центральной и Средней Азии.

Редкие имена представителей других народов, выполнявших дипломатические миссии Китая, все же сохранились в истории. Представителем сюнну был ближайший слуга и помощник Чжан Цяня, без помощи которого он не смог бы столь блестяще справиться с поручением. В минский период роль переводчиков из представителей тюркских народов, очевидно, была значительна, в особенности в начальный период установления отношений. Об этом свидетельствует косвенный факт. Имперский эмиссар в Ганьсу в 1536 г. докладывал императору, что следует в дальнейшем «в качестве переводчиков использовать специально людей из „сэму“»⁸. Вероятно, к тому времени уже были подготовлены переводчики-ханьцы.

Как уже говорилось, среди послов редко встречались чиновники высоких рангов. Так, Баярситай имел чин

---

⁶ Бокшанин А. А. Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. М., 1968. С. 64–65.

⁷ Минши. Цз. 332. С. 31865.

⁸ Там же. С. 31867.

чжихойши военного соединения в каком-то важном стратегическом пункте. Ниже этого чина был чин «чжихой цзяньши», функции которого схожи с писарскими⁹. Кроме того, послами выезжали чиновники Министерства обрядов (Либу). Наиболее высокий чин был у направленного к Тимуру в 1395 г. Фу Аня – гэйшичжун (третий после министра). Но и этот чин Фу Ань получил после того, как ему было позволено возвратиться домой по доброй инициативе Халил-султана, перед второй поездкой в Самарканд.

Членами посольства или их главами направлялись другие чиновники Министерства обрядов, в частности, отдела по приему гостей (Хунлу), т. е. протокольного отдела. Среди них упоминается некий Хань Бин, служивший в этом отделе в чине шуюн (третий по чину пост, после лан и шилан). К примеру, среди послов, выезжавших в Мавераннахр, основную часть составляли чины с военно-административными функциями из пограничных районов (Баярситай, Ли, Да, Чжан Шэнь, Ма, Юнь и др.), из чиновников Министерства обрядов – Фу Ань, Лу Ань, Вэй Ло, Го Цзин, Ли Гуй, Хэй Бин¹⁰. Военные чины минское правительство обычно присуждало выходцам из народов Ганьсу, Хами, после того как их пограничная территория была поделена на вэйсо. Это было формой подкупа местных феодалов.

Представители пограничных народов служили в интересах Минской империи своими знаниями обычаев и нравов, языка тех стран, которые они посещали, знанием политической обстановки, соотношения сил при дворе и во всей стране. Выполнение поручения за рубежом способствовало дальнейшему росту по службе столичных придворных и чиновников Либу, которые по возвращении аттестовались выше. Для неханьских представителей самым высоким чином оставался чин чжихойши – командира, а также переводчика и секретаря в составе посольства или при чжихое, при администрации пограничных районов Китая, на почтовых и прочих станциях и таможенных службах.

Турфанские и хамские послы получали при минском дворе чины дучжихой, чжихой цзяньши и др. и выполняли просьбы двора в Сиюе. Среди них были дяди, братья (чаще

---

⁹ Материалы по истории Средней и Центральной Азии: X–XIX вв. Ташкент, 1974. С. 5165.

¹⁰ *Минши. Цз.* 332. С. 31864–31867.

младшие), племянники и зятя правителей. Некоторые из них принадлежали к ханскому или султанскому дому, были родственниками правителей крупных городов Восточного Туркестана. Среди китайских послов эпохи Мин, напротив, не могло быть родственников императора, т. е. высокотитулованных лиц. Это было главной особенностью подбора дипломатических кадров для выполнения служебных обязанностей за кордоном, присущей дипломатии и цинского времени до XIX в.

Среди посланцев Цинской империи в Восточный Туркестан и Джунгарию также были представители низшего звена чиновничьего сословия. В 1696 г. к турфанскому правителю Абдрашиту направлялось посольство во главе с внештатным чжуши (он был неханьцем) Янгэлинем. Кроме него в посольстве находились старшие и младшие телохранители императора (шивэй, идэн шивэй). В 1697 г. к хану Галдану Бошокту в Джунгарию был отправлен с поручением императора Канси сын кормилицы джунгарского хана.

Следовательно, на первоначальном этапе, а также в годы военных действий для дипломатических поручений использовались представители джунгар, монголов, тибетцев, уйгуров, дунган и т. д. Основной же контингент послов в Джунгарское и Яркендское ханства составляли служащие Государственной канцелярии (Нэйге сюэши, Нэйгэ тиду сюэши), различных министерств (не выше шилана и чжуши). В отделах Лифаньюаня, к примеру, должности распределялись в следующем порядке: ланчжун, юаньвайлан, чжуши, битеша (толмач), цзинчэнь (самый низкий чин) и тесешуши (переписчик)¹¹. Все они могли быть отправлены в составе посольств за рубеж. Были среди послов, кроме императорской гвардии телохранителей, командиры корпуса (дутун), с дислокацией войск в Синьцзяне – начальники (вернее, командиры) гарнизонов и другие чиновники генерал-губернаторской канцелярии.

Например, чтобы быть принятым на работу в Лифаньюань даже на должность протоколиста или переписчика, необходимо было выдержать соответствующие экзамены. О после цинского императора к Цэван-Рабдану Бао Чжу П. Каменский писал, что он «был низший человек», служил письмоводителем в Лифаньюане и протоколистом в Нэйгэ, участвовал в походе Канси в Монгольском Алтае в 1720 г. и только потом повышен

---

¹¹ Чжан Дэцзэ. Циндай гоцзя цигуань каолюэ. Пекин, 1981. С. 147.

до чина коллежского асессора¹² (видимо, чжуши. – *К. Х.*).

Довольно высокий чин имел, очевидно, посол императора Даогуана казахскому султану Габайдулле в 1824 г., который в русских документах фигурирует как амбань (дачэнь – сановник). По словам начальника Омской области Броневского Г. М., «присутствие амбаня при подобных экспедициях в степи никогда не было»¹³. В основном послы в Среднюю Азию и Казахстан назначались из гвардии телохранителей. Проводниками, переводчиками при них были джунгары и уйгуры.

В беспокойные времена либо с тайной целью посольские поручения нередко выполнялись представителями народов Синьцзяна, чаще всего из купеческого сословия. Направляясь с товарами в Среднюю Азию, Монголию, Казахстан, они доставляли письма цинских наместников, которые готовились при центральных государственных учреждениях, но направлялись только от имени наместников, а во время военных действий в Джунгарии и Восточном Туркестане – и от имени командующих маньчжуро-монголо-китайскими войсками.

Синологи П. Каменский, В. П. Васильев считали, что китайское правительство намеренно направляло послами в чужеземные страны чиновников низшего звена, чтобы высказать своё высокомерное отношение к их правителям, подчеркнуть неравноправность отношений. В любом случае этот факт не остался без внимания русских чинов. Первое цинское посольство в Россию к калмыцкому хану Аюке, а затем и в Петербург в 30-х гг. XVIII в., также состояло из чиновников низших чинов. «...наряжен ис Китай посланец к Аюке из нарочных людей, чином выше дьяка, и с ним семь человек начальных да 26 человек рядовых служилых людей»¹⁴, – говорится в документе. Цинские послы должны были отвечать по инструкции на вопросы о себе, подчеркивая своё скромное положение: «Когда вас спросят о ваших чинах и достоинствах, то сказывайте, что вы не ближние хана своего вельможи, но такие чиновные люди, которые в особливых

---

¹² Переводы П. Каменского разных сочинений из китайского языка. Примечания // ОР ГПБ F XVII 24/3.

¹³ Материалы для истории присоединения киргизской степи. Т. 2. 172 // ОР ГПБ IV F 806.

¹⁴ Русско-китайские отношения в XVIII в. М., 1978. Т. 1. С. 130.

канцеляриях отправляют свои должности», – наставляли их перед отъездом¹⁵.

Таким образом, помимо чиновников низшего ранга, Мины и Цины использовали представителей духовного и торгового сословия народов Восточного Туркестана и Джунгарии – купцов, лам, мулл, тайджи и др.

В Кокандское ханство, по мнению Ч. Валиханова, со времён Шерали-хана (правил в 1842–1845 гг.) направляли из Китая уйгурских беков и духовных лиц. «Употребление духовных лиц в том отношении выгодно для Китая, что им в Коканде оказывается более уважения, между тем как посланцев из китайцев подвергали разным унижительным церемониям, и хан, разговаривая с ним, не иначе относится, как словом кафир»¹⁶, – отмечал Ч. Валиханов.

В XV-XVIII вв. правители разных государств давали дипломатические поручения иноземцам либо представителям народностей, родственных народности той страны, куда направлялся посол. На начальном этапе установления отношений или в эпизодических контактах отдельных государств это способствовало благоприятному исходу переговоров. Русское правительство также использовало в своей дипломатической практике представителей башкир, татар, мещеряков, русского казачества и других пограничных народов. Для принятия в подданство казахов Младшего жуза в степь был направлен татарский мурза (вельможа) Алексей Тевкелев. Оренбургский генерал-губернатор И. И. Неплюев считал, что выбор для выполнения столь ответственной задачи был удачным именно благодаря тому, что русский посол знал язык, обычаи казахов. В донесении Коллегии иностранных дел генерал-губернатор писал: «А понеже киргис-кайсацкий народ, как то и Государственной Коллегии иностранных не безызвестно есть, в подданство российское приведен, посыланным туда бригадиром Тевкелевым, но более через то, что он, Тевкелев, с ними единоверной и о нравах их совершенно сведомой и поныне у всех киргис-кайсацких владельцев имя ево, а особенно у Абулхаир-хана, в немалом почтении содержится...»¹⁷.

---

¹⁵ Русско-китайские отношения в XVIII в. М., 1978. Т. 1. С. 443.

¹⁶ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 3. С. 189.

¹⁷ Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России. Алма-Ата, 1978. С. 179.

Наследника хана Абулхаира Нурали А. Тевкелев называл «племянником», а тот его соответственно – «дядей», как старшего по возрасту. Возможно, это обстоятельство и не оказывало существенного влияния на переговоры между ними, но все же придавало определенную окраску.

Кроме того, доверие к представителям других народов со стороны государей разных стран показывало, что их дипломатическая деятельность не замыкалась в национальных рамках.

Народы Средней Азии и Казахстана также использовали духовных лиц для дипломатических поручений. Первый посол Тимура в Китай был мулла Хафиз. В XIX в. муллы были носителями образования и высоко ценились при дворах Тимуридов в Самарканде и Герате. Минский посол Чэнь-Чэн написал в своем дневнике: «Человек, проникший в смысл священного писания мусульманской религии, почитается всеми [и его] называют мань-ла. Ему всегда уступают почетное место. Даже государь и тот почитает таких людей»¹⁸. Будь то мулла (в значении учитель) или купец, послы были известными и уважаемыми правителем людьми, его родственниками или доверенными приближенными. Эти люди имели хорошее для своего времени образование, владели языками, поэтому они могли успешно выполнять важные задания своего государя.

Требования, предъявляемые к послу на Востоке, были высокими. В выдающемся памятнике ранней тюркоязычной литературы караханидско-уйгурском «Кудатгу билиг» Юсуфа Баласагуни глава 33 посвящена тому, «каким должен быть муж, отправленный послом»¹⁹. Пожалуй, это наиболее раннее и полное системное изложение требований к людям, выезжающим с дипломатическими миссиями за пределы своей страны. Они должны были быть лучшими из лучших: «Из божьих рабов, что достойно хвалы, всегда лучше многих бывали послы (с. 210)». Посол должен быть умным и знающим человеком: «Где ум и познания дело ведут, успешен любой самый тягостный труд (с. 210)». Свой ум посол должен отшлифовать образованием: «Умом постигают премудрость

---

¹⁸ Описание иностранных государств на Западе. Герат // Страны и народы Востока. М., 1989. Вып. 26. С. 106.

¹⁹ *Баласагунский Ю.* Благодатное знание. М., 1983. С. 210. Ср. аналогичную тему у китайских политологов и философов (Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство... С. 32).

письмен, а чтением книг станешь пуще умен (с. 212)». Обширные познания, ум, такт, а также красноречие помогут послу найти выход из любого положения: «Он должен все тонкости слов превзойти – Уметь и пропащее дело спасти (с. 240)».

Кроме овладения ораторским искусством, посол должен знать языки, уметь писать стихи, играть на музыкальных инструментах, знать спортивные игры (здесь – конное поле, нарды и шатранг), уметь искусно стрелять, соблюдать познаниями в математике, астрономии и астрологии, врачевании (с. 212). Но в особенности был важен нравственный облик посла, его характер. Послов следовало избирать из сдержанных и терпеливых; из кротких и честных людей. Он должен быть лишен главного недостатка – корыстолюбия, потому что корыстолюбец «невольник корысти своей», а должность посла «не для жадных людей». Не должен посол иметь пороков, среди них увлечение вином. Интересы государства должны быть для него превыше всего. Преданность интересам государства не отделялась от преданности его верховному правителю (с. 210-211). Не забыта была и внешность посла: «И надо быть ладным с лица и на вид: послу отличаться от всех надлежит».

Всего в «Кудатгу билиг» качествам посла посвящено 73 бейта²⁰, в которых с разных сторон описываются необходимые для посла качества. Все они в конечном итоге направлены на соблюдение престижа человека, доверившего ему важное дело, на поднятие авторитета государства и успешное выполнение задания.

В своде законов казахского хана Касыма также перечисляются требования к послу: обширные познания в разных областях, хорошее знание государственной обстановки, красноречие, знание ритуалов и церемоний чужеземных дворов²¹.

Аналогичные требования предъявлялись к послам и в Европе в XVI в.: «Он должен быть не только хорошим христианином, но также ученым-теологом, он должен быть философом, хорошо знакомым с Аристотелем и Платоном, он должен знать классиков и быть знатоком математики, архитектуры, музыки, физики, гражданского права и

---

²⁰ Кудатгу билиг. Б. 2596–2668.

²¹ Этот свод законов называется «Касымханнан каска жолы (Касымхан жил и правил в первой четверти XVI в.).

канонического права. Он должен не только говорить и писать по-латыни с классической тонкостью, но он должен владеть также греческим, испанским, французским, турецким языками; он должен иметь глубокие знания по истории, географии, военным наукам; он не должен пренебрегать поэтами и всегда иметь при себе Гомера»²². Надо полагать, подобные послы прибывали ко двору грозного Тимура, который сажал их на более почетные места, чем китайских послов, в особенности в конце жизни. В эпоху формирования международного права позднего Средневековья было деление государств на большие и малые, а государей – на более и менее родовитых. Тимур считал себя наследником Чингисхана. Чингизидом, представителя которого Минь свергли. Не нравилась ему и форма посланий основателя Минской династии. Поэтому он не упускал в конце своей жизни случая унижить минских послов.

На развитие китайской дипломатии, на дипломатическую школу Китая огромное влияние оказало учение Конфуция, которое дошло в форме сентенций, а также другие философские школы. Одновременно с ними и не менее их было влияние военного мыслителя и стратега древнего Китая – Сунь Цзы. Многие его положения, как отмечал В. С. Мясников, «легко переносились из области войны в область политики и дипломатии»²³. Дипломатические методы были, однако, предпочтительнее военных.

Содержание посольств

На Востоке чужеземные посольства содержались за счет казны страны пребывания. Это была древняя традиция, приобретающая черты международного права, которое следовало исполнять неукоснительно. Посольства зачастую были весьма внушительны своим числом, доходили вместе с охраной и сопровождавшими лицами до 300 человек. При нем было большое имущество, подарки: фарфоровая, золотая и серебряная посуда, шелка и др. ткани, кольчуги, шлемы, птицы и звери в клетках. Требовалось много верховых лошадей, выючных животных, подвод. Содержание даже одного такого посольства было обременительным для казны. Поэтому она

---

²² Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. М., 1947. С. 21.

²³ Мясников В. С. Указ. раб. С. 41–45.

постоянно стремилась к урезыванию расходов.

В XVII-XVIII вв. этот вопрос оставался острым для всех правительств, и все же традиция соблюдалась, как правило, всеми политическими партнерами. Русское государство также восприняло этот обычай, идущий от времен татаро-монгольского господства. В 1621 г. в Москве принимали посла ойратского тайджи Байбагиша. Думный дьяк Иван в Посольском приказе, «говоря с послом... сказал ему государево жалованье в столе место, корм, отпустил на подворье»²⁴.

Посольство джунгарского Батур-хунтайджи состояло всего из двух человек, при которых были два кашевара. Этому посольству была придана охрана до Тобольска и из Тобольска до Москвы, а также «на корм калмыцким послам велено им давать в дороге по проезжей грамоте послом по 8-ми денег, кашеварам их, 2-м человекам, по шти денег человеку, да питья послам по три чарки вина, по крушке меду; кашеварам их, 2-м человекам – по 2 чарки вина человеку, да послом же и кашеварам их вопче пополу ведра пива на день»²⁵. В Тобольске этим джунгарским послам «подавали государево жалованье – вино и мед. Да им же... велели дать на тот день против поданного корму и питья вдвое»²⁶.

В 1666 г. царь Алексей Михайлович отправил свое «жалованье» джунгарским послам в Томск, а также велел, чтобы «из Томска в дорогу корм, и питье, и подводы отпустили»²⁷.

Джунгарские ханы отвечали тем же. Более того, они были готовы взять на себя содержание русского посольства, направленного в Китай. Ойратский тайджи Сенге обещал в 1667 г.: «...буде великия государи изволят послать послов своих ко мне, а от меня в Китайскую землю, и великого государя послам корм и подводы, и провожатыя готовы»²⁸.

В 70-х гг. XVII в. в Москве отказались принять посольство джунгарского хана Галдана, так как «без указа великого государя к Москве отпускать калмыцких послов не велено

---

²⁴ Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. М., 1989. Ч. 1. С. 55.

²⁵ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1636–1654. М., 1974. С. 267–268.

²⁶ Там же.

²⁷ Международные отношения в Центральной Азии. Ч. 1. С. 136.

²⁸ Там же. С. 150.

и потому не отпустили, что дела за калмыцкими посланцы бывают небольшие, а казне великого государя в кормах и в выходных деньгах расходы многие и ямщиков подводях тягость большая»²⁹. Задержанные в Тобольске джунгарские послы обходились казне следующим образом: всего их было 20 человек: 12 человек составляли основное посольство, им выдавалось по 2 полушке³⁰, а оставшимся 8 слугам – по полушке, а всего в день получалось 2 алтына и 4 деньги³¹. Посольству при столь скудном содержании приходилось жить за свой счет. Посольский приказ не оплатил причитающихся 250 руб. по той причине, что не поступило официальной бумаги с объяснением причин задержания посольства в Тобольске на целых три года³².

Первое китайское посольство из Тобольска в Петербург выехало также на средства русской казны. Оно имело специальное задание к волжским калмыкам и должно было следовать в Петербург, если бы последовало приглашение. Русские пограничные власти снабдили посольства подводами, охраной, продовольствием. В Калмыкию посольство также было отправлено русским правительством со всем необходимым для поездки довольствием³³.

«Наше правительство не только определило вполне достаточное содержание прибывшему посольству, но и всегда предписывало приставам и воеводам давать еще кроме того „в запрос“, что посол запросит», – писал Н. И. Веселовский³⁴. «По восточным понятиям, так и должно быть, в азиатских государствах, по международному этикету, считалось недопустимым, чтобы иностранный посол покупал на базаре на свой счет какую-либо провизию», – замечает он³⁵. Это относилось только к покупке продовольствия. Бывали курьезные случаи, когда русским послам в среднеазиатских ханствах, посылавшим своих слуг покупать на базар продукты,

---

²⁹ Там же. С. 159.

³⁰ Там же. С. 161.

³¹ Там же. С. 162.

³² Международные отношения в Центральной Азии. Ч. 1. С. 277.

³³ Там же. С. 279.

³⁴ *Веселовский Н. И.* Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. Спб., 1911. С. 4.

³⁵ Там же. С. 2.

деньги возвращались обратно из ханской казны.

Твердое правило снабжения посольства продовольствием, подводами, помещением за счет казны страны пребывания было отличным от европейского, и требование соблюдать его в Европе здесь, по словам К. И. Веселовского, «в лучшем случае порождало недоумение». Однако именно соблюдение этого правила показывает влияние татаро-монгольского посольского устава в русской дипломатии.

Джунгарские послы, прибывшие в Казахстан к хану Младшего жуза Абулхаиру, высказали просьбу начальнику Оренбургской комиссии И. Неплюеву выдать им коней и продовольствие на дорогу. Они обещали, что доложат об этом своему хану, который поступит таким же образом по отношению к русскому послу К. Миллеру, отправляемому в Джунгарию вместе с ними³⁶. И. Неплюев в донесении в Коллегию иностранных дел писал: «...Посланцам при отпуске их, по силе присланного из одной коллегии е. и. в. указа, подарено по портищу сукна, да сверх того по их прошению даны им две шубы недорогие, да на съезд их дано из казенных десять лошадей, и на пищу в дорогу – десять баранов, ибо они о всем том владельцу своему донести обещали и обнадежили, что к посланному с ним майору Миллеру с прочими в потребном ему у них равномерно оставлен не будет»³⁷.

В 1746 г. казахский султан Барак отправил свое посольство во главе с Искандером в Петербург ко двору племянника императрицы Елизаветы, будущего царя Петра III по случаю объявления его наследником престола. Елизавета в своей грамоте «одобряя сей поступок и похваляя за распространение купечества при Оренбурге», отмечала: «А вышеописанной твой посланец Искандер султан и с старшиною в бытность их здесь и в дорогу кормовыми удовольствованы и особливым нашим жалованьем награждены»³⁸.

Послы другого казахского султана – Аблая – получили в Оренбурге и далее по пути в Санкт-Петербург «удовольствование», т. е. были снабжены всем необходимым во время поездки 1757-1758 гг.

Таким образом, за редким исключением, русское правительство исполняло все обязательства по содержанию

---

³⁶ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. С. 257.

³⁷ Сулейменов Б. С., Басин. В. Я. Указ. раб. С. 182.

³⁸ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела. 1758, д. 4, л. 12.

посольств и требовало того же от других.

Шотландец Д. Белл, бывший на русской службе и посетивший Китай в 1719-1722 гг., писал, что с вступления на китайскую землю «были мы гости у китайского императора, ибо он содержит на своем иждивении всех послов с того самого дня, как вступят на его земли, и по труду, как выедут из оных»³⁹. Это посольство было, очевидно, встречено весьма благосклонно. На всем протяжении пути ему устраивались угощения: «Такое водится обыкновение при пекинском дворе, чтоб чужестранных посланников подчивать великолепным столом во всех проезжаемых ими городах», – пишет он в другом месте⁴⁰. Действительно, в «Шилу» имеются документы, свидетельствующие о том, что император давал указ встречать посольства по высшему разряду, который предусматривал обильные трапезы и увеселения. Обычно такой прием оказывался первому посольству чужеземного государства, а также в том случае, когда их приезд совпадал или был специально приурочен к торжествам: ко дню рождения императора, коронации и т. п.

В 1773 г. в Китай намеревалось приехать представительное посольство казахского хана Болата, султана Абулфаиза. По этому случаю императорский указ гласил: «По пути следует оказывать им прием по принятым правилам, дабы они [воочию] убедились в мощи и авторитете небесной династии. Повелеваем местным сановникам оказывать им соответствующие почести во время проезда через Урумчи, Бичжань, Хами, Баркуль, Шэньси, Ганьсу, Чжили»⁴¹. Но уже в другой приезд сына султана Абулфаиза, в третий после 1771, 1774 гг., в 1790 г. указ был дан не устраивать банкеты по пути⁴².

В 1762 г. по поводу приезда посольства афганского Ахмадшаха император повелел: «Афганистан – большое владение. Его посол впервые проезжает внутренние территории страны, еще не полностью узрел всесторонние способности Небесной династии. В каждом главном городе провинции, через который будет проезжать [афганское

---

³⁹ Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. 1. С. 514.

⁴⁰ Там же. С. 519.

⁴¹ Там же.

⁴² Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии. Новосибирск, 1983. С. 25. Цинская империя и казахские ханства. Вторая пол. XVIII – первая треть XIX в. Алма-Ата, 1989. С. 123.

посольство)], надлежит заблаговременно приготовить угощение, расставить театральные принадлежности, чтобы показать процветание и величие»⁴³. Посольству Ахмадшаха придавалось важное политическое значение. Имелась опасность, что он как могущественный правитель мог создать коалицию мусульманских правителей для объявления «священной войны» – газзавата – против неверных китайцев⁴⁴.

Пышные встречи, начиная с городов Кашгар, Урумчи и Кульджа, были разорительны для местной казны, поэтому они проводились нечасто. Более всего такой прием фиксируется при правлении Цяньлуна. Именно тогда наблюдалось наибольшее количество посольств со всех сторон света. Обычно Цяньлун специально отправлял своего уполномоченного на границу для препровождения послов в столицу. Как правило, это был телохранитель (шивэй) из личной охраны императора, долженствующий составлять почетный эскорт посольства.

В 1822 г. в совместном киргизско-казахском посольстве был ташкентец Бедель Нигматов, впоследствии подробно рассказавший в Омске о поездке⁴⁵. Он был приглашен в состав посольства, а затем задержался в Кульдже. Бедель Нигматов показал, что по прибытии в Кульджу посольство казахов и киргизов под надежной охраной направилось в Пекин через г. Манас, Урумчи, Кучи (Куча? – *К. Х.*), Улясутай, Калган (Чжанцзякоу). Из Кульджи они «отправились при приставе китайских чиновников и нескольких человек служащих людей... Ехали на переменных верховых лошадях, переменяя оных в каждом месте». В течение ста дней пути до Пекина им выдавалось 20 руб. серебром по китайскому курсу, 30 фунтов сорочинского пшена (рис. – *К. Х.*) и муки, чай по 30 золотн. В Пекине посольству продолжали выдавать по два барана в день, а также рис, чай (вес не указан). В обратный путь они были отправлены на том же «казенном кочте, получая ту же пропорцию», но путь был сокращен на 10 дней. В день проходили от 40 до 50 верст, «но не по прямому, однако ж, направлению, но более околичными путями», – отмечал Б. Нигматов⁴⁶. Вероятно, это было вызвано тем, что на обратном

---

⁴³ Кузнецов В. С. Указ. раб. С. 69.

⁴⁴ Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии. С. 187.

⁴⁵ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 423, л. 129–132.

⁴⁶ Там же.

пути содержание было скромнее, без пышных встреч, предусмотренных дипломатическим протоколом.

При Цяньлуне казахское посольство сопровождалось до первых их кочевий под охраной отряда от 40 до 100 человек и более. Это вызывалось как соображениями безопасности, в особенности до дислокации войск в Джунгарии и Восточном Туркестане, так и возведением почтовых станций и караулов на границе.

Однако любой отряд мог быть разгромлен, а посольский караван разграблен, если бы в XIV-XVIII вв. государства не прибегали к более надежным способам сохранения жизни членов посольства. Именно в этих целях джунгарские, среднеазиатские и др. посольства, приезжавшие в Россию или Китай, как правило, выезжали обратно с русскими и китайскими посольствами, т.е. вновь основным принципом безопасности посольств был принцип его взаимного обеспечения правления Цин, а также дома Романовых.

В 1645 г. посольство Батур-хунтайджи отправилось из Тобольска с русским посольством во главе с боярским сыном Данило Аршинским⁴⁷. В 1713 г. Иван Чередов, отправленный сибирским генерал-губернатором М. П. Гагариным к Цэван-Рабдану, возвратился обратно с посольством последнего. В 1742 г. вместе с джунгарскими послами, прибывшими в Казахстан, И. Неплюев отправил К. Миллера с сопровождавшими его людьми в Джунгарию. Охранял его посольство во время проезда через земли Старшего жуза султан Младшего жуза, сын хана Абулхайра Ерали⁴⁸.

Когда послы джунгар прибыли в Младший жуз в ставку ханской вдовы, домой они выехали с посольством нового хана Младшего жуза – Нурали, чтобы заключить брачный союз с домом Цэвана Доржи.

В период правления династии Мин посредническую роль в дипломатических связях Китая со странами Сиюя играл Восточный Туркестан. Китайские послы выезжали в Среднюю Азию с послами Хами и Турфана. Обрато с ними выезжали среднеазиатские посольства. Вспомним, что Фу Ань, выехавший с поручением ко двору Тимура, отправился туда с его посланцами. Возвращался он после смерти эмира, уже с посольством Халил-султана. Посольство же Халил-

---

⁴⁷ Материалы по истории русско-монгольских отношений. С. 271.

⁴⁸ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 250, 263.

султана в обратный путь выехало с китайским посольством во главе с Байарситаем⁴⁹.

Послы или купцы из Арабского халифата приезжали в Китай, по сведениям «Минской истории», большей частью через Восточный Туркестан, реже – морем, через южные китайские порты. В 1490 г. они приехали в Пекин с послами Самарканда и Турфана, в 1532 г. – Самарканда, Турфана и Хами, в 1543 г. – Самарканда, Турфана, Хами и Лючэна (город близ Турфана. – *К. Х.*)⁵⁰. Главная задача по обеспечению безопасности китайских посольств в другие азиатские страны и посольств азиатских стран в Китай ложилась на Хами. Политика минских императоров в отношении Хами исходила, прежде всего, из этой глобальной задачи. Она тем более была важной, что с послами Хами прибывали в Китай и посольства джунгар. Джунгары, в свою очередь, сами стремились установить контроль над этим важным пунктом, открывавшим путь в богатые города Восточного Туркестана, а оттуда в Мавераннахр, Моголистан, Китай. Перманентная война Минской империи с Монголией закрывала путь джунгарам через монгольские степи в Китай.

Самаркандские и гератские посольства могли приехать в Китай только проездом из Хами и Турфана. Особенно четко эта тенденция прослеживается по материалам «Миншилу».

В 12 луне года правления Юнлэ (1409 г.) посольство из Самарканда прибыло в Китай вместе с посольствами из Хочжоу и других мест Восточного Туркестана. В 1412 г. прибыли послы из Герата, Самарканда, Шираза, Андижана, Афганистана, Турфана, Хочжоу и Лючэга. В 1415 г. зафиксированы приезды посольств из Герата, Самарканда, Хочжоу, Турфана, Шираза и Андижана. В 1416 г. – из Самарканда и Турфана. В 1418 г., отправляя домой посольства из Самарканда, Шахрухи и Герата, минское правительство отправило свое посольство во главе с чжунгуанем Ли Да с подарками внуку Тимура Улугбеку и хамискому правителю. В 1432 г. в Герат и другие города Хорасана и Мавераннахра отправилось посольство во главе с чжунгуанем Ли Гуйем. Одновременно он вез грамоту императора Сэаньдэ князю Хами, а также в вэйсо с монгольским населением Шачжоу и Чицзинь. В 1436 г. в Пекин прибыли посольства из Хами, Вала (Джунгарии) и

---

⁴⁹ *Минши. Цз.* 332. С. 31864–31865.

⁵⁰ Там же. С. 31875–31878.

Тохома. В 1444 г. хамисцы вновь приехали в Китай вместе с джунгарами⁵¹. Этот список можно довести до конца правления династии Мин. Прибытие посольств было нерегулярным: иногда в Китай приезжало несколько посольств в один год, иногда один раз в 10 лет. Самостоятельно посольства из Хами и Турфана в Китай приезжали постоянно. А посольства из других стран могли достигнуть пределов Китая только при посредничестве и в сопровождении хамиских и турфанских послов или в отдельности с каждым из них.

Как и вопрос о церемониале, взаимные обязательства о снабжении являлись своеобразным регулятором дипломатических отношений. Это правило обговаривалось сторонами специально или считалось самособойразумеющимся в силу установившихся традиций. Многовековая традиция стала правилом международного сообщения.

Воротами Китая в страны Азии, Африки и в Россию в минское время оставался Восточный Туркестан, а в цинское – кочевья западных и восточных монголов.

Челночный тип посольских связей оправдывал себя во всех отношениях, но в особенности в плане личной безопасности послов. Правитель одного государства в Центральной Азии не мог посягнуть на жизнь послов, так как это повлекло бы адекватные действия политического партнера. В то же время он мог обращаться с послом, нарушая принятый этикет, снабжать его скудно продовольствием или вовсе отказать в нем, а также в подводах. Мог на несколько лет задержать посла в качестве пленника или заложника. Минский посол Фу Ань был задержан Тимуром, по одним данным, на 12 лет (с 1395 по 1407 г.), по другим – на меньший срок. Тимур в это время готовился выступить в поход против Минской империи. Русский посол в Джунгарию Иван Чередов был задержан Цэван-Рабданом на пять лет, с 1717 г. он содержался под стражей. Джунгарский хан считал правомерными свои действия, так как настороженно воспринял продвижение русского отряда под командой И. Бухгольца вверх по Иртышу и протестовал против строительства Ямышевской крепости⁵².

Минское правительство задержало в 1490 г. послов

---

⁵¹ См.: Мидай Хами Тулуфань цыляо хойбянь. Урумчи. 1984. С. 45, 48, 53–55, 75, 81, 95 и др.

⁵² Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд. 2-е. М., 1983. С. 226.

турфанского хана Ахмад-султана и отвергло его подношения. Таким образом оно хотело оказать давление на Ахмада, чтобы тот отказался от своих притязаний на Хами. В 1493 г. 172 посланца Ахмада были взяты под стражу на границе империи за новый набег хана на город Хами и захват в плен хамиского правителя Шэньба, которого поддерживали Мины. Кроме того, был закрыт путь посольствам из Сиюя, прибывшим в Китай через земли, подвластные Ахмаду⁵³.

Можно привести множество подобных случаев из истории международных отношений в Центральной Азии.

В 1391 г. минское правительство обвинило Хами в том, что был убит посол, направленный из Сиюя в Китай. Это убийство стало поводом для вторжения минских войск, что вызвало первый вооруженный конфликт между ними.

Однако инциденты, связанные с убийством посла, были единичны. В 1692 г. по пути к Цэван-Рабдану был убит посол императора Канси⁵⁴. Событие это произошло недалеко от г. Хами, т.е. на территории, не относившейся тогда к Джунгарии. Цинское правительство могло подозревать в убийстве правителей Восточного Туркестана либо самого Цэван-Рабдана. Выяснение обстоятельств гибели Мади показало, что убийство могло быть организовано дядей Цэван-Рабдана – Галданом. Цэван-Рабдан был сыном хана Сенге, после убийства которого на джунгарский трон сел его брат Галдан, сняв с себя духовный сан.

Цинское правительство усиленно вело политику противопоставления Цэван-Рабдана правящему хану, одновременно ведя войну против последнего. Цэван-Рабдан в это время обосновался в Илиской долине, посол Канси направлялся к нему тайно от хана Галдана. В связи с этим цинское правительство стало склоняться к тому, что убийство посла произошло все же по приказу Галдана. Если это так, или если посол был убит хамисцами, то вины Цэван-Рабдана не было. Убийство произошло не по вине того, кому направлялось посольство, а по вине его врагов. К Цэван-Рабдану направлялись посольства в 1691, 1692, 1693 гг. Тот был не против поддерживать тайные связи с Китаем. Сам хан Галдан, несмотря на военные действия цинского правительства, личное участие императора Канси в походах против него, никогда

---

⁵³ Лю Чжисяо. Вэйурцзу лиши, шан. С. 337.

⁵⁴ Внешняя политика государства Цин в XVII в. М., 1977. С. 201.

не расправлялся с цинскими посольствами, направляемыми лично к нему, отправляя всех благополучно в обратный путь. Однако он мог убить посла, направляемого к его конкуренту. После того как Галдану был нанесен смертельный удар маньчжуро-китайскими войсками, правитель Хами в 1697 г. передал в руки цинского правительства убийцу Мади. Им оказался ойрат Тукэци Хашиха. Вся семья этого ойрата – жена, сын и дочери – были переданы в рабство семье покойного, а сам он казнен⁵⁵.

Таким образом, личная неприкосновенность посла в Центральной Азии была достаточно надежной, но относительной. Посла могли ограбить, содержать временно под арестом, оскорбить на официальном приеме в присутствии представителей других стран. Однако цинская дипломатия на эти меры шла редко. В основном правители Китая заботились о безопасности посла из других стран, хотя могли чинить различные препятствия при их пребывании.

Посольства помещались в специальных подворьях (Сьи гуань) и гостиницах в Китае, а у кочевников – в специально раскинутых юртах. Доступ к ним был, как правило, строго ограничен, а посторонних в подворье могли не пропустить. Ограничивались посольства и от общения с посланцами других стран вне дворцовых приемов. Кочевники же строго следили за тем, чтобы подобных встреч не происходило. К примеру, джунгарские правители не допускали встреч российских и китайских послов, если они оказывались у них одновременно.

В подворье в Пекине (Сьи гуань) могли проехать только чиновники, ответственные за прием посольства, посыльные от министров и двора, приносящие ежедневно в качестве подарков съестное, фрукты и др. В ряде случаев гостиничные ворота запирались на ночь снаружи. При выходе из ворот членов посольства их имена записывали в особую тетрадь, а по возвращении отмечали⁵⁶.

В ставках кочевых владетелей юрты послов охранялись, иногда обносились рогатками. Так содержал своих послов Цэван-Рабдан. Цинский посол в Джунгарии Бао Чжу также отмечал, что со стороны Цэван-Рабдана принимались все предосторожности, чтобы его подданные не разговаривали с

---

⁵⁵ *Дай Цин. Шэнцзу*. Жэньхуанди шилу. Цз. 180, л. 7, об. 8.

⁵⁶ Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. 1. С. 523.

членами посольства⁵⁷. Наряду с другими причинами, Цэван-Рабдан руководствовался и соображениями обеспечения личной безопасности послов.

Однако принцип взаимности был более эффективным для обеспечения безопасности посла, что подтверждает и многовековой опыт, в ряде случаев закрепленный в законах государств в той или иной форме.

Противоборство по вопросам церемониала

Согласно феодальному международному праву, мир делился на великие государства и малые, незначительные владения. Каждый правитель считал великим государством только то, в котором государем был он сам. Полного равенства сторон дипломатия феодально-монархического государства не признавала. В этих условиях церемониал имел принципиальное значение, так как был призван показывать реальное соотношение сил на международной арене, место каждого государства в ряду других. Послы обязаны были соблюдать престиж и беречь авторитет своего государя и страны. Церемониал занимал одно из важных мест в китайской дипломатии. Ничто не вызывало такого удивления, резкого неприятия и протеста, как церемониал, принятый в Запретном городе Пекине. Этот церемониал подразумевал, что представитель «вассального» государства выражал свою покорность «повелителю Поднебесной», своему «сюзерену». Имеется множество примеров напряженной дипломатической борьбы по этому вопросу, в особенности между цинским двором и посольствами Русского государства и других европейских стран.

Менее обеспечена материалами дипломатическая борьба по вопросам церемониала между китайским двором и посольствами из стран Центральной и Средней Азии. Возможно, это объясняется тем, что здесь приоритетное положение занимают китайские источники, которые больше акцентируют внимание на моментах, важных для Китайского государства. И все же самый древний факт неповиновения, неприятия китайского церемониала поклонения относится к среднеазиатскому владению Кангюй, который «горд, дерзок и

---

⁵⁷ *Веселовский Н. И.* Посольство к джунгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабдану капитана артиллерии И. Унковского... С 263.

никак не соглашается делать поклонение...»⁵⁸.

В эпоху Мин церемониал продолжал играть важную роль в китайской дипломатии. Минский двор шел на разные ухищрения, в том числе на подкуп, чтобы вынудить иноземцев исполнять поклонение перед дарами императора за рубежом, а также перед самим императором на «пожалованных» им личных приемах. Было бы ошибочно думать, что такое практиковалось только в Китае. Международные отношения в Центральной Азии насыщены фактами энергичного противоборства по вопросам церемониала, дело только в том, что поводом к этому служили разные требования: стоя или сидя принимать грамоту и подарки чужеземного правителя, в головном уборе или без него, кланяться в пояс или коленопреклонно. Подвергать ли этим обрядам своих послов за рубежом? До какой черты можно идти на уступки, а с чем не соглашаться, дабы соблюсти государственные интересы?

Обратимся к практике дипломатической деятельности Русского государства. В 1636 г. послы царя Михаила Федоровича, войдя в юрту Алтын-хана, встали у двери с царской грамотой и «поминками». «И Алтын-царь, сидя на месте своем, табуну своему Чокуру велел спросить про государское величество многолетнее здоровье. И Степан де подъячей Ондрей толмачу Ермаметку велели говорить Алтыну-царю, чтоб Алтын-царь против государского величества сам встал и спросил бы про государское величество многолетнее здоровье»⁵⁹. Судя по отчету русских послов, Алтын-хан пошел навстречу их требованию. Однако на требование дать клятву верности монгольский владетель отвечал: «И того де у нас в Мугальской земле не ведется, что царю шертует сам. И государь бы меня, Алтын-царя, пожаловал, впредь ко мне холопством не писал, а писал бы ко мне, как великий государь произволит»⁶⁰.

В 1649 г. в ставке джунгарского хана был большой прием, на котором присутствовали послы казахского хана Джангира, далай-ламы из Тибета, от калмыцкого хана Хо-Урлюка и из России. «А Контайша у Меньшова Ремезова государево жалованье принимал сидя», на что русские послы заметили:

---

⁵⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... С. 185.

⁵⁹ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1636–1654. С. 34.

⁶⁰ Там же. С. 37.

«...что Контайша принимает государево жалованье невежливо, сидя, а в-ыных де во многих государствах цари и короли государское жалованье принимают з большою честью, стоя, а не сидя». И Контайша Меньшому говорил, что он человек степной и никакова русского чину не знает»⁶¹. На следующий день хунтайджи оговорился тем, что был нетрезв, а потому принимал царские подарки сидя. Безусловно, это было отговоркой. Но в 1644 г. тобольский воевода отмечал в своем докладе царю: «Он де тайша, встав, лист у них (русских послов – К. Х.) принял и спрашивал про твое государево царское многолетнее здоровье». Уступка была сделана, но с какой целью? Возможно, потому, «что государевы ратные люди во Контайшиных ясачных людей киргизов повоевали и взяли племянника ево со многим ясырем»⁶².

В 1645 г. Алтын-хан Бадма Эрдени, «государеву грамоту, какова к нему прислана, велел честь на отпуске, а сам сидел, и шапка з головы не снимал же...»⁶³. На этот раз русские послы требовали, чтобы иноземный правитель не только бы принял грамоту царя стоя, но и выслушал бы в таком положении ее содержание. Алтын-хан не пошел на это, что не было нарушением степного этикета. Но вот то, что он не передал ответного послания и не предоставил русским послам подводы на обратный отъезд, было грубым нарушением этикета.

Алтын-хан боролся за свой престиж, престиж государя. Однако его князьки были не столь щепетильны. Например, в 1747 г. «Князь Турокай-табунан против царского величества, государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси и жалованья встал и государево жалованье... принял и поднял на голову и государю... поклонился»⁶⁴. Чем мельче был владетель, тем более легко он шел на уступки в вопросах церемониала. Для него было важно не прервать имеющиеся дипломатические связи. Обычай же принимать дары старших стоя и затем прикладывать грамоту ко лбу, был распространен среди народов Центральной и Средней Азии.

Считалось, что если правитель брал подношения не собственными руками, а через царедворца, то это тоже было

---

⁶¹ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1636–1654. С. 207, 215–216.

⁶² Там же. С. 237.

⁶³ Там же. С. 281.

⁶⁴ Там же. С. 317.

проявлением неуважения к дарителю. В 1667 г. сын боярский из Томска упрекал джунгарского хана Сенге: «...в прошлом во 175-м году посылан был тебе, Сеньге, и к Чокуру, и к хутухте томской сын боярской Павел Кульпинский служилыми людьми и великих государей з жалованьем с сукнами и с камнами, и с атласы. И ты, Сеньга, и Чокур, и кутухта про здоровья великих государей не спрашивали и великих государей жалованья принимали не по достоинству не чесно, и не встав, и не своими руками, сидя, и тем вы великим государем чинились непослушны. И он Сеньга, говорил речь: веть де я тебе сказал, что у нас тое веры нет, что ставать»⁶⁵.

Брат Сенге, будущий джунгарский хан Галдан, которого посетили русские послы, встречал их также по принятому у кочевых владетелей церемониалу. Те стояли у двери, а сам Галдан «сидел на проклятом своем месте у другой стены», т. е. в глубине юрты, на почетном месте напротив двери. Однако подарок он принял двумя руками, велел поднести его своему приближенному и послу, держа с двух концов. Посол был думным дяконом, а Галдан принадлежал к ханской семье, т. е. социальное положение монгольского царевича было выше. Таким же образом Галдан принимал бы подношения и своих джунгарских феодалов.

Капитан от артиллерии Иван Унковский, посетивший ставку джунгарского хана Цэван-Рабдана, оставил интересные записи о церемониале, принятом в XVIII веке. Он писал: «Притом говорили, чтобы мне и прочим при мне в Ургу ехать без шпаг, объявляя свое обыкновение, что ни с каким оружием, кроме ножа, в Ургу никто не ходит. На то сказано им, у нас то безчестно, ежели служилому чину, а особливо начальному человеку без шпаги ездить, и противно регулу Его императорского величества, ибо при дворе Его величества обыкновенно начальные люди и солдаты ходят при шпагах. Оные паки подтверждали, чтобы, конечно, без шпаг ехать, и еще сказали, чтобы, пришед к Контайшиной избе (юрте – К. Х.), дверной войлок самому поднять, а ежели кому прикажу, то они в великую противность по своему обыкновению ставят и притом сказали, что единожды так хотел китайский посол учинить, и оного с противностию не допустили. Еще

---

⁶⁵ Международные отношения в Центральной Азии. Ч. 1. С. 147. Русские государи Иван и Петр, сыновья царя Алексея Михайловича от разных жен.

сказали, что Контайша по своему обыкновению грамоту примет сидя и в шапке. На вышеупомянутые их объявления говорено им довольно, что я прислан с грамотой от великого императора, того ради надлежит вам особливо поступать против прочих. Оные паки подтверждали, что обыкновения своего не переменят, которое у них изстари принято. Потом сказано им, что я прислан от Его императорского величества не противности чинить, но с объявлением Его величества милости, а дело не в церемониях состоит, но в правде, токмо бы о том обо всем Контайше донесли»⁶⁶.

Из дневника видно, что обычаи при дворе Петра I отличались от обычаев двора его отца. Дворяне и офицеры носили при себе шпаги, иностранные послы-дворяне на приемах также были при шпагах. Уже в этом чувствуется влияние церемониала европейских дворов.

Становится понятным, почему джунгары требовали строгого соблюдения своего церемониала от всех послов, в том числе и от китайских. И. Унковский уступил требованиям джунгар, так же, как уступали им китайские послы, чтобы добиться приема хана. На прощанье Цэван-Рабдан сказал ему примирительно: «Разные де в свете обыкновения – у вас де в безчестие ставят, ежели пред великими людьми в шапке говорят или сидячи; а у нас обыкновение – ежели кто станет говорить стоячи и без шапки, то у нас почитают яко в брань»⁶⁷.

В Петербурге казахский султан, посланец хана Аблая Урус, также упорно сопротивлялся тому, чтобы снимать головной убор на аудиенции, он объяснял, что был при дворах китайском, кашгарском и других, обращаться с речью к старшему без головного убора везде считается верхом непочтительности, тем более к государю. Он был столь настойчив, что секретарь В. Бакунин говорил, что ему редко приходилось видеть такого дикого и невежественного человека. Из всего сказанного следует, что во многих владениях Центральной Азии: в Бухаре и Коканде, в Казахстане и Джунгарии, в Восточном Туркестане и Монголии были схожие правила. На аудиенциях китайского и цинского императоров также было принято присутствовать в головном уборе. Отличался в этом отношении только царский двор.

---

⁶⁶ *Веселовский Н. И.* Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабдану капитана от артиллерии И. Унковского... С. 32–33.

⁶⁷ Там же. С. 145.

Свидетельства мусульманских историографов о церемониалах при дворе узбекских ханов также подтверждают эти выводы. Махмуд бен Вали, автор сочинения «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахиар» (Море тайн относительно доблестей, благородных)⁶⁸, описывает церемониал двора Надир Мухаммада, правившего вначале в Балхе, а затем Бухаре и Самарканде. В. В. Бартольд писал об одном из рассказов сочинения, что здесь «дается такое полное и картинное описание двора местных владетелей, какого мы не находим ни у одного из других известных мне историков и ни у одного путешественников, посещавших Бухару, Хиву и другие большие города Средней Азии»⁶⁹. Ученый считал, что материалы «свидетельствуют о том, насколько узбекские ханы, утвердившие свою власть в культурных областях нынешнего Русского Туркестана в начале XVI в., еще в половине XVII в. должны были считаться с традициями кочевой жизни и родового строя»⁷⁰.

В описании четко прослеживается влияние татаро-монгольского церемониала на церемониал узбекских ханов, придерживавшихся традиций номадизма. Надо полагать, что при дворе Тимура был тот же церемониал, и его почувствовали на себе минские послы Фу Ань и другие. Здесь говорится о том, что левая сторона была предпочтительнее правой, так как в левой стороне у человека находится сердце. И здесь сидели накибы (потомки одного из четырех мусульманских халифов Али), старейшины, аталыки, сыновья и матушки хана. А на правой сажали шейх ал-ислама. Но если при дворе находился знатный заложник от иностранного государства, то его сажали впереди теолога. За шейх-исламом после кази имели право сидеть представители ордена ходжей накшбанди и далее другие (придворные)⁷¹.

Нас интересуют правила приема иноземных послов: «Прежде всего шигаул (есаул) занимает первое место с левой стороны, выступает вперед и представляет государю доклады и просьбы лица, отправившего посольство вместе с дарами,

---

⁶⁸ См. о сочинении и его авторе: Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1969; С. 320–368; Материалы по истории Средней и Центральной Азии. X–XIX вв. Ташкент, 1988. С. 240–254.

⁶⁹ Бартольд В. В. Сочинения. М., 1964. Т. 2. Ч. 2.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 393–395.

потом он отступает на несколько шагов и начинает [передавать] приветствие посла, его [просьбу об] аудиенции и его приношения. Тогда, если посол принадлежит к числу знатных эмиров, двое из должностных лиц, например, первенчи, туксабау или другие, вплотную подходят к нему с обеих сторон и приводят его к подножию высочайшего трона. Когда рука государя, тени божьей, прикоснется к его ошастленному плечу, все таким же образом окружают посла и приводят его обратно на прежнее место. После этого от государя исходит указание, сесть ли ему на правой или на левой стороне»⁷².

По принятому церемониалу (их в тексте называют яса и юсун. – К. Х.) на приемах непременно пили кумыс: «К числу дел, где по царскому юсуну признается необходимым соблюдение правил и обычаев, принадлежит питье кумыса», – пишет Махмуд бен Вали⁷³. При этом хан отпивал глоток из чары или кубка и передавал ее в знак милости и своего благоволения кому-либо из присутствующих, в том числе и послу. Этот старый обычай показывал доброе расположение правителя и свидетельствовал о том, что безопасность посла гарантирована, яда в сосуде нет. Кроме того, совместное питье напитков (вина в Европе, чая в Китае) приобщало иноземцев к «вассалам» правителя.

Иногда при вручении грамоты посол при дворе джунгарских ханов должен был откусить кусочек хлеба и отпить вина. Уже упомянутого выше И. Унковского приближенные Цэван-Рабдана упрекали: «Объявлял де ты милость императорского величества, а в первый приезд показал нам сумнение: поставленного пред тебя хлеба не ел и вина не пил; и в том сомневаемся, что нет ли какого императорского величества на нас гневу?» На это русский посол отвечал: «Я то учинил не для какой противности, но не знал вашего обыкновения, понеже в европейских государствах при подании грамот хлеба не поставляют и вина не подносят»⁷⁴.

Несмотря на некоторые различия, русский церемониал имел много общего с татаро-монгольским, который стал изживаться при Петре I. Однако, некоторые его положения действовали вплоть до конца XIX в. Об этом свидетельствует

---

⁷² Бартольд В. В. Сочинения. М., 1964. Т. 2. Ч. 2. С. 393–395.

⁷³ Там же. С. 397.

⁷⁴ Веселовский Н. И. Посольство к джунгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабдану капитана от артиллерии И. Унковского... С. 51.

Н. И. Веселовский⁷⁵.

Из ответов И. Унковского явствует, что он в целом мирился с требованиями джунгарского церемониала, который был хорошо известен в России. До его поездки в Джунгарию в 1719 г. к Цэван-Рабдану направлялся казачий голова И. Д. Чередов, в наказной памяти ему было велено: «...смотреть того, чтобы он (хунтайчжи. – К. Х.) о царском величестве (Петре I. – К. Х.) спрашивал и говорил с вежеством и без шапки и не сидя. Буде о его царском величестве он, контайша, спрашивать меня будет сидя или в шапке, и мне говорить, что о имене его царского величества не надлежит спрашивать просто, чтоб он, контайша, говорил со мною о иных делах, а о сем великом лице просто говорить не надлежит, сидя или в шапке. Буде же о его царском величестве он, контайша, будет спрашивать по достоинству, вставши и шапку сняв, и мне говорить о его царском величестве ему, контайше»⁷⁶.

Каждое государство стремилось не уронить достоинства своего государя, требовало исполнения принятых при дворе правил, будь то у себя в стране или за ее пределами. В описываемое нами время труднее было заставить придерживаться церемониала за рубежом, в ставках и дворцах государей. Несмотря на множество сходных сторон, в церемониалах джунгар, казахов, русских, узбеков и уйгуров было и много различного и даже непримиримого. Российский церемониал представлял собой сочетание элементов церемоний, оставшихся от пышностей византийских василевсов, монгольских ханств, а затем и стран Западной Европы. Действие его во владениях Центральной Азии не всегда было успешным. Такой церемониал создавал определенные трудности в достижении поставленных задач, часто ставили послов в безвыходное положение. В связи с этим приходилось идти на некоторые уступки, на понимание необходимости этих уступок.

Китайский церемониал предусматривал исполнение послами обряда девятикратных поклонений «сань гуй цю коу»⁷⁷. Пожалуй, ни одно требование китайского церемониала

---

⁷⁵ Веселовский Н. И. Татарское влияние...

⁷⁶ Международные отношения в Центральной Азии. Ч. 1. С. 247.

⁷⁷ См.: Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в.; Внешняя политика государства Цин в XVII в.; Политика маньчжурской династии Цин в Южной Северной Монголии и др.

не вызывало столько упорного противодействия, как этот. Русские и европейские послы все без исключения упоминают о нем. Посольства Ф. И. Байкова, Н. Г. Спафария и другие в своих отчетах подробно останавливались на этом пункте церемониала при дворе цинских императоров. Китайский сложный обряд земных поклонов, при котором трижды становились на колени, каждый при этом трижды касаясь лбом пола, казался русским и европейцам анахронизмом, в особенности в XIX в. Однако он был все же не столь варварским правилом, к примеру, по сравнению с принятым при дворе турецких султанов. Здесь янычары силою ставили послов на колени, схватив послов за шею⁷⁸. Посланники вынуждены были, во избежание насилия, добровольно исполнять принятый обряд.

Китайские чиновники «увещевали», уговаривали, иногда довольно настойчиво, однако к физическому насилию не прибегали. Главным их доводом было то, что обряд коленопреклонения перед Сыном Неба должны были исполнять все одинаково, представляемые двору собственные сановники китайцы и маньчжуры, а также все иноземные послы. Аудиенции иностранным послам давались на общих приемах, регулярно устраиваемых при дворе. Иноземные посланцы, в их числе и европейские, совершали обряд все вместе, под общую команду церемониймейстера. Затем каждый из представляемых императору, будь то иноземец или представитель знати, удостоенный чарки с вином или чашки чая, а также беседы императора, должен был совершить коленопреклонение индивидуально.

Джунгарские, монгольские, среднеазиатские и восточнотуркестанские послы, очевидно, более безболезненно совершали обряд коленопреклонения. Им было не так сложно исполнить его, так как в восточных странах коленопреклонение перед ханом было обычным делом. Китайский отличался только тем, что здесь имелось определенное число поклонов. В ряде случаев китайский двор шел на частичную уступку, разрешая ограничиться троекратным коленопреклонением. Но последнее могло относиться только к европейским представителям.

Калю, первый посол Цэван Доржи Намучжара, отправленный через год после смерти Галдан-Цэрэна, исполнил требуемый обряд «коутоу». Его подарки были

---

⁷⁸ Веселовский Н. И. Татарское влияние. С. 15.

названы «данью из местных изделий», император трижды потчевал его вином из собственных рук⁷⁹. Кроме того, посол джунгарского хана был приглашен во дворец Цяньцингун на обряд чаепития, устроенный в его честь⁸⁰. Другой посол Цэван Доржи Намучжара в 1748 г. также прошел через весь принятый церемониал при дворе Цяньлуна⁸¹.

Исполнение обрядов морально облегчалось тем, что джунгарские послы принимались при дворе вместе с другими монгольскими послами или вместе с представителями уйгурских беков. Посланцы из Средней Азии также приглашались на аудиенцию в Запретный город вместе с представителями других стран – Кореи, Аннама (Вьетнама), Японских островов и др. Обряд, очевидно, был им настолько знаком, что они не видели в нем ничего особенного. Возможно, этим объясняется то, что представители азиатской национальности, направляемые в Пекин от имени русского правительства, не считали даже нужным упоминать в своих отчетах об обряде «коуту». Так, о «коуту» умолчал и Сеит кул Аблин, ездивший ко двору Канси в 1669 г. Бедель Нигматов, ездивший в 1822 г. в составе казахского посольства, показал в Омске, что они были приняты императором Догунаном семь раз. Он подробно рассказал о том, как их снабжали продовольствием и какие подарки дарили, но ни словом не обмолвился о коленопреклонениях⁸².

Коленопреклонения перед императором были настолько древним, привычным обрядом, что спор о нем был бесполезным. Когда цинские сановники уговаривали исполнить обычай посла из России Л. В. Измайлова, то на переговорах присутствовали иезуитские патеры, которые могли подтвердить, что европейские представители свыклись с ним⁸³. Символика обряда шла от феодального права, по которому его исполняли все перед вышестоящим, а вассалы перед своим сюзереном. Коленопреклонение иноземцев также должно было символизировать неравноправность сторон, при котором цинский император занимал привилегированное положение, говорил от имени высшего с низшим.

---

⁷⁹ Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу. Цз. 261, л. 1, об. – 2 об.

⁸⁰ Там же. Л. 23 об.

⁸¹ Там же. Цз. 312, л. 27.

⁸² Цинская империя и казахские ханства. Ч. 2. С. 147–148.

⁸³ Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. 1. С. 523.

Компромисс достигался иногда частичными уступками китайского двора, которые не носили принципиального характера. И только при Тунчи в 1873 г. послы Великобритании, Нидерландов, России, США, Франции, Японии были освобождены от ритуала челобитья и ограничивались тем, что в знак приветствия склонили головы перед новым императором⁸⁴.

На переговорах с Л. В. Измайловым китайская сторона предложила придерживаться принципа взаимности в данном вопросе. «...Кончено было дело на следующих условиях: что посланник поступит во сходственность установленного обыкновения при пекинском дворе, и что, когда император пошлет посланника в Россию, то дастся оному повеление сообразоваться также во всем том, что там не употребляется». «Сие дело причинило много затруднения пекинскому министру, и если оно и приведено было к концу, то сим должны мы были веропроповедникам (иезуитам. – К. Х.)»⁸⁵, – заключает один из членов русского посольства. Условие, что и цинские послы в России должны соблюдать принятый в ней церемониал, было разумным, в то время как стремление совершать при чужом дворе свой церемониал, нереальным. К примеру, Ф. И. Байков настойчиво заявлял: «...а како де мы почитаем своего великого государя, так де мне великий государь указал почитать и вашего царя»⁸⁶. В чужом государстве следовало мириться с принятыми здесь обычаями, требуя этого по мере возможности и у себя. Имеющиеся по этому вопросу материалы показывают, что китайские послы в России, Средней Азии, в особенности минские послы, исполняли принятые у нее ритуалы.

В инструкции, данной послам, направляемым к Галдану в 1682 г., было сказано: «Прежде они при соблюдении правил [приема] поступили согласно монгольскому церемониалу. Если ойраты и халхасы, придерживаясь монгольского этикета, проявят уважительность и почтительность, то [следует] довольствоваться этим»⁸⁷. В отчете посол отметил, что

---

⁸⁴ Сидихменов В. Я. Маньчжурские правители Китая. М., 1985. С. 106. См. также ил. «Иностранные дипломаты на приеме у императора Тунчжи».

⁸⁵ Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1. С. 524.

⁸⁶ Мясников В. С. Указ. раб. С. 101.

⁸⁷ Внешняя политика государства Цин в XVII веке. С. 181.

Галдан на коленях принял грамоту Канси и его подарки⁸⁸. Это отмечали и цинские послы, посетившие казахских правителей. На самом деле, кочевые владетели, как это принято было у них издревле, сидя в своей юрте, скрестив ноги, принимали в таком положении иноземных послов. Говоря о том, что они на коленях приняли Богды-хановские подарки и грамоту, цинские послы были близки к истине.

Первое цинское посольство, посетившее Петербург во время поездки к волжским калмыкам в 1712-1715 гг., также имело приказ на тот случай, если русский царь пожелал бы их видеть, принять его приглашение и вести себя на приеме согласно принятому здесь этикету. При этом в инструкции напоминалось, что русский посол Спафарий был не столь учтив.

Цинское посольство наряду с регулярными записями о поездке должно было изучать в том числе «какое русские люди имеют междособой обхождение»⁸⁹. Послы Канси имели инструкцию не удивляться и не смеяться над чем-либо непривычным им явлениям, чтобы не оскорбить чувств чужеземцев.

В инструкции рекомендовалось также русским послам при свидании с Аюкием (калмыцким ханом. – *К. Х.*) поступать вам с такою же церемониею, как наши послы при свидании с Цэван-Раптаном. А буде он к нам посылать буде какие подарки с вами, то принять их столько, сколько за пристойно усмотрите...»⁹⁰

Свидетель свидания цинских послов с ханом Аюкой записал: «По окончании речи подал агадай (чин цинского посла – *К. Х.*) хану грамоту от своего хана, а потом обнял обеими руками аюкины колени»⁹¹. После него так же поступили и другие члены посольства, тем самым исполнив ритуал, принятый при дворах монгольских ханов.

Тем не менее в записках о поездке к калмыцкому хану член цинского посольства Тулишень указал, что императорскую грамоту «везли в руках, возвыся кверху... Аюки-хан указанную грамоту при отдаении ему, приняв, стал на колена и, обратя лице свое на юг, спросил о высочайшем его величестве,

---

⁸⁸ Дай Цин. Шэнцзу Жэньхуанди шилу. Цз. 111, л. 13-16, об.

⁸⁹ Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1. С. 631, Прим. 41.

⁹⁰ Там же. С. 439–440.

⁹¹ Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. 1. С. 484. Прим. 41.

восточного великого хана, здравии... [послов] посадил от себя по правую сторону»⁹². В данном случае рассказчик истолковывает в пользу Китайского государя то, что Аюка, обратив лицо на юг, расспрашивал о здоровье императора, намекая на подчиненность его императору.

В тронном зале место китайского императора находилось на южной стороне, «вассалы» обращались к нему, обратив лицо к югу. Иначе и не могло быть, так как хозяин с гостями сидел в глубине юрты напротив двери. Дверь у монголов по традиции обращалась на восток. Послы сидели по правую руку от хана, следовательно, лицо его при разговоре было обращено к югу. Аюка-хан, по степному обычаю, сидел на ковре, но преподносилось это так, что он намеренно стал на колени для принятия грамоты Канси.

Цинские послы исполняли и другие обычаи, принятые у кочевников. Посольство останавливалось на расстоянии до одного дня пути от ставки хана и высылало несколько человек с известием о своем прибытии. Хан либо выезжал навстречу посольству сам, что было крайне редко, либо высылал своих приближенных. Посольство разбивало палатки для себя, охраны и обслуживающих людей. Например, посольство во главе с Назаном, прибывшее в ставку казахского хана Аблая в 1760 г., расставило 12 палаток. В составе китайского посольства было всего 30 человек, прибывших на 15 верблюдах. Часть посольства была на конях. Посол не вручил послание императора сразу, а передал его толмачу, который стал читать текст, пересказывая его на казахском языке.

Существовали и строгие правила подъезда к ханской юрте: кони привязывались на расстоянии от юрт, оружие при входе в юрту оставлялось прислоненным по обеим сторонам входа (босага) в нее. При этом в руках входящего не должно было быть даже плетки (камчи)⁹³. (Вспомним, что И. Унковскому не разрешили войти в юрту Цэван-Рабдана со шпагой). Правило, запрещавшее входить с оружием в ханскую юрту, а также на прием к русскому царю (до правления Петра I), было общепринятым для всей Центральной Азии. Цинские послы исполняли его безропотно. Грамота вручалась не в руки хану, а толмачу, вероятно, в том случае, когда степной

---

⁹² Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. 1. С. 467.

⁹³ Народные обычаи // Записки Оренбургского отдела императорского общества. Казань, 1872. Вып. 2. С. 157.

правитель не выполнял требующихся при этом правил приема императорского послания, т. е. коленопреклонений по китайскому этикету.

Если какие-то традиции китайские послы не воспринимали, но, зная, что это выражение уважения в данной стране, относились к ним терпимо. Например, они мирились с тем, что перед ними снимали шапки послы России, зная, что это было знаком уважения к старшим по положению или возрасту.

Другим камнем преткновения в отношениях с иноземными послами было вручение посланий государей. В Китае существовали строгие правила: послания должны были неукоснительно передаваться в соответствующие внешнеполитические ведомства для предварительного ознакомления с ними и перевода. Иноземные послы боролись за вручение грамот на первой аудиенции императора. В 1656 г. Ф. И. Байков упорно отказывался отдать грамоту царя чиновникам Лифаньюаня или распечатать ее перед ними, но затем пошел на уступку⁹⁴. Так же был вынужден поступить в 1676 г. Н. Г. Спафарий по настоянию цинских чиновников⁹⁵. В отношении посланцев из стран Сиюя такие факты пока не обнаружены, хотя такая возможность не исключена.

При переводе грамот текст искажался, акценты смещались; ему придавалась форма послания от низшего к высшему, от вассала к сюзерену⁹⁶. Государь другой страны представлялся «маленьким владетелем далекого захолустья, спешащим выразить покорность и послушание китайскому императору». Послания из Кореи и Вьетнама, Арабского халифата и империи Тимура, из Джунгарского ханства и Средней Азии, приведенные в китайских источниках (т. е. внесение туда после «перевода»), все выглядят одинаково. В минское время это послания «рабов» (нуби) из Мисира (Египта – К. Х.) и Хами или «Ничтожный маленький посол» (сяо шичэнь маленького государства) сяо го, вэйсяо го⁹⁷.

---

⁹⁴ Мясников В. С. Указ. раб. С. 97.

⁹⁵ Там же. С. 148.

⁹⁶ Мясников В. С. Указ. раб. С. 138–139. См.: Внешняя политика государства Цин в XVII веке; Бокшанин А. А. Китай и страны Южных морей...; Ермаченко И. С. Политика Маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII веке. М., 1974; Мелихов Г. Б. Маньчжуры на Северо-Востоке и мн. др.

⁹⁷ ОР ГПБ, ф. 274. Скачков. № 213.

В цинскую эпоху правители маньчжурской династии были еще более настойчивыми в своем стремлении унижить иноземного правителя. Перечисление всех титулов царя Алексея Михайловича в его грамоте к Канси было в Китае воспринято как дерзость и незнание приличий. Царя упрекали в зазнайстве и хвастовстве: «Белый царь, хотя и является старшим над племенем, в грамоте хвастает, непочтителен»⁹⁸. В итоговом документе было сказано: «Еще себя [царь] называет великим ханом, в словах [грамоты] много нескромности... Белый царь, хотя и является [всего лишь] главой племен, самонадеян, а грамота [его] кичливая и нескромная. Однако иноземное государство следует цивилизации. Надлежит быть снисходительным, чтобы показать [наши] мягкость и уступчивость. Россия находится далеко, на западной окраине [она] еще недостаточно цивилизована. И вот [что] смогла прислать посла с грамотой, [в этом] также видно стремление к выполнению долга»⁹⁹.

Аналогичные ситуации возникали с посланиями других правителей Сиюя.

В дипломатическом протоколе большое значение придавалось месту с правой или левой стороны. В Китае издревле наиболее почетной стороной была левая, выражавшая старшинство. Чиновник, имевший перед названием чина слово «левый», был на ступеньку выше правого. Не случайно китайцы называли Старший жуз Левым родоплеменным союзом казахов (Юбу), Средний жуз назывался Цзобу. Правая сторона означала также восток.

Принимая посольство Петра I в 1719-1722 гг., церемонимейстер императора Канси интересовался, «какая у европейцев рука главнее – правая или левая... Ему ответили, что у нас главнее правая»¹⁰⁰, – отмечали в своих дневниках русские послы. Они заметили, что на аудиенции с правой стороны от престола сидели «зависимые», а слева от него стояли и сидели пять сыновей Канси, министры и другие вельможи. Русских послов ставили с правой стороны от трона цинского императора¹⁰¹.

В Монголии более почетной, как и в России, была правая

---

⁹⁸ Мясников В. С. Указ. раб. С. 110–111.

⁹⁹ Внешняя политика государства Цин в XVII в. С. 282.

¹⁰⁰ Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1 С. 568.

¹⁰¹ Там же. С. 524–525, 569.

сторона. По правую сторону от монгольского хана садили тех, кто занимал более высокое положение. Из уважения к религиозным деятелям император монгольской династии Юань, правивший Китаем в XVIII в., садил их по правую сторону от себя. К ним, например, относился глава центрального органа управления буддистами (Сюань-чжэньюань), который считался наставником императора (диши)¹⁰².

В Юаньской империи привилегированное положение занимали сами монголы, а за ними – выходцы из покоренных монголами стран Центральной и Средней Азии. Их приоритетное положение закреплялось уже в том, что на государственных экзаменах их имена значились в «правом списке», а китайские – «в левом»¹⁰³. Последние имели меньше шансов занять высокий пост.

Китайские послы за рубежом должны были испытывать определенный дискомфорт, когда среднеазиатские и монгольские ханы садили их по левую сторону, хотя по их обычаям она и была почетной. В своих отчетах они лукавили, сообщая, что их садили по левую сторону, предпочитая не отмечать, что она у иноземцев была менее почетной. Кроме того, чем ближе было место к правителю, тем более весомым оно было. Чаще всего это зависело от характера отношений государств, от их силы и мощи.

В XV – до 20-30-х гг. XIX в. народы Центральной Азии скрепляли дружественные союзы, заключенные мирные договоры клятвами. Оформлять итоговый документ международного соглашения и обмениваться им было не принято. Наряду с клятвами практиковалась присяга на верность, причем клятвы сопровождалась различными ритуалами, освящающими клятвы, что должно было сделать их незыблемыми.

Как и договоры, клятвы отражали политическое соотношение сил. Когда клятвы давались без насилия с какой-либо стороны, на равноправной основе, союз приближался к институту побратимства. Видимо, такое сообщество существовало меж-

---

¹⁰² Боровкова Л. А. Экзаменационная система, обряды и первый император династии Юань // Конфуцианство в Китае: Проблемы истории и практики. М., 1982. С. 192.

¹⁰³ Кадырбаев А. Ш. Кыпчаки в империи Юань: По материалам «Юаньши // Материалы научной конференции «Общество и государство в Китае». М., 1978. Ч. 1.

ду казахским султаном Аблаем и джунгарским претендентом на престол Амурсаной. Пленные ойраты и казахи в своих показаниях говорили, что султан никогда не выдаст смертельно-го врага Цинской династии, так как их союз скреплен клятвой. Если даже это было мифом, в основе их союза были реальные политические интересы.

В Центральной Азии существовало большое многообразие ритуалов клятв и их форм. Они отражали народные обычаи и религиозные верования в дипломатическом протоколе.

Правительства двух империй – Российской и Цинской – предпочитали клятвы, присяги на верность многочисленных владетелей Центральной Азии по принятым в империях обычаям, что давало гарантию исполнения. Маньчжурский хан Абахай, которому было дано посмертное имя Тайцзун, признающее, что он – основатель династии Цин, захватив в 1636 г. печать императора Хубилая, потребовал клятвы верности от монгольских чахарских князей, чтобы скрепить их дружественный союз. Цинский император, правивший под девизом Шуньчжи (1644–1661), в 1650 г. потребовал клятвы Небу и Земле от ханов и князей Северной Монголии¹⁰⁴.

В 1651 г. в императорском указе вновь говорилось: «Отныне, если вы хотите прекратить военные действия, навеки установить дружбу, пусть главы ваших племен, а также (князья. – К. Х.) бэйлэ, бэйцзы поклянутся между Небом и Землей. Хотите мира – значит будет мир...»¹⁰⁵. Эта клятва заключалась в том, что совершалось окропление вином земли. Когда послы монгольских ханов прибыли в Пекин, император велел им совершить «церемонию окропления вином земли и изображения духов, произнести клятву» в здании, где велись дела исключительно родственников императора¹⁰⁶. Такая клятва была привычной для монголов, которые окропляли вином или молоком очаг, землю, благодаря духов предков и Небо за покровительство или прося покровительства.

У ойратов был другой ритуал присяги на верность: «лизжут нож, да кладут на голову стрелу и прикладывают к сердцу, то у них клятвы место»¹⁰⁷. Торгоутские князья, принося присягу России в 1758 г., целовали конец сабли, затем торжественно

---

¹⁰⁴ Ермаченко И. С. Указ. раб. С. 87.

¹⁰⁵ Там же. С. 89.

¹⁰⁶ Там же. С. 103.

¹⁰⁷ Международные отношения в Центральной Азии. Ч. 1. С. 55.

делили и ели хлеб¹⁰⁸.

Мусульманские правители давали клятву на Коране, целовали его. Казахские правители присягали в верности русскому правительству следующим образом: «Посажены они были все в шатре по их обыкновению на колена и сперва читал им ахун переведенную на татарский язык генеральную присягу вслух всем, после того краткие клятвенные слова ис курана, кои выписаны были на особливый лист, и долженствовали каждой, прочетши оные за ахуном, поцеловать их и есче приличную к тому главу ис курана целовать же»¹⁰⁹.

Присяга давалась более сильному политическому партнеру. Для Центральной Азии ею были Цинская империя и Россия. При этом составлялись письменные тексты присяг, которые скреплялись печатями правителей. Клятвы принимались на нейтральной территории специально направленными из столицы чиновниками, либо на территории, в которой правили монгольские, среднеазиатские и прочие владетели.

Но чаще всего присяга на верность принималась в навязываемых условиях для тех, кого вынуждали присягать. В таких случаях подданство носило формальный характер и лишь отражало факт, что присягающий воздерживался от враждебных действий против сильного государства, не совершал набегов на его границы, удерживал от этого своих подданных. Либо присягающая сторона гарантировала прохождение торговых караванов в безопасности, предоставляла отряды для совместных военных походов. Однако этим не исчерпывались политические итоги присяги. Несмотря на внешнюю форму «дружественности», клятвенные договоры, как совершенно справедливо заметила И. С. Ермаченко, «автоматически влекли за собой признание права решающего голоса за более сильным партнером по союзу», «клятва... являлась первым шагом по пути официального признания... своей зависимости» от него¹¹⁰.

По мере распространения власти Маньчжурской династии из Южной Монголии в Северную, из Джунгарии в Восточный Туркестан, союзы, основанные на клятве, из действительно дружественных превращались в неравноправные. Для цинской дипломатии было характерно смягчение зависимого характера

---

¹⁰⁸ Там же. Ч. 2. С. 232.

¹⁰⁹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 137.

¹¹⁰ Ермаченко И. С. Указ. раб. С. 87.

союзов. Свидетельством этого является уже упомянутый выше факт, когда клятва с монгольских послов бралась в учреждении, ведавшем делами императорской семьи. Это должно было означать, что монгольский хан принимался в эту семью. Выдавались также особенно богатые подарки, устраивались торжества и обильные угощения, пальба из пушек и фейерверки. Кроме обряда коленопреклонения, иногда с принесением клятвы, все остальные мероприятия дипломатического протокола должны были льстить самолюбию послов.

Разнообразие церемониалов при дворах и ставках правителей Сиюя не создавали для китайских послов непреодолимых препятствий. Дипломаты шли на уступки, дабы успешно справиться с полученным заданием. Долгая, изнурительная борьба против соблюдения китайского церемониала также не отпугивала азиатских и европейских послов.

Для китайской дипломатии Цинской эпохи приоритетной оставалась восточная политика. Являясь крупнейшей державой Востока, Цинская империя претендовала в Азии на доминирующую роль. И в период ослабления империи в результате поражений от опиумных войн, упорно отказывая в приеме посольствам западноевропейских государств, китайская дипломатия продолжала проводить свою политику в отношении Сиюя.

К Запретному городу направлялись на аудиенцию посольства из западных окраин на верблюдах и конях, а европейские дипломаты безуспешно месяцами ждали приема. На этих дворцовых приемах, начиная с правления императора Канси, на более почетное место садили джунгарских послов, вслед за ними – халхо-монгольских. Представители Русского государства садились ниже джунгар¹¹¹. Все вместе они занимали места по правую сторону, где полагалось сидеть «вассалам», почетные места предоставлялись наиболее «преданным и верным».

Посольства из Восточного Туркестана и Монголии, синьцзянские и зарубежные казахи, киргизы, а также представители Кокандского ханства приглашались на дворцовые приемы преимущественно вместе. Приезды зарубежных представителей приурочивались к очередным

---

¹¹¹ Мясников В. С. Указ. раб. С. 119.

аудиенциям, предоставленным в определенные сроки хошоутским и торгоутским князьям, уйгурским бекам. Все вместе они проходили через один церемониал, получали приблизительно одни и те же традиционные подарки. Возможно, все это должно было создавать иллюзию относительной самостоятельности знати и представителей власти Синьцзяна и Монголии, а у зарубежных представителей – иллюзию подчиненности цинскому правительству.

Пограничная администрация и дипломатия

Ввиду отдаленности Сиюя, а затем Синьцзяна от центра, а также с целью лучшего управления внешнеполитическими делами с соседними странами китайское правительство практиковало создание на границах особых управлений, которые не имели закрепленной надолго постоянной территории и переводились в зависимости от реальной обстановки и границы Китайского государства. В средневековье такие управления назывались духуфу¹¹². Весь круг внешнеполитических контактов с племенами, группой племен, городами и государствами сосредоточивался в руках этих специальных управлений. Они же были форпостами распространения китайской власти, плацдармами и надежной базой при ведении войн. Управления представляли собой военно-административные единицы, обладающие значительной самостоятельностью. Их деятельность в целом направлялась и корректировалась из центра, но всю практическую повседневную работу осуществляли управления. Крупные посольства в страны Запада могли успешно осуществляться только при помощи этих управлений.

В эпоху Мин носили название «вэй» (другое название – округ). Большой частью они располагались на территории современного Ганьсу¹¹³. Уже в первые годы правления Минской династии близ Хами на западе Ганьсу было образовано семь вэйсо, что говорит о стратегическом значении Хами (Комула) во

---

¹¹² См. подробнее: *Боровкова Л.* Место и роль дудуфу и духуфу; *Малевкин А. Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. Новосибирск, 1989.

¹¹³ *Зотов О. В.* Китай и государства Восточного Туркестана в XV–XVI вв.: К характеристике «даннической системы» // Материалы XI научной конференции «Общество и государство Китая» М., 1980. Ч. 2. С 55–56.

внешней политике китайского государства в Сиюе. Сам Комул с 1406 г. также был одним из вэйсо¹¹⁴. Степень зависимости всех вэйсо от Минов была различной.

По существу, вэй являлся воинским соединением, в минское время он состоял из 5600 солдат и командиров. Командиры, наряду с военной властью, обладали административной властью, поэтому он может с полным правом считаться военно-административной единицей. Вэй, расположенные на границах, относились к разряду цзими вэй (округ, связывающий силы иноземцев)¹¹⁵. В Китае в древности возникла, а в средневековье получила дальнейшее развитие политика «связывания сил» варваров. Суть ее заключалась в том, чтобы, с одной стороны, извлекать выгоды из вражды и распрей правящей верхушки иноземцев, а также различных племен, а с другой – в подкупе их подарками, привилегиями и созданием благоприятных условий в торговле с Китаем.

Деятельность вэев мало влияла на отношения иноземных владений с Китаем, но сам Китай стремился перевести это влияние из номинального, формального в действительное. И если говорить об итогах внешнеполитической деятельности Китая в Восточном Туркестане и Монголии в течение эпох Мин и Цин, то это было успешно сделано.

В эпоху Мин важную роль играли вэй на северо-западных рубежах, видимо, поэтому их деятельности посвящен специальный раздел в «Минской истории». Среди них названы: Аньдин вэй, Цюйсянь вэй, Шачжоу вэй, Ханьдун цзовэй, Аньдуань вэй, Чицзинь мэнгу (т. е. монгольский вэй. – К. Х.), Ханьдунвэй и Хамули (Комул. – К. Х.)¹¹⁶.

Хами был самостоятельным владением, имеющим более регулярные посольские и торговые связи с Китаем и игравшим значительную роль в связях последнего со странами Сиюя. Создание вэйсо влекло за собой присвоение военных титулов хамским феодалам и правителям, являющимся как бы служащими этого «округа», – им выдавалось вознаграждение и

---

¹¹⁴ Лю Чжисяо. Вэйурцзу лиши. Пекин, 1985. Т. 1. С. 328.

¹¹⁵ Бокщанин А. А. Политика Китайской империи на национальных окраинах в начале XV в. // Вопросы истории. 1977. № 3.

¹¹⁶ Минши. Цз. 300. «Сиюй эр». С. 31836–31863. Возможно, разделение материала о Комуле (Хами) объясняется тем, что здесь Комул рассматривается в качестве округа, а в другом разделе – княжества. Но это же может служить доказательством формального характера Комульского округа.

«жалованье». По существу, это была плата за посредническую роль, а также форма подкупа феодальной верхушки какого-либо владения, позволяющая заручиться их поддержкой против ойратов – основных противников Минов за влияние в Комуле.

В ряде случаев вэйсо не только не выполняли свои функции, но и вступали в прямую вражду с центральным правительством, воевали между собой, грабили китайские посольства, но чаще – посольства других владений Сиюя, совершали нападения на китайских чиновников и т. д.¹¹⁷ И все же в целом они сыграли большую роль в распространении китайского политического влияния и по мере расширения территории Китая продвигались глубже на территорию Восточного Туркестана.

В цинскую эпоху деятельность военно-административных и других институтов древности и средневековья тщательно изучалась, выяснялась их дислокация. При этом преувеличивалась их роль на территории Восточного Туркестана, что подтверждает стремление Китая использовать вэй для осуществления конкретных политических задач в цинскую эпоху.

После завоевания Джунгарского ханства и Восточного Туркестана было образовано генерал-губернаторство в Или. Два помощника генерал-губернатора в Кашгаре и Тарбагатае управляли своими округами. Илийский цзяньцзюнь и его канцелярия играли важную роль в осуществлении внешней политики Цинской империи в Центральной Азии. Внимательно следя за событиями, развивающимися за кордоном, за связями этнически родственных племен казахов, киргизов, мусульман Средней Азии с синьцзянскими, они своевременно узнавали о смерти и воцарении нового властителя. В Или, Кашгаре и Тарбагатае встречали чужеземных посланцев и торговцев, вели с ними беседы, расспрашивали о политических событиях в их владениях, передавали через них тайно либо официально одобренные центром послания. Цзяньцзинь должен был добиться официального извещения о смерти старого хана от его наследника, склонить того к установлению или продолжению регулярных связей с Китаем. Безусловно, наместники в крае частично исполняли функции вышеупомянутых вэй в плане «связывания варваров».

---

¹¹⁷ Зотов О. В. Указ. раб. С. 55.

Подчиняясь в целом центральным внешнеполитическим ведомствам, наместничества имели собственный взгляд на конкретно проводимые внешнеполитические акции государства. Их деятельность отличалась большим радикализмом и инициативностью. Справки генерал-губернатора и его помощников с обсуждением готовившихся дипломатических акций или их собственные послания к иноземным феодалам говорят об этом довольно ясно. Центр же исходил из соображений большой политики, поэтому соблюдал осторожность, последовательность в своих действиях и следил за тем, чтобы китайские чиновники также придерживались этой тактики.

В наместничестве были свои внешнеполитические ведомства со штатом переводчиков и чиновников. Столичные чиновники, выполнявшие дипломатические миссии, в особенности офицеры охраны императора, согласовывали с ними свою деятельность.

Во внешнеполитической деятельности цинского правительства сферы деятельности наместников были разделены: кашгарский наместник ведал внешними связями с Бадахшаном, среднеазиатскими ханствами, Киргизией, Тарбагатайский, а позднее Кобдоский наместник ведал отношениями с тувинцами, алтайцами, казахами Среднего жуза. Илийский генерал-губернатор ведал казахскими делами и координировал внешнеполитическую деятельность всех округов. В связи с этим ряд китайских ученых склонен принимать внешнеполитический аспект деятельности наместников за прямое управление пограничными племенами, преувеличивать их роль и влияние на правителей этих племен и государств¹¹⁸.

В наместничествах строго фиксировался приезд среднеазиатских посланцев: если это были младшие представители ханских или султанских домов, то тщательно записывалась их родословная, заносились все награды, выдаваемые членам этого дома, начиная от головных уборов и одежды чиновникам до степени присужденных чинов. Под непосредственным руководством генерал-губернатора Илийского края Сун Юня были составлены таблицы казахских султанов и киргизских биев. Случайно или намеренно, но здесь не делается различий между теми ответвлениями

---

¹¹⁸ Шаэ цинлюэ Чжунго сибэй бяньцзян ши. Пекин, 1979. С. 61–87.

ханских родов, которые проживали в Синьцзяне, Монгольском Алтае или за рубежом – в Киргизии и Казахстане¹¹⁹. Таким образом, расширялась сфера действия наместничества, а внешнеполитическим акциям придавался характер внутренней политики.

Иноземные правители не могли иметь прямых связей с Пекином. Они вели дела через цинские пограничные власти, а для проезда в столицу или чтобы отправить туда свое посольство, должны были подавать прошения илийскому цзянцзюню. Такая бюрократическая система была призвана создать иллюзию зависимости иноземцев от управления цинскими властями делами этих иноземцев. Здесь прослеживаются влияние сложной бюрократической системы Китайского государства на внешнеполитические связи, традиционные способы ведения дел китайской дипломатией, специфические черты феодальной дипломатии, неразработанность международного права в его современном понимании. Весь комплекс вопросов, связанных с отношениями международного характера, во многом зависел от пограничных властей, и с этим приходилось считаться.

Пересылка, перевод писем, депеш, обсуждение вопросов занимали сами по себе много времени, но все это еще усугублялось отдаленностью окраин. В Китае работала сложная система почтовых станций и другой фельдъегерской службы. Почта, касающаяся заграничных дел, была более оперативной по сравнению с пересылкой документов внутреннего порядка.

Таким образом, наместничества, а до них военно-административные институты имели внешнеполитические функции, а потому были важным звеном в дипломатической системе Китая. На них лежала обязанность претворения в жизнь дипломатических актов, а также их подготовка. Если при этом учесть, что и во внешнеполитическом центральном ведомстве функции внутреннего управления окраинами и внешней политики в отношении соседних владений не разделялись и велись одним органом – Лифаньюанем, то наместничества были ограничены для китайской традиционной дипломатии. Их деятельность свидетельствует о том, что политика в отношении народов национальных окраин находилась в тесной зависимости от внешней политики Китая в регионе Сиюя.

---

¹¹⁹ Циньдин Синьцзян шилюэ... Цз. 12.

В обязанности канцелярии Илийского генерал-губернатора и его помощников в Кашгаре и Тарбагатае входила и подготовка послов Сиюя к приему в Пекине. Одновременно шла работа с посланиями правителей, доставленными посольствами Коканда, Афганистана, Казахстана и др. стран. Им придавалась форма, отвечавшая требованиям китайской феодальной дипломатии. Грамоты должны были быть написаны от имени нижестоящего к вышестоящему, поскольку никто не мог быть равным повелителю Поднебесной. Генерал-губернатор и императорский двор болезненно реагировали на нарушение этого правила. Император Канси был весьма недоволен, узнав, что джунгарскому хану Галдану духовный вождь буддистов далай-лама присвоил титул Эрдени-Бошокту-хана. Об этом Галдан упомянул в своем письме в Пекин в 1679 г., очевидно, с тем, чтобы в дальнейшем в китайских грамотах к нему обращались по полному титулу. В докладной Лифаньюаня по этому поводу было сказано, что, хотя Галдан и именуется ханом, все же проявил почтительность уже тем, что сообщил о присвоении титула цинскому правительству¹²⁰. В последующем в китайских посланиях к нему Галдана именуют Эрдени-Бошокту.

Кокандский хан Ирдана так и не добился чести называться ханом, хотя был первым из кокандских правителей, установивших отношения с Цинским государством. «... Почему теперь безрассудно, самовольно смог называться ханом?» – вопрошал его император¹²¹. Вопрос считался исключительно принципиальным.

В 1807 г. другой кокандский хан Омар прислал письмо императору, правившему под девизом Даогуан, в котором его имя с титулом хан было написано золотыми буквами, а к императору он обращался словом «дос» – друг¹²². Пограничные чиновники и чиновники Лифаньюаня часто подчеркивали нескромность иноземных правителей, несоблюдение ими приличий.

После выполнения дипломатической миссии чужестранцы подавали прошения, в которых просили разрешения отбыть,

---

¹²⁰ Дай Цин Шэнцзя Жэньхуанди шилу. Цз. 91. Л. 5; Там же. Цз. 103, л. 16, об. – 17 об. и др. документы.

¹²¹ Кузнецов В. С. Указ. раб. С. 54.

¹²² Пань Чжипин. 1759–1820 нянь Цин юй Хаохань ды гуаньси // Синьцзян шэхой кэсюэй. 1985. № 2. С. 93.

примерно следующего содержания: «Прибывший из Хочжоу посол Ханвань внес дань в столице. [Ныне] закончил свои дела, умоляю выдать награды и подарки, чтобы возвратиться. Надеюсь, [что] пожалуете шелка, тканые золотом, простые шелка, а также фарфоровые блюда и другие вещи. Прошу довести до сведения императора»¹²³. После подачи прошения послу разрешалось возвращаться домой специальным документом, в котором подробно перечислялись подарки, переданные правителю, членам его семьи. В государствах Центральной Азии было принято подавать прошения об отбытии послов, а императорская грамота, разрешавшая послу отъезд, называлась буту¹²⁴.

Нас не должны вводить в заблуждение уничижительные слова и угодливые выражения в посланиях чужеземных правителей к минским или цинским императорам, приводимые в китайских источниках. Мы должны призвать на помощь факты, характеризующие конкретные дипломатические связи конкретного исторического деятеля с Китаем. Необходимо помнить, что к этим посланиям приложили свою руку чиновники Либу, Лифаньюаня, пограничные чиновники и придали им форму, которая считалась приличной для подобных посланий.

Пограничная администрация обладала большими полномочиями в отношениях с соседними правителями. Она докладывала о прибытии посольства, отправляла его в Пекин или в императорскую резиденцию, в другой район страны, провожала их в обратный путь, готовила иноземцев к тому, что их ожидало при дворе, уже на месте пыталась сгладить острые углы и предотвратить столкновения на правительственном уровне. И она же первая правила грамоты иноземных правителей до того, как эти грамоты доставлялись в столицу.

---

¹²³ ОР ГБЛ, ф. 274. Скачков, № 4/3. Док. № 20.

¹²⁴ Кузнецов В. С. Указ. раб. С. 22.

Глава III

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

Институт «дань-подарки» («гун-лай»)

Ни один вопрос не привлекал столь живого внимания исследователей китайской дипломатии, как институт дани и так называемых даннических отношений. Ученые, изучающие эту систему на длительном хронологическом отрезке, приходят к единодушному мнению, что под видом выплаты дани и его отдаривания практически выступал торговый обмен. Он производился на двух уровнях: высоком (придворном) и общерыночном. В целом соглашаясь с этими выводами, хотелось бы обратить внимание еще на некоторые моменты.

В официальной литературе к разряду дани относятся не только царские подарки, но и подарки высокопоставленным пограничным чиновникам, выкуп, различные виды платежей на основе договоренностей обеих сторон. Дань предусматривала отдаривание, которое включало в себя не только ответные подарки, но и другие ответные и предварительные мероприятия политического и экономического характера со стороны Китая. Дань, как правило, всегда как-то окупалась. Поэтому её следует рассматривать в комплексе с инициативными или последующими шагами китайской дипломатии. В связи с этим можно поставить вопрос об институте «дань-подарки» («гун-лай»), действовавшем как двуступенчатый процесс, в котором одна ступень предопределяла вторую.

Большинство исследователей склонны считать, что вначале поставлялась дань, и после этого следовали «милостивые подарки» китайского императора, многократно превышающие подношения иноземцев.

Так представляет институт дани и китайская официальная историография. Однако конкретные материалы китайских источников эпох Мин и Цин свидетельствуют о том, что последовательность действий могла быть и обратной.

С установлением новой династии в Китае её первый император считал своей обязанностью рассылать в соседние страны посольства с оповещением об этом знаменательном событии. Послания рассылались через собственные посольства или через посредство третьих стран. В них сообщалось о смене власти и содержался призыв к установлению торговых и прочих связей. Посольства, по установившейся в веках традиции, везли иноземным правителям ценные подарки. Через какое-то время начинали прибывать посольства из других стран, также привозившие подношения двору и товары для обмена на торговых рынках Китая. Иногда послания чужеземных правителей передавались через торговый караван вместе с подарками.

Обратимся к примерам из истории установления посольских связей Китая со Средней Азией и Казахстаном в эпохи Мин и Цин.

В «Минши» в разделе о Самарканде сказано: «В середине [своего] правления Тайцзу пожелал установить отношения с Сиюем. Неоднократно направлял послов со [своими личными] посланиями [заверенными печатью], дабы привлечь [государства этого региона] к установлению отношений. Однако никто из посланцев [их правителей] не прибыл. В 4 луне 20-го года [правления Хунью – 1387] самаркандский [государь] Темур впервые прислал своего посла муллу Хафиза и других»¹. Послы эмира доставили 15 аргамаков и двух верблюдов, которые и зафиксированы были как дань. В ответ минский император передал 18 слитков золота и серебра и вещи. Произошел эквивалентный или неэквивалентный, но самый настоящий торговый обмен.

Китайское посольство, направляемое к Тимуру, везло подарки от имени императора ему и правителям тех владений, через земли которых оно проезжало. На обратном пути к посольству Китая, как правило, присоединялись торговые караваны и послы этих стран. Все они везли ценные подарки в ответ на подарки китайского двора.

Китайские посольства выезжали одновременно во многие страны Сиюя. Их подарки можно рассматривать как плату за безопасный проезд, за помощь в продвижении к месту назначения. Но когда в столицу Минов, сначала в Нанкин, а затем в Пекин, прибывали посольства этих владений и

---

¹ Минши. Цз. 332. С. 31864.

доставляли подношения, эти подношения представлялись двором только в качестве дани, а посольства выступали как даннические. Об этой трансформации на основе исторических материалов различных эпох писали многие ученые. Подарки китайского императора они рассматривают как щедрый, но всё же ответный шаг. В большинстве случаев дело обстояло несколько иначе. Инициатива исходила от более активной минской дипломатии. Тимур принимал дары Минов тоже как доказательство зависимости от него.

В цинскую эпоху инициатива в установлении посольских связей в Центральной Азии также исходила от Китая. Европейской науке трудно было в это поверить, поскольку она сталкивалась с политикой изоляции маньчжурской династии на каждом шагу. Этой политики Цины придерживались в отношении западных держав. В странах Центральной Азии дипломатия предпочитала брать инициативу в свои руки, была напористой и настойчивой. Особенно активную деятельность она развернула в связи с кампаниями против Джунгарии и Восточного Туркестана. Послания цинских императоров были направлены в Тибет, Среднюю Азию, Казахстан, Россию и Калмыкию. Использовалась любая возможность и в ходе военных акций на территории Джунгарского и Яркендского ханств. Поскольку было опасно и почти невозможно официальным посольствам проникнуть в Среднюю Азию и Казахстан через враждебные территории уйгуров и ойратов, послания китайской стороны передавались через пленных ойратов, казахов и других случайных лиц, а также своих военных.

В 1755-1757 гг. в лагерь казахских ополчений, оказывавших поддержку джунгарам, решено было отпустить казахских пленных – приближенных султана Аблая. В указе императора членам Военного Совета в 1756 г. говорилось: «Составлена грамота Аблаю. Надо выбрать [среди пленных] умного и опытного человека для вручения, выдать [ему] провиант на дорогу. Кроме того, следует передать атласные шелка в подарок их старшинам»².

Командиры маньчжуро-китайских войск, со своей стороны, посылали в подарок вещи, слитки серебра, шелка и т. п., с тем чтобы «казахи растрогались» и выдали в их руки «смутьяна». Главным врагом Цинской династии был в то время Амурсана.

---

² Циндин пиндин чжуньгээр фанлюэ. Чжэньбянь. Цз. 32, л. 21, об.

Но после того, как Амурсана покинул кочевья Среднего жуза, а его правители направили своих представителей в цинский лагерь и передали через них четырех коней, в Пекине эти кони стали классифицироваться как дань, переданная от имени всего казахского народа. В донесении же военачальников говорилось лишь о подарке.

Китайская сторона направляла свои подарки независимо от содержания посланий. Какие бы суровые письма к джунгарам, уйгурам, казахам ни отправлялись, с ними отправляли и личные дары императоров. А подношения джунгарских правителей – Галдана, Цэван-Рабдана, Галдан-Цэрэна, Даваца и других ханов – китайской дипломатией зачислялись в разряд дани.

Особенно четко вопрос о так называемой дани прослеживается в минскую эпоху. Среди «диковинок» Западного края были хищные звери, домашние и прочие животные, продукты животноводства, драгоценные и полудрагоценные камни, сырье для фармакологии.

Львы доставлялись из Самарканда в Китай еще в древности и средневековье. В 635 году танский император приказал ученому поэту составить оду в честь этого царственного животного³. Лев для китайцев оставался символом Запада. Уже в то время верные чиновники советовали императорам не принимать в дар зверей под предлогом больших расходов на их содержание.

Из хищных зверей в минскую эпоху доставлялись барсы, гепарды, но более всего львы. Посольства стран Сиюя привозили их из Самарканда, Герата и Юго-Восточной Азии. В XIV–XVI вв. львы водились в камышовых зарослях Амударьи. Взрослую особь поймать было трудно, поэтому старались взять детеныша еще до того, как у него откроются глаза (на седьмой день от рождения)⁴. Львенка, пойманного еще с закрытыми глазами, было легче приручить и выдрессировать.

В «Минши» и «Миншилу» имеются записи о доставке львов объединенными посольствами из державы Тимура и Восточного Туркестана. В 1488 году двух львов привезли от имени Самарканда и Исфахана. В 1490 году львов доставили

---

³ Шефер Э. Золотые персики Самарканда / Пер. с англ. М., 1981. С. 121.

⁴ Описание иностранных государств на Западе. *Герат* / Пер. с кит. Б. И. Панкратова // Страны и народы Востока. М., 1989. Вып. 24. С. 111; Минши. Цз. 332, л. 31872.

самаркандские и турфанские послы. В следующем году они вновь привезли льва⁵. Китайская сторона с трудом возместила их стоимость. Львов продолжали возить и в начале правления династии Мин, и в его конце. В минскую эпоху ортодоксальные чиновники точно так же советовали своим правителям отказаться от подношений такого рода. Доводы были те же, что и в средневековье: огромные расходы на содержание хищника и его охрану.

Когда самаркандские и турфанские послы в 1483 году прибыли с двумя львами в Сучжоу, они просили, чтобы сюда прислали чиновников и охрану для приема диковинных зверей. На это чиновник Военного министерства Лу Гу заявил: «Эти [звери] являются бесполезными вещами, [они] непригодны для жертвоприношений Небу и Земле [в качестве] жертвенных животных, нельзя также использовать их как коренников в императорской упряжке. Поэтому не следует принимать такие подарки»⁶. К тому же выезжать для принятия зверей навстречу чужеземному посольству было, по мнению Министерства обрядов, нарушением церемониала. Однако, исходя из внешнеполитических интересов, император все же распорядился выехать навстречу послам и принять зверей. Да и посол Палюван⁷ оказался очень настойчивым.

Хотя на этот раз со львами возникли серьезные недоразумения, затягивали их покупку или, как это принято говорить в китайской дипломатии, «отдаривание», в 1490 году самаркандские послы вновь привезли их, на этот раз из Малаккского султаната в провинцию Гуандун. Чиновники Министерства обрядов считали: «Приручение диких зверей и забавы с ними являются неподходящим делом. К тому же и на дорогах от них небезопасно, а расходы по содержанию не окупаются»⁸. Содержание львов действительно было обременительным. Один лев ежедневно съедал два живых барана и выпивал две бутылки кислого и сладкого молочного вина. Смотрителям львов выдавали вина и яства из кладовых, обслуживавших императора и его семью.

В последнем случае была возможность отвергнуть

---

⁵ Минши. Цз. 332. С. 31866; Цз. 329. С. 31832.

⁶ Там же. Цз. 332.

⁷ Правильно Пахлаван (перс. герой, повелитель). См.: *Гафуров. А. Имя и история*. М., 1987. С. 178.

⁸ Минши. Цз. 332. С. 31866.

подношения под предлогом, что они доставлены нетрадиционным путем – морем. Однако император согласился лишь на половинчатые меры: «Если даннические посольства будут прибывать и далее, не следует отвергать [их подношения] и отправлять [их самих] обратно. Однако [в столицу] разрешать проезд только одному-двум членам посольства. Львам и другим зверям выдавать лишь по одной овце в день, не позволяется расточительствоваться»⁹.

Один из чиновников вновь подсчитал расходы. Оказалось, что за 10 лет содержания одного льва из расчета по две овцы в день число последних достигнет 7200 голов. Для ухода за львом и охраны требуются 50 человек, что за 10 лет составит 18 тыс. человек. Но император не пожелал его слушать¹⁰. Особенно усердно отговаривали чиновники своего повелителя не принимать львов от турфанцев. Но и их приняли. Это объяснялось, возможно, тем, что дар следовал не от одного Турфана, но и от Самарканда. К тому же правитель Турфана Султан Ахмад заверял, что собирается уступить требованию Минской династии и возвратить захваченный им город Хами, а также печать правителя. Напомним, что Ахмад убил ставленника Минской династии Ханьшэня¹¹. Возможно, император надеялся, что турфанский правитель исполнит свое обещание и их отношения улучшатся. Авторы «Минши» считали, что «чужеземный разбойник (Ахмад. – К. Х.) знал, что двор легко поддается влиянию». Как бы то ни было, львы всегда принимались минскими императорами.

Помимо экономических обоснований минские сановники выдвигали причины морального характера. Лю Цзи призывал: «Вашему величеству надлежит... не вызывать без [серьезной] причины инородцев в дворцовые покои, не смотреть представления [с участием] львов и не держать в большом количестве [роскошные] предметы, [которыми] пользуетесь Вы сами...»¹².

Чиновник Министерства обрядов Гэн Юй высказался еще более резко: «По сути своей лев является диким животным и не заслуживает того, [чтобы] считаться диковинкой, почему же Ездящий в колеснице и паланкине (т. е. император – К.

---

⁹ Там же. С. 31866.

¹⁰ Там же. Цз. 329. С. 31833.

¹¹ Там же. С. 31832.

¹² Минши. Цз. 329. С. 31832.

Х.) самолично обременяет себя несколько раз [поездкой] на зрелища? Доходит до того, что [паяц] из захолустных земель может видеть удивленное [выражение] на лице императора. Создается предлог для пересудов»¹³. Представления со львами, по-видимому, были столь захватывающими, что император не мог скрыть своего восхищения искусством «захолустных» актеров, т. е. актеров из далеких краев. А это было непозволительно с точки зрения конфуцианских ортодоксов или имперских амбиций.

Как видно из сказанного, даннические товары могли отвергаться принимающей стороной. Доставляющая же сторона упорно навязывала свою дань, привозила ее чаще, чем было установлено, не в те сроки. При этом требовала принятия за хорошее вознаграждение. Самаркандский посол Палуан (Палюван) остался недоволен, несмотря на то, что «император щедро одарил [самаркандских послов]». Он требовал «одарить его по правилам, [принятым] при правлении Юнлэ», т. е. в начале установления связей. «Чиновники Министерства обрядов, посоветовавшись, решили, согласно правилу 4-го года правления Чжэнтун (1439 г. – К. Х.), добавить узорчатые шелка и [шелка] на пять комплектов верхней и нижней одежды. Посол вновь продолжал оставаться недовольным. Тогда выдали послу и его заместителю [шелка] на верхнюю и нижнюю одежду, по два комплекта каждому. Сопровождающим было выдано по половине этого»¹⁴. Таким образом, самаркандский посол дважды добивался повышения вознаграждения.

Возникали споры из-за привезенного самаркандцами нефрита. В 1456 г. «Ведающие [приемом гостей] заявили, что из поднесенного нефрита только 24 куска, составляющие 68 цзиней (приблизительно 34 кг – К. Х.), пригодны для обработки. Остальные, более 5 тыс. 900 цзиней, не годятся. Следует разрешить им [приезжим] самим реализовать их. Однако те [чужеземные послы] настаивают [на том], чтобы [приняли] весь нефрит. [Они] просят, [чтобы] за каждые 5 цзиней [им] подарили по четыре куска тафты. Пожалуй, можно [пойти на уступки]»¹⁵.

Дань могла быть отвергнута китайской стороной не по экономическим, а политическим соображениям. Мины

---

¹³ Минши. Цз. 329. С. 31832.

¹⁴ Там же. Цз. 332. С. 31865.

¹⁵ Там же.

отказывались принимать дань Хами за его поддержку ойратов против Китая в 1469–1470 гг. Неоднократно отвергалась дань турфанцев, в особенности Султана Ахмада, в связи с нападениями на Хами. Звучали угрозы, что, если Хами не будет возвращен, турфанцам «будет навечно запрещено вносить дань»¹⁶. Эти примеры можно классифицировать как разрыв отношений в одностороннем порядке. Согласно политической культуре китайцев, этот факт выступал под видом отказа принимать дань.

С каждым годом вознаграждение за доставляемую дань уменьшалось. Это явствует из вышеприведенного сюжета с самаркандским послом Палуаном, который требовал его на основании прецедента. Наиболее щедро одаряли послов за дань при императоре Юнлэ в 1403–1424 гг. Известно, что указ о сокращении подарков за подношения был издан в период правления Чжэнтун в 1436–1449 гг. Первая уступка Палуану была сделана на основе правила 1439 г. Мы не знаем, какова была стоимостная оценка подношений послов из Сиюя при Юнлэ. О ней можно составить лишь общее представление из того, как было заплачено послу Тимура мулле Хафизу: за 15 породистых коней и двух верблюдов – 18 слитков серебра. Возможно, это было личное благоволение императора. Наиболее ранним указом о правилах оплаты за подношения А. А. Бокщанин считает запись в «Мин хойдянь» за 1426 г. В то же время ученый замечает, что ответные дары минского двора для стран были неодинаковы¹⁷. Приводимая им запись относится к дани из Монголии: «...Отдавали за каждый сорт дани особыми вещами, а именно: за каждую лошадь среднего разряда – цветным атласом на две пары платья, а сверх того уплачивали стоимость двух кусков тафты; за лошадь низшего разряда – отдарением пеньковой материей одним куском и из восьми кусков тафты за один кусок деньгами; за лошадь самого низкого разряда – шестью кусками тафты и за один кусок деньгами. За каждого верблюда – цветным атласом на три пары платья и сверх того деньгами за десять кусков тафты. За кречетов – одной парой платья; за 200 горностаевых шкур»

---

¹⁶ *Зотов О. В.* Китай и государства Восточного Туркестана в XV–XVI вв. К характеристике «даннической системы» // *Материалы XI научной конф. «Общество и государство Китая».* М., 1980. Ч. 2. С. 52.

¹⁷ *Бокщанин А. А.* Китай и страны Южных морей в XIV–XVI м. М., 1968. С. 145, 146.

– 12 парами платья, за две шкурки соболей – одной парой платья; за десять больших шкурок – одним куском тафты; за одну рысь – семью с половиной кусками тафты»¹⁸. Как видно, монголов отдаривали щедро. Особенно дешево стоили меха.

В 1456 г. Министерство обрядов решило: «Старая система отдаривания была весьма обременительной для Китая. Теперь главпосольствизаместителей[этих]глав,награждаемых[ранее] по первой и второй категориям, следует одарять по [разряду] бывшей третьей категории. [А именно] следует дарить одному человеку узорчатого шелка для верхнего и нижнего платья – четыре куса, тафты – три куса, золототканой одежды – из полотна и шелка – один комплект. Для сопровождающих лиц, охраны, писарей, переводчиков также следует соответственно уменьшить [количество подарков]».

Для лиц, вносящих коней породы алугу за каждую [голову] выдавать разноцветного атласа по четыре куса, тафты для верхней и нижней одежды – по восемь кусков. За верблюдов выдавать три куса [за голову] того же цветного атласа, тафты для верхнего и нижнего платья – 10 кусков. За коня породы дада (татарской – *К. Х.*) вне зависимости от качества выдавать одежду из шелка – один комплект, тафты – восемь кусков, сверх того в деньгах стоимость одного куса тафты. За коня среднего разряда [выдавать подарки] по этой же норме, а за низкого разряда коня – уменьшить [количество подарков, дабы] ощущалась разница¹⁹. Совершенно очевидно, что подношения из Средней Азии оплачивались по более высокой цене, чем из соседней Монголии. Чем далее отстояла страна, тем более высоко оценивалась заслуга в поднесении дани, в особенности в период установления связей.

Как среднеазиатские послы, так и монгольские поднимали вопрос о повышении размера подарков, в ответ на их подношения. Их товар пользовался большим спросом. Табуны коней в 10 тыс. голов и более мгновенно раскупались на окраинах Минской империи²⁰. Спрос на коней в цинском Китае также был огромным. Особенно он увеличивался в годы военных походов против западных или восточных монголов, а также против других народов различных районов Сиюя.

---

¹⁸ Бокщанин А. А. Китай и страны Южных морей в XIV–XVI м. М., 1968. С. 146.

¹⁹ Минши. Цз. 332. С. 31865.

²⁰ Международные отношения в Центральной Азии. Ч.1. С. 95.

Монголы в ответ на требование соответствующего вознаграждения в 1653 г. получили следующую отповедь от императора Шуньчжи: «Нам было доложено [о том, что вы] дерзко заявляете, что полученное вами вознаграждение скудно и что впредь вы не будете делать подношения... Я, император, являюсь повелителем Поднебесной, ваши же владения величиной с пулю. Вы делали подношения местными продуктами, а я, император, соответственно вознаграждал [вас] подарками. Ныне говоря, что они скудны и требуя их увеличить, позволили себе заявить, что если вознаграждение будет прежним, вы не будете платить дань из девяти белых. Вы, видимо, хотите навлечь на себя беду?»²¹ Но такие резкие ответы в китайской дипломатии были нечасты. В основном, сетуя на природную «алчность» варваров, двор шел навстречу требованиям иноземных послов, дабы «поощрить их за искреннее отношение». Таким образом стимулировался их приезд в будущем.

Вывод о том, что чем далее отстояло владение, тем более теплый прием находили его послы, распространяется и на цинскую эпоху.

Посольства из Западной и Восточной Монголии в эпоху Цин принимались при дворе по-разному. Джунгары до Шуньчжи еще не выплачивали дань из «девяти белых». В 1651 г. вышел указ императора «Правила отдаривания ойратских и халхаских даннических посольств», по которому данническим посольствам высшей категории выдавать: [послу] – высшего сорта шелк, расшитый драконами из императорских кладовых – один кусок, шелка на шляпу и пэнский атлас – по одному куску, синюю шерстяную ткань – 24 куска, серебряный бочонок для чая [емкостью в 103 литра] весом в 30 лян. Свите из пяти человек выдать каждому по одному куску пэнского атласа и восемь кусков синей шерстяной ткани.

Второй категории [послу]: атлас на куртку – один, пэнский атлас – один, синюю шерстяную ткань – 16 кусков. Свите из трех человек [выдать] каждому по одному куску пэнского атласа и восемь кусков синей шерстяной ткани.

Послам мелких тайджи ти табунанов, приславшим официальные посольства, выдавать по одному куску пэнского атласа, восемь кусков синей шерстяной ткани. Сопровождавшему посла одному человеку [выдать] четыре куска синей шерстяной ткани.

---

²¹ Там же. С. 125–126.

Халхаским послам, доставляющим дань от хана, [выдавать] послу I категории [но] ниже ханского звания: один кусок третьего сорта шелка, расшитого драконами, по одному куску атласа на шляпу и пэнского атласа, 24 куска синей шерстяной ткани. Двум сопровождающим посла [лицам] каждому по шесть кусков синей шерстяной ткани.

Послу II категории: один кусок шелка на куртку и пэнского атласа, 16 кусков синей шерстяной ткани. Одному сопровождающему – шесть кусков синей шерстяной ткани.

Послу III категории: один кусок пэнского атласа, восемь кусков синей шерстяной ткани. Одному сопровождающему – четыре куска синей шерстяной ткани²².

Посольства делились на категории, причем в каждой из них предполагалось определенное число членов посольства. Подарки выдавались в зависимости от того, к какой категории относился правитель, приславший посольства, а также от социального статуса самого посла.

Например, до завоевания Восточного Туркестана подарки, выдаваемые турфанским послам, были гораздо более ценные, чем монгольским. В 1656 г. были отрегулированы правила подношения подарков за дань, доставляемую из Турфана, Хами и других городов Восточного Туркестана:

<i>4 одногорбых верблюда</i>	<i>– 12 кусков атласа и тафты</i>
<i>1 западная лошадь</i>	<i>– 2 куска атласа и тафты</i>
<i>324 монгольские лошади</i>	<i>– по куску атласа и тонкой тафты за голову</i>
<i>2 цыня алмазов</i>	<i>– 20 кусков тонкого шелка (тафты?)</i>
<i>1000 цзиней нефрита</i>	<i>– 300 кусков шелка</i>
<i>2 цветастых ковра</i>	<i>– 8 кусков шелка</i>
<i>4 «западных» лука</i>	<i>– 8 кусков шелка</i>
<i>1 седло</i>	<i>– 1 кусок шелка</i>
<i>4 пары рогов антилопы</i>	<i>– 6 кусков шелка²³.</i>

Однако, как в любом абсолютистском государстве, отдаривание часто зависело лично от императора, корректировалось в зависимости от конкретной обстановки и соотношения сил на международной арене. В грамотах

²² Дай Цин Шэнцзу Чжанхуанди шилу Цз. 54 л. 24 об. – 28; Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин... С. 95.

²³ Дай Цин Шэнцзу Чжанхуанди шилу Цз. 103 л. 12–12 об. См. также: Внешняя политика государства Цин в XVII в... С. 224.

направлено посольство, предложившее беку регулярно приезжать в Китай для осведомления о здоровье императора и привозить, как и при Минах, большую и малую дань²⁴. Под большой данью подразумевались товары, привозимые для торгового обмена, а под малой – царские подарки²⁵. Тогда же было сведено до минимума количество малой дани: 4 лошади породы сима и 10 породы дадань (монгольской). Ограничивая подношения, цинский двор сэкономил собственные подарки и затраты на содержание чужеземцев.

В официальных минских и цинских источниках нет сведений о твердо фиксированном количестве подношений из стран Сиюя. Дворцовые хроники каждый раз показывают разное число подношений. Это зависело от состояния самих правителей, от того, сколько товаров могло быть доставлено из соображений безопасности. Дальний путь также затруднял доставку коней, в особенности породистых, требовавших тщательного ухода, особого корма и т.д. В то же время фиксированное количество подношений дани в твердо определенные сроки давало бы больше оснований причислять их к дани. Этого смогла добиться лишь цинская династия в отношении своих вассалов из Монголии и Восточного Туркестана после завоевания их земель.

Количество подношений из Монголии и Восточного Туркестана в XVIII–XIX вв. менялось несколько раз. Точно так же изменялось количество и ответных подарков. Тенденция в целом шла к уменьшению числа подарков и увеличению дани.

Присоединяя поэтапно Монголию, Джунгарию, затем Восточный Туркестан, Цинская империя строила отношения с покорившимися феодалами на принципах сюзерен – вассал. Отношения эти регулировались и управлялись Палатой по делам зависимых земель. Лишь после 1885 г. Восточный Туркестан перестал относиться к ведомству Лифаньюаня. Хаминский и Турфанский округа стали управляться, как и Монголия, Управлением чжасаков. Остальная часть Восточного Туркестана перешла под политико-административное управление Илийского генерал-губернаторства²⁶. Поэтому до середины 80-х гг. XIX в. монгольские, восточнотуркестанские феодалы были отнесены к вассалам китайского императора

---

²⁴ Внешняя политика государства Цин в XVII в.... С. 221.

²⁵ Там же. С. 223.

²⁶ *Чжан, Дэцзэ*. Цындай гоцзя цзигуань каолюэ... С. 152.

и должны были выплачивать ему ежегодную дань. Эта дань вносилась двору в те годы, когда монгольская, уйгурская знать, а также вожди родов других племен Китая (тусы) имели честь «лицезреть драконово лицо», т. е. когда приезжали на аудиенцию, после чего получали жалованье в зависимости от титула и другие подарки.

Задолго до прибытия ко двору императора в столицу или резиденции в других районах составлялся график дани, список лиц, доставлявших ее, твердые сроки пребывания в Пекине и других городах. Каждый монгольский хошун (их было 49) должен был выплачивать по одной овце и одной бутылке архи. Некоторые тайджи выплачивали дань кабанями, добытыми на охоте. Монгольские князья делились на семь классов – от циньвана (князь по крови) до тайджи. Циньван получал жалованье 2500 лянов и 40 кусков атласа. Самое низкое жалованье тайджи составляло 100 лянов серебра и четыре куска атласа²⁷. Таким образом, категория «дань» продолжала функционировать и после подчинения внешних и внутренних монголов и присоединения их земель к Цинской империи.

Данью у монголов были кони высшего и низшего разряда породы дала (дадань), а также верблюды. У самаркандцев кони были трех пород, из которых наиболее высоко ценилась порода алугу – арабской породы. За ними шли кони породы си ма – западные кони. Самыми дешевыми были кони породы дада. Монголы поставляли также пушнину: соболя, горностаю, корсаков, рыжую лисицу, енотовидных собак, выдр, а также живых рысей, барсов, кречетов²⁸. Дань из Средней Азии и Восточного Туркестана была более разнообразна, в особенности в минскую эпоху. Среди товаров упоминаются: панцири и шлемы, кораллы, яшма, янтарь, золото, алмазные сверла, разноцветная керамическая посуда, шелковые и хлопчатобумажные ткани, палатки, рога архаров, шкура западных собак (сигоу ши), кожи и сафьян, надкожница железных рогов (тецзяо пи)²⁹.

Монгольские вожди привозили в начале правления династии Цин также тибетское сукно, кожи, латы, шлемы, ружья. В ответ они могли получить китайские шлемы, латы,

---

²⁷ Там же. С. 148–149.

²⁸ Дай Цин Шэнцзу Жэньхуанди шилу. Цз. 111. Л. 12–16 об.

²⁹ ОР ГБЛ, ф. 274. Скачков, № 4 (213). 1–3.

лук и стрелы³⁰. Кроме того, из региона Сиюй привозились войлок, ковры. Большинство товаров было подношением лично императору, членам его семьи, двору. Однако уже в минскую эпоху в разряд дани попадали лошади, реализуемые на пограничных рынках. Точно таким же образом выплачивал дань Восточный Туркестан. Яркенд должен был выплачивать золотом стоимостью в 1 лян 5 цзяней. Кроме того, проживавшие здесь племена (було) должны были приносить ежегодную дань³¹. Всего Восточный Туркестан должен был приносить в дань более 100 лянов золота (1 лян – 37,301 г). Приносился в дань и знаменитый сорт бескосточкового зеленого винограда, в год по 2 тыс. цзиней (1 цзинь – 576 г). Затем двору стали поставлять из этих 2 тыс. цзиней отборного винограда 200–300 цзиней³². Нефрит поставлялся (в зависимости от объема ежегодной добычи) – от 200 до 300 кусков, что приблизительно составляло 700–800 цзиней³³. Восточнотуркестанские беки привозили также индийские благовония и специи, золотом и серебром разукрашенные пояса, золототканые материи, яркие ковры.

Указывается и другое количество каждого вида дани: золота – всего 20 лянов, винограда – 200 цзиней. Золото, выплачиваемое Яркендом, составляет 27 лянов 7 цзяней. Кроме винограда, среди фруктов упомянуты гранаты, яблоки, дыни³⁴. Вкус и аромат трех видов фруктов вдохновили императора Цяньлуна на очередное стихотворение.

Документов о процедуре приема подарков от иноземных государей китайскими дипломатами за рубежом очень мало. Не обнаружены пока инструкции по этому поводу в минское время. Для цинского периода имеются факты, относящиеся к первым посольствам династии Цин в Россию в 30-х гг. XVIII в.

Послам, отправленным в Россию, была дана инструкция, по правилам китайской вежливости, два-три раза отказываться от врученных подарков царя «с такою отговоркою, что вы ему, Чаган-хану, не привезя никаких хороших подарков, с каким лицом его подарков принять можете?»³⁵. Тулишень,

---

³⁰ Дай Цин Шицзу Чжаньхуанди шилу. Цз. 27. Л. 23, об.

³¹ ОР ГБЛ, ф. 174. Скачков. Сиюй чжи (рук.). Тетр. 2. С. 65–67.

³² Там же. Тетр. 3. С. 77.

³³ Там же. С. 77–78.

³⁴ Там же.

³⁵ Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. 1. С. 442.

член цинского посольства, отказался от подарков сибирского губернатора М. П. Гагарина, сказав, что по их законам «всем тем людям, кои посылаются с указом за делом государевым, до подарков ни на волос касаться не позволяется»³⁶. Точно так же послы, по их словам, не брали подарков купцов и других лиц³⁷.

В 1714 г. в ставке калмыцкого хана Аюки цинские послы, «желая показать себя учтивыми, взяли токмо по одной лошади от каждого, а юфти и корсаки назад отослали»³⁸. Коня нужны были им для продвижения Калмыкии и России, а не для того, чтобы гнать их в Китай.

Послы должны были вести себя с большим достоинством, ни при каких обстоятельствах не высказывать никакого неудовольствия. В инструкции по этому поводу говорилось: «И когда кто из нижних людей вам выскажет какое небольшое неудовольствие, то вы ни малейшего не подавайте признаку, дабы их начальные люди не сведали, но всегда с простой душой содержите великодушно, не показывая на лице своем ни малые досады»³⁹. Цинские послы в Россию и Калмыкию не везли крупных партий товаров для обмена, возможно, поэтому не могли и принимать подарков. Они осваивали путь в Россию, которая рассматривалась как часть Сиюя.

Выезжая же в Среднюю Азию или Казахстан, послы брали с собой шелка, слитки серебра, фарфор, чай, которые продавали по пути в ставку. Эта торговля была дозволена для получения скота, доставлявшегося в ставку ханов и султанов с целью поминовения умерших правителей. Документов о том, что товары вывозились с посольствами для приобретения лошадей и другого скота с целью вывоза их в Китай, нет. Это свидетельствует о том, что цинская дипломатия отделяла торговые интересы от дипломатических, в то время как в странах Центральной Азии посольские и торговые цели выступали комплексно. Более того, высылая подарки или дань, они могли перечислить, какие именно товары в обмен на них им желательно было бы получить. Алтын-ханы, предлагавшие посредничество Москве в торговле с Китаем и прекрасно осведомленные о том, что их товары принимаются там в качестве дани, стремились иметь такие же даннические

---

³⁶ Там же. С. 458.

³⁷ Там же. С. 445.

³⁸ Там же. С. 485.

³⁹ Там же. С. 445.

отношения и с Россией. Алтын-хан Омбо Эрдени-хунтайджи писал царю Михаилу Федоровичу: «А челом бью государю с себя дани два барса, 250 соболей, пять камок... И чтоб государь пожаловал жемчугом да камкою двоелишнею куфтерь [ю], да камкою желтою да камкою кирпичным цветом»⁴⁰.

Сыновья Алтын-хана также писали: «Отец их тебе, государю, дань учел давать... бьем челом по камке, а нас они, государи, пожаловали б своим государевым жалованьем – сабли или чем пожалуют»⁴¹. Другой феодал указал количество и вид товаров взамен своей дани: «Челом бью дани: куяк, барс; четыре сажени камки, 108 корольков белых, пять бобров. А государь бы пожаловал: 300 корольков больших красных, 2 тыс. зерен жемчугу крупного, 300 камней янтарю большово да саблю, 10 сукон разных цветов, по 10-ти сажен сукна»⁴².

В Китай Алтын-ханы направляли письма приблизительно такого же содержания, во всяком случае, в той их части, где речь шла об обмене товарами.

В посланиях китайских императоров, как правило, перечислялись только те подарки, которые отправлялись чужеземному правителю, его жене и послам. Указывалось также, как принимались послы при дворе. Подарки перечислялись, скорее всего, не для того, чтобы кичиться этим, а для того, чтобы правитель получил все ему предназначенное сполна. Кроме того, до его сведения доносились о благосклонном или неблагожелательном приеме послов. В последнем случае объяснялись причины. Но и в самом резком письме непременно упоминалось о небольшом презенте.

Цинская дипломатия еще более широко толковала дань. В официальных документах в разряд дани могли быть зачислены подарки, которые посылались приграничными правителями пограничным властям Китая, генерал-губернаторам или их заместителям и другим должностным лицам.

Например, в 1755–1757 гг. казахский султан Аблай оказывал поддержку ойратскому князю Амурсане. Цинское командование неоднократно направляло к нему своих людей, с целью разрушить союз с «бунтовщиком и разбойником». Аблай пошел на переговоры с цинским командованием только

---

⁴⁰ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1652. С. 73.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 74.

после того, как Амурсана бежал в Сибирь. В ответ на подарки, которые высылались с курьерами, казахскими пленными и другими посланцами цинской армии, летом 1757 г. султан впервые отправил с послами четырех лошадей в качестве ответного подарка командирам⁴³. Эти лошади впоследствии в декретах императора Цяньлуна фигурировали как дань казахов от всего Среднего жуза.

Практика обмена подарками существовала у казахских правителей давно. Со своими посланцами они отправляли коней в дар чиновникам Оренбурга, Троицкой крепости, Омска и т. д. В январе 1758 г. оренбургский генерал-губернатор И. Неплюев и генерал-майор А. Тевкелев писали Аблаю: «Двух лошадей от вас посланных, мы получили и со удовольствием приняли. Напротив того, и мы в знак нашей к вам дружбы с вышеупомянутыми вашими людьми посылаем вам на кафтан сукна кармазинного пять аршин, на полукафтанье штофу десять аршин и на шапку черную лисицу, в коже запечатленная, и тех ваших людей удовольствовав, отпустили»⁴⁴.

В 1811 г. в Синьцзян направлялся торговый караван царских властей. Однако он выехал от имени казахского султана Сарта, поскольку в то время русские купцы еще не имели разрешения торговать здесь. Кроме того, Г. Путимцев, выезжавший с этим караваном с той же целью, что и Ч. Валиханов 50-ю годами позже, должен был передать подарки Сарта Илийскому генерал-губернатору и казне – соответственно пять и девять лошадей. В ответ Цзянцзюнь выслал султану 12 кусков посредственного шелка и 20 аршин бархата⁴⁵. Подарок казне был принят как дань, и генерал-губернатор подал прошение императору об утверждении султана в звании его умершего отца.

Обычай китайцев принимать подарки в качестве дани был известен достаточно хорошо. В январе 1723 г. состоялся примечательный разговор между джунгарским ханом Цэван-Рабданом и послом Петра I, капитаном И. Унковским. Хан говорил о том, что «китайцы де похваляются, что их сильнее и

---

⁴³ Циньдин чжуньгээр фанлюэ. Чженбянь. Цз. 41. Л. 21–22.

⁴⁴ Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России. Алма-Ата, 1978. С. 195.

⁴⁵ Дневные записки переводчика Путимцева в проезд его от Бухтарминской крепости до китайского города Кульжи и обратно, в 1811 г. // Сибирский вестник. Спб., 1819. Ч. 7. С. 35, 65, 66.

храбрее нет, и все им дань привозят...». Капитан рассудительно отрицал это. Впрочем, вот что он писал в своем дневнике: «Не противно ли будет, что говорить буду? Сказано, что не будет противно. Императорское величество прислать изволили вам со мною разных вещей: как вы оные почесть изволите, в дань ли или во что? Сказал он, что императорское величество прислал, жалуя меня в милость, а не в дань. На что сказано ему, также и китайскому хану посылают подарки, а не дань, и он також посылает...»⁴⁶.

Часто джунгарские правители, зная, что их подарки принимаются как дань, молчаливо соглашались с этим. Не было это секретом и для среднеазиатских ханов, а также правителей европейских держав.

Символическое значение имела дань в дипломатии народов Центральной Азии, включавшая девять предметов. Это был старинный обычай подношения даров младшего старшему, низшего – высшему. Дары «девяткой» должны были символизировать преданность, послушание, благодарность. Это могли быть подарки скотом белой масти, довольно редкой для верблюдов и коней. Подарки могли состоять из девяти белых верблюдов, белых коней, овец или из девяти ямб (слитков) золота, серебра, девяти видов драгоценных камней, девяти комплектов одежды.

Подношения из «девяток» были довольно распространенным явлением при дворах азиатских властителей. Обычно в ответ на подарки «девятками» при дворе Тимура следовало признание прав на владение. Мог быть и обратный порядок: сначала – подношение «девятками», а затем – назначение на пост, получение лена и т. д.

Некий Шайх Нураддин Мухаммад, получив от Тимура должность даругачи в области Фарса, выразил свою благодарность: «...он доставил в этот юрт, в ставку [его величества] солидные подношения: охотничьи птицы, вереницы верблюдов, мулов и арабских коней, обитые золотом седла, дорогие конские уздечки, превосходные щиты и другое оружие, разные редкие вещи [традиционные] девятки платьев и одеяний, драгоценные камни и золотые и серебряные

---

⁴⁶ Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабдану капитана от артиллерии Ив. Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 гг. С. 60.

приборы»⁴⁷.

В 1398 г. один индийский раджа во время похода Тимура в Индию «удостоился поцеловать [высочайший] ковер и в качестве подарков представил охотничьих птиц, три девятки коней под золотыми седлами. Всем принцам и эмирам он подарил лошадей»⁴⁸. Благодаря такому подношению он, вероятно, остался владельцем у себя, но выразил подчинение завоевателям.

Принимая столь дорогие подношения, Тимур делился с ними своими придворными и приближенными: «Его величество изволил пожаловать всем посланникам и представителям от военачальников разнообразные предметы из этих превосходных подарков, сделав их издольщиками в представленных ему редкостных вещах»⁴⁹. Одновременно и вышеупомянутый Шайх Нураддин Мухаммад, и индийский раджа получили весьма ценные ответные подарки от Тимура, которые были «по-царски обласканы». Индийский раджа получил символические знаки власти: «ему же были оказаны [разные] царские милости и царственное благосклонное внимание, были подарены одежды из золотой парчи, золотой пояс и корона»⁵⁰. Тимур поступил с индийским владельцем, подобно тому, как минский император поступал со своими ставленниками в Хами: подарил атрибуты власти.

В монгольском праве «Их цааз» предусмотрено множество наказаний различными «девятками» в виде штрафа за кражу скота, оскорбление чиновных лиц, князей, духовных лиц, за побои и т. д. Были также предусмотренные поборы «девятками». Статья 33 предусматривает наказание за оскорбление посла: «Если кто побьет посланца [элчи], с того взять девяток»⁵¹.

Кроме юридических документов, среди которых в первую очередь следует назвать «Ясы» Чингисхана, число «девять» отражено во многих сторонах духовной и общественной

---

⁴⁷ *Гийасадин' Али. Дневник похода Тимура в Индию / Пер., предисл. и ком. А. Семенова. М., 1958. С. 71. Слово «традиционные» введено А. Семеновым, следовательно, подарки в виде «девяток» одеяний был для двора Тимура, Средней Азии делом привычным.*

⁴⁸ Там же. С. 95.

⁴⁹ Там же. С. 71.

⁵⁰ *Гийасадин' Али. Указ. раб. С. 95.*

⁵¹ *Их Цааз (Великое уложение) / Пер., введ. и ком. С. Д. Дылыкова. М., 1981. С. 17.*

жизни монголов. Глубокое сакральное значение имела «белая девятка». Истоки этого некоторые исследователи видят в том, что с установлением огромной кочевой империи Чингисхан водрузил «белое знамя девяти племен кочевников», а после смерти хана вокруг его захоронения было воздвигнуто восемь белых юрт, которые вместе с могилой составляли священную «девятку» для жертвоприношений⁵². Повседневную пищу кочевников составляли белый кумыс и белое молоко.

Наказания, поборы в виде «девяток» и «куцых девяток» предусматриваются и в казахском обычном праве⁵³. Однако чаще всего «девятки» выступали в качестве подарочных и предназначались выборным судьям (биям), сватам, акынам. «Вещевые девятки», как правило, преподносились «какой-либо высокопочтенной или уважаемой особе». Могли они выступать как ценный приз на скачках. «Белая девятка», подарочная «девятка» были частью политической культуры монголов, тюрков и других народов Центральной Азии. В китайской культуре также присутствует число «девять» и их многократный вариант (например, «девять поклонов» императору)⁵⁴. В то же время нет примеров того, что минская дипломатия оперировала «данью из девяти белых».

Маньчжурская династия систематизировала и довела до совершенства институт «девяти белых», который, выражая большую степень зависимости, приобрел политическую окраску. Маньчжурская династия настаивала на выплате «девяти белых», состоявшей из верблюда и восьми лошадей светлой масти.

Белый цвет масти носил сакральный характер, подчеркивая святость взятых обязательств перед Небом.

Цины в 1811 г. закрепили «девятки» статьями «Уложения Лифаньюаня»⁵⁵. «Девятки» вносили халхаские князья, что было условием получения инвеститур власти и титула ежегодно. Сговорные дары в брачных союзах монгольских князей с

---

⁵² Хуан Шицзянь. Юаньдай лису (Обычаи и нравы эпохи Юань) // Юаньши цзи бэйфан Миньцзу яньцзю цзикан // Спецвыпуск Нанкинского Вестника ун-та. 1987. № 11. С. 21.

⁵³ Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой киргизской орде силу закона // Записки Оренбургского Отдела ИРГО. Казань, 1872. Вып. 2. С. 46.

⁵⁴ Хуан Шицзянь. Указ. раб. С. 21.

⁵⁵ Уложение китайской палаты внешних сношений. Т. 1-2. Спб. 1828.

китайскими принцессами также состояли из «девяток»: одного верблюда и восьми коней для родной дочери императора и одного верблюда, четырех коней и четырех овец – для дочерей маньчжурских князей первой степени. Далее число овец доходило до семи, а число коней увеличивалось для дочерей князей 4, 5 и 6 степеней⁵⁶. Верблюд возглавлял «девятки» для княжен, чьи отцы имели 1, 2 и 3 степень.

Маньчжурская династия стремилась расширить сферу действия «девяток», поэтому цинская дипломатия прилагала немало усилий для получения «девятками» разных товаров, драгоценностей и скота. Выше упоминалось, что казахский султан Сарт отправил через Путимцева девять голов скота для китайской казны, в связи с чем Илийский генерал-губернатор подал прошение императору о признании наследного титула султана.

В одном из примечаний к переводу китайских сочинений Н. Я. Бичурин писал: «...китайцы, платя двойную цену за подарочных лошадей, приучили кочевых к сему роду продажи, дабы иметь благовидный предлог называть таковую покупку данью»⁵⁷. Но за это иноземные послы выторговывали себе дополнительное количество подарков. Несмотря на доклады чиновников с призывом не поддаваться домогательствам, китайские императоры обычно не принимали их доводы во внимание. И если уж иноземец удостоивался аудиенции, он получал сполна все, чего добивался. Принцип щедрого отдаривания служил укреплению чувства превосходства китайского двора.

Китайская дипломатия намеренно стирала грань между «данью» и подношениями, между данью и арендной платой, данью и пошлиной, данью и товаром.

Плата за разрешение кочевать на территории Восточного Туркестана и Монголии соседним казахам, киргизам также называлась данью⁵⁸.

Интересно сравнить это с тем, как взималась плата и как эта плата рассматривалась русской пограничной администрацией. В зимнее время разрешалось казахским кочевникам переходить

---

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Бичурин Н. Я. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем его состоянии. Спб., 1829. С. 26.

⁵⁸ Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. Спб., 1871. С. 109.

для зимовок за линии. Была установлена и плата за скот, перегоняемый на это время: за лошадь надо было платить по 1 коп., за корову или быка 1 деньге, а за овцу – по 1 полушке в месяц. Но сборы шли плохо. Так же плохо шли арендные сборы и с кочевников на территории Синьцзяна и Монголии в пределах Цинской империи. Приходилось взимать плату во время инспекционных объездов пограничных войск, но не всегда успешно. Плата, взимаемая с охотников, добывавших пушнину на территории Маньчжурии и Монгольского Алтая, заключающаяся в том, что казне выплачивалось определенное количество пушнины, тоже причислялась к «дани». Как видим, любые поборы могли быть отнесены к ней. Минская и Цинская династии одинаково придавали большое политическое значение этому традиционному институту китайской дипломатии. Он служил прославлению величия и мощи Китайского государства, подчеркивал превосходство китайского государя над всеми другими правителями, поднимал его престиж во все времена.

Институт титулования

Титулование было одним из древнейших институтов китайской дипломатии, действовавших в странах Сиюя. Исследователи международных отношений в Центральной Азии в древности и средние века не могли обойти этот факт своим вниманием, так как ему придавалось важное значение в китайской историографии.

Институт титулования, несмотря на то, что среди китайских правительственных деятелей было немало его противников, почти не претерпев никаких модификаций, являлся привычным оружием китайской дипломатии в эпохи Мин и Цин.

Церемония титулования проводилась китайским правительством либо по собственной инициативе, либо по просьбе иноземных правителей. Так называемые просьбы поступали в Китай после предварительных дипломатических шагов минского правительства, обеспечивавших благоприятное решение вопроса. В ряде случаев иноземные правители надеялись на поддержку Китая в борьбе за власть в своей стране. Были и другие преимущества для посольств титулованных Китаем владетелей из других стран.

В период правления династии Мин титулование иноземцев

практиковалось и в странах Южных морей, и в Западном крае⁵⁹. А. А. Бокщанин приводит случаи титулования, раскрывающие подоплеку китайской политики в этом вопросе.

Большинство из них относится ко времени, начиная с правления Юнлэ, второго императора династии Мин. В 1405 г. было направлено посольство в страну Бони для выдачи свидетельства на титул ван – князь, разрезную печать, подарки, а также для проведения обряда по случаю их вручения⁶⁰. После смерти правителя его наследнику уже «приказывалось» принять титул, что сопровождалось проведением поминок по умершему от имени императора. Старый ван умер, находясь в Китае, и был захоронен близ Нанкина за счет китайской казны. Ему был присвоен посмертный титул «Почтительный и послушный»⁶¹. Эти и подобные им эпитеты были весьма распространенными в присуждаемых китайским императором титулах для прижизненных и загробных титулов, которые присваивались иноземным правителям.

Процесс титулования был очень обременительным для китайского двора: соответствующие подарки, специальная грамота, свидетельство о титуле отправлялись в страну со специальным посольством. Это предприятие было небезопасным. В документах приводится случай, когда собственный посол отказывался ехать на титулование в чужую страну, и императорский указ был отправлен с местным посольством.

Вопрос о титуловании неоднократно вставал перед китайским двором в эпоху Мин. Политики-реалисты приводили наиболее убедительные доводы, призывавшие двор отказаться от титулования. Их доводы убедительно свидетельствуют о том, что титулованные особы не только не подчинялись Китаю, но были независимыми во всех отношениях. Самое большое, в чем они были заинтересованы, так это в союзе с Китайским государством и в регулярных торговых контактах. Титул ван (князь, правитель) при Минах присуждался большей частью по их устному заявлению, передаваемому через послов.

В 1505 г. столичный цензор Жэнь Лянби подал доклад на имя императора, в котором убедительно обосновывал свой

---

⁵⁹ См. Труды Бокщанина А. А., Малявкина А. Г., Мясникова В. С., Думана Л. И., Ермаченко И. С. и др.

⁶⁰ Бокщанин А. А. Китай и страны Южных морей... С. 88.

⁶¹ Там же. С. 90.

довод о свертывании практики титулования⁶². Хотя речь в нем идет о южной стране, доводы видного китайского чиновника могли быть с полным правом отнесены и к этому региону. Жэнь Лянби видел главную причину, толкавшую иноземного правителя соглашаться принять или «просить китайский титул», в том, чтобы добиться признания китайской стороной его статуса правителя. Он «...просил о титуловании, чтобы, опираясь на могущество императора, испугать и заставить преклоняться соседние владения. В действительности же утвердится или не утвердится ван [той или иной страны], не зависит от того, титулован он императорским двором или не титулован. Большинство стран заморских иноземцев, когда [там] все благополучно, перестают [приносить] подношения двору и [властители там] сами восходят на престол...»⁶³. Аналогичные соображения звучат и в донесениях чиновников, ответственных за дипломатические связи с Западным краем. «Все эти ваны из [Западного края], возможно, из титулованной знати [своей] страны, либо племена сами называют их так из уважения [к ним]. В прошлом году число [титулованных людей] достигло 30–40, [и] все они получили подарки согласно своему статусу», – замечал один из высокопоставленных сановников Чжан-Фуцзин⁶⁴.

Вопрос о том, титуловать или не титуловать иноземных правителей из Сиюя, встал в связи с тем, что в 1533 г. возник инцидент, показывающий, что выходцам из Центральной Азии было выгодно иметь закрепленный китайским двором титул. В том году прибыло представительное посольство из Самарканда, Турфана и Тяньфани [Аравии]. Среди послов число людей, представившихся правителями или объявивших себя их послами, было более ста человек, в том числе: турфанских – 15, самаркандских – 53, арабских – 27⁶⁵. Это послужило толчком для новых споров высокопоставленных чиновников Китая. Находились иноземцы, которые прибегали к самозванству ради того, чтобы быть принятыми при китайском дворе по высшему разряду и получить торговые льготы. Практика титулования продолжалась с перерывом в несколько лет.

---

⁶² См.: Там же. С. 137–138.

⁶³ См.: Там же. С. 137–138.

⁶⁴ Минши. Цз. 332. С. 31866.

⁶⁵ Минши. Цз. 332. С. 31866.

В докладе другого высокопоставленного сановника – Вен Сяня, дослужившегося до поста военного министра при двух императорах, приводятся цифры, зафиксировавшие приезд посольств из Самарканда, Турфана и Тяньфани, а также число титулованных Китаем лиц за эти годы: «Называют себя ванами только [присылающие посольства] из Турфана, Тяньфана и Самарканда, а также подобных им полученных стран. [Лиц], называющих себя ванами, много, однако доставляющих дань – очень мало. В годы правления Хун [чжи] и Чжэн [тун]» (1425–1449. – *К. Х.*) дань из Турфана была доставлена 13 раз, в годы правления Чжэндэ (1506–1521) из Тяньфана дань доставлена четыре раза. Называвших себя ванами большей частью было по одному человеку, а самое большое число не превышало трех человек. Однако остальные назывались тоуму (старшины. – *К. Х.*) и все. Ко второму году [правления Цзяцзин – 1523] и к восьмому году (1530) тяньфанских ванов было 6–7 человек, турфанских – 11–12, самаркандских – 27. Тридцать – сорок человек [о которых] говорит [Чжан] Фуцзин, относятся [ко всем этим] трем государствам...»⁶⁶. Но и Ван Сянь признавал, что такого случая, когда ванов в трех владениях оказалось более ста человек, никогда ранее не было. После этого император повелел направлять в каждое государство лишь по одному его указу о титуловании и «при этом тщательно расспрашивать и давать разъяснения, [что] в одном государстве не может быть двух правителей». «Однако все варвары так и продолжали не придерживаться [этого правила], – заключают авторы «Минской истории»⁶⁷. Другими словами, они выдавали себя за официальных послов, и китайское правительство продолжало титулование. В 1536 г. от имени правителей различных стран Сиюя прибыло уже 150 человек.

Начиная с 10-х гг. XVI в. в Китае стала проявляться тенденция к сокращению числа титулованных лиц, были попытки выяснить, являются ли действительно правителями те лица, которые присылали посольства, являются ли сами посольства представителями действительно правившего человека. Чем дальше располагались страны от Минской империи, тем труднее было это выяснить, а то и просто невозможно, в особенности в отношении стран Среднего Востока и Аравии. Нелегко было поддерживать этот институт

---

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

и в Мавераннахре, Хорасане, а также Моголистане.

По сравнению с другими владениями обряд титулования довольно долго существовал по отношению к семье хамиских правителей, что позволяло поддерживать здесь междоусобицы в интересах Китая. По данным «Минши», первая просьба о титуле последовала от хамиского правителя в 1404 г. Этому предшествовали посольские связи, приведшие к открытию китайских рынков для Хами. Титул «чжуншунь ван» («преданный и послушный ван») с вручением золотой печати получил Анькэ-Темур⁶⁸. После смерти титул был передан по наследству его сыну Токто, который дополнительно получил яшмовый пояс. Это случилось на следующий год после первого случая титулования. После него титул преданный и послушный ван был присвоен еще трем, сменившим Токто хамиским правителям.

Младшей ветви были даны титулы чжун ван (ван, верный принципам). Кроме того, в «Минши» среди титулованных указаны правители Ханшэнь, его сородичи Шэньба, а также сын Шэньба – Баязид. Относительная устойчивость в титуловании правителей Хами была вызвана междоусобицами между феодалами Хами, противоборством Хами с Турфаном, в особенности с ханом Ахмадом, ставшим правителем в 1487 г. Он резко протестовал против титулования Ханшэня, который не являлся прямым потомком преданных и послушных ванов и потому не мог наследовать его. Реальные права Ахмада были более сильными – он дважды захватывал Хами. Минское правительство не поддерживало его, но продолжало с перерывами посольские связи, а также торговлю, время от времени прерывая связь, чтобы оказать давление на турфанского султана. Поддержка Хами как важного стратегического пункта продолжалась и в связи с ростом могущества джунгар.

Таким образом, институт титулования в географическом плане был весьма ограниченным в минское время. Он успешно применялся в отдельные периоды истории отношений с Хами, создавая незатухающий источник распрей и оказания политического влияния. При этом минская сторона поддерживала одну из сторон определившихся политических сил. Стремление некоторых китайских историков показать, что вопрос престолонаследия в Хами решался Минами, не подкрепляется конкретным историческим материалом.

---

⁶⁸ Там же. Цз. 329. С. 31822–31830.

Наибольших успехов минская дипломатия достигла на короткий период, передав титул сородичу правящего дома Ханшэнь, которого Ахмад убил в 1488 г. Минский император «за убийство назначенного им правителя Ханшэня» направил войска против Ахмада, однако поход не принес успех⁶⁹.

В других регионах практика титулования также не усилила позиций Китая в странах Сиюя. И все же Минская династия не отказывалась от нее как от способа привлечения на свою сторону социальной верхушки. Наряду с созданием условий для регулярных торговых связей, титулование создавало видимость влияния Минской династии в Восточном Туркестане. В других регионах не было и этой видимости.

Институт титулования, как и многие другие традиционные институты китайской дипломатии, был систематизирован и развит в цинскую эпоху. Успехи в значительной степени теперь подкреплялись военной силой.

После назначения на пост цанцзань дачэня (хэбэй-амбаня) в Тарбагатае и Кашгаре, а также цзянцзюня в Кульдже эти сановники должны были отправить послания соседним правителям казахов и киргизов. Минская династия разослала письма правителям Сиюя от имени императора. Маньчжурская династия смогла направить грамоты в Среднюю Азию и Казахстан после уничтожения Джунгарского ханства, т. е. во второй половине XVIII в. Послания к владельцам этого региона чаще отправлялись от имени пограничного начальства. В этом было отличие способов осуществления дипломатических контактов между минской и цинской дипломатиями. При минской династии самостоятельность их в международных связях не доходила до такой степени.

Письма от имени цзянцзюня или его помощников по управлению краем цанцзань дачэней имели стандартную форму. Приведем одно из таких писем, сохранившихся полностью только в переводе⁷⁰: «Вручается от находящегося по воле Великого Богды-хана при Тарбагатайских горах и Управляющего всеми делами, относящимися до Китайского государства, Великого Хоббы-Амбаня киргизскому хану (султану) Габайдулле.

Предместник мой, Великий Хоббы-Амбань, переведен джанджуном (генерал – прим. перев.) в город Нанжан; а на место

---

⁶⁹ Там же. Цз. 329. С. 31832.

⁷⁰ ЦГА РК, ф. 338, оп. 1, д. 699, л. 2-3 / Пер. с тат.

его, по повелению Великого Богды-хана, определен и прибыл к Тарбагатайским горам Хобби-Амбанем я. О чем, извещая вас, присовокупляю, что я занимал и прежде сего несколько лет значительную должность, управлял многими делами, а ныне, по прибывании на сей край, все дела киргизского народа состоят в непосредственном моем владении.

По сему поручению вам следовать по примеру предков ваших, удостоившихся пользоваться великим вниманием и милостями Богды-хана, и провести жизнь спокойную так точно, как некоторые из среды вашей получили ханское, ванское и гунское (можно назвать графом. Они российского посла графа Рагузинского назвали гуном и написали в трактате – *прим. пер.*)⁷¹ достоинства.

Вы поступайте, как выше сказано, по обычаям предков Ваших; не выходите от правил, от них предписанных, стараясь притом заслуживать и себе ныне достоинство гунское, и не переставайте наблюдать за хорошими и дурными поступками других.

Великий Богды-хан почитает всех вас как родных своих детей, почему и вы, как достойные ожидать и носить на себе внимание Великого Богды-хана, управляйте подведомственным народом наилучшим образом; оказывайте во всех отношениях справедливость, ведите безмятежную и спокойную жизнь; не входите в заговоры с людьми худого поведения. По всем делам, относившимся до вашего рассмотрения, делайте обиженным законные и справедливые удовлетворения и вспомоществования и направляйте подведомственный вам народ к доброму пути⁷². На все таковые похвальные поступки вещи всемогущий и милосердный бог⁷³ не оставит ниспослать на вас возмездие, и если все мною предписанное будет вами исполняться, то я с своей стороны не оставлю доводить ежегодно до сведения Великого Богды-хана, просить вам за то вознаграждение.

Ежели же сверх чаяния от слабого управления и нерадивости произойдет воровство или самоуправство, или

---

⁷¹ Интересное свидетельство того, что русскому послу Савве Рагузинскому был присужден титул князя 2-й степени? Или так переведен его титул графа? Возможно, русского посла принимали по разряду гунна.

⁷² Цинский чиновник считал своим долгом читать нравоучения как старший по положению в духе конфуцианской морали.

⁷³ Очевидно, здесь Тяньчао – небесная династия.

же неповиновение, то виновные в сем случае не могут быть избавлены от должного наказания ими заслуженного.

Письмо сие, утвержденное тамгою⁷⁴ (знаком), вручается для исполнения хану (султану) Губайдулле.

Теперь наступило лето и время торговли, внушите подведомственным всем киргизам, чтоб они, подобно прежнему, пригнали сюда скота и производили торг. Дуана (царствование) в 10 году, четвертого месяца, 28 дня с подлинника перевел переводчик Шарыпов»⁷⁵.

Письмо было передано для ознакомления султаном Губайдуллой и Омск, а затем возвращено ему. Сделал он это в доказательство своей постоянной приверженности Российскому государству, но спустя несколько лет. В письме сообщается о смене сановника в Тарбагатае. Далее значительная часть письма состоит из нравоучений в духе конфуцианской морали, которые хэбэй-амбань как уполномоченное лицо императора считал своим долгом делать чужеземному правителю. Третью, основную часть письма составляет приглашение для торговли в Тарбагатай. Губайдулла-султан через своих торговцев, как тогда было принято, мог связаться непосредственно с властями округа. Конечной целью хэбэй-амбаня было титулование казахского султана от имени императора, невзирая на то, что султан уже приносил присягу верности русскому правительству.

Цинская династия переняла и развила институт титулования, один из наиболее традиционных институтов китайской дипломатии. С усилением Джунгарского государства политические аспекты Цинской империи с Восточным Туркестаном, Средней Азией были эпизодическими, а с казахскими ханствами отсутствовали. Институт титулования был применен в отношении западных и восточных монголов. Наиболее ярко его действия проявились в отношении правителя кукунорских племен хошоутов (цинхайских джунгар).

До завоевания Китая маньчжуры почти не имели контактов с джунгарами. Исключением является посольство Гуши Чэчэн Чорци (Туру-Байху), которое, потратив около года, прибыло на Дальний Восток к маньчжурам. Оно пригнало в 1637 г. коней и доставило шкурки белой лисицы, выдры, а также войлок

---

⁷⁴ Тамга – печать хэбэй-амбаня с его фамилией.

⁷⁵ ЦГА РК, ф. 338, оп. 1, д. 818, л. 1. Дата письма 29 мая 1830 г.

(жуньтан)⁷⁶. В 1643 г. было зафиксировано второе посольство от него, а в 1645 г. в Маньчжурию прибыл сын Гуши-хана⁷⁷. Причину поддержания связей предводителя хошоутов с маньчжурами Л. И. Думан видит в противоборстве его с хунтайджи Батуром⁷⁸. Именно поэтому Гуши-хан представлял интерес и для цинской дипломатии. Кроме того, путь Цинов в Тибет к Далай-ламе лежал через Цинхай, т. е. через владения Гуши-хана. Вскоре после утверждения на китайском троне император Шуньчжи (1644–1661) отправил посольство в Лхасу к духовному вождю последователей буддийской веры во главе с Чаган-ламой, который, судя по имени, был монголом и последователем желтого учения. Гуши-хан был специально извещен об этом посольстве⁷⁹. Безусловно, он должен был оказать помощь цинскому посольству в его пути на Тибет. Без содействия Гуши-хана поездка посольства могла не осуществиться. Неудивительно, что ответное посольство Далай-ламы прибыло в Пекин вместе с посольством Гуши-хана⁸⁰. Было доставлено письмо, в котором правители осведомлялись о здоровье императора и желали ему спокойствия (цинань). По сведениям «Шилу», в 1646 г. кроме того было одно посольство от кукурорцев, в 1647, 1648, 1649 гг. послы Гуши-хана прибывали вместе с посольством Далай-ламы. Прием послам Гуши-хана был оказан также в 1651 г. и дважды – в 1652 г.⁸¹ Не исключено, что одно и то же посольство находилось продолжительное время в Китае в связи с торговыми интересами, поэтому его могли принимать на дворцовых приемах несколько раз. Как бы то ни было, Гуши-хан поддерживал довольно регулярные связи с цинским правительством. Его имя встречается в документах постоянно, в то время как имя джунгарского хана Батура упоминается в 40–50-е гг. всего один раз. В 1651 г. к нему было отправлено письмо от имени цинского императора⁸².

В 1653 г. Шуньчжи решил присвоить Гуши-хану почетный

---

⁷⁶ Дай Цин Тайцзун Вэньхуанди шилу. Цз. 39. Л. 1, об. 2.

⁷⁷ Дай Цин Шицзу Чжанхуанди шилу. Цз. 22. Л. 5.

⁷⁸ Внешняя политика государства Цин в XVII в. С. 162.

⁷⁹ Дай Цин Шицзу Чжаньхуанди шилу. Цз. 3. Л. 4, об.

⁸⁰ Там же. Цз. 27. Л. 23, об.

⁸¹ Там же. Цз. 30. Л. 21, об.

⁸² Дай Цин Шицзу Чжаньхуанди шилу. Цз. 3. Л. 4, об..

титул. Л. И. Думан⁸³ связывает это событие со смертью Батурахунтайджи и с надеждой Цинов на то, что Гуши-хану удастся воцариться на джунгарском троне. На золотой печати было начертано на трех языках: «Понятливый Гуши-хан, следующий цивилизации и долгу». В свидетельстве, или патенте на почетный титул (цзин цэ), было написано пожелание, чтобы Гуши-хан «соблюдал верность, распространял наставления императора (шэнцзяо); стал «заслоном и поддержкой» (пинфу) для Цинской династии»⁸⁴.

В начале правления Цинской династии было направлено посольство и в Восточный Туркестан, например, передавшее предложение правителю-беку приезжать для осведомления здоровья императора, привозить подношения, т. е. товары для обмена. Посольство заверяло от имени императора, что, как и при Минах, будет решен положительно вопрос о титуловании⁸⁵. Таким образом, цинская дипломатия в отношении Джунгарии и Восточного Туркестана пошла испытанным путем, начав строить отношения на принципах титулования. В 1709 г. Цины признали за правителем Хами Ибайдуллой наследственный титул тархана 1-й степени⁸⁶. При этом уйгурский правитель назван также чжасакэ, что наводит на мысль, что хамиский правитель до того получил титул от джунгарских ханов. В 1715 г. упоминается «чжасакэ тархан бек Имин»⁸⁷.

Подкупом и привлечением на свою сторону крупных феодалов, политических соперников своих врагов, цинская династия поддерживала отношения и через институт титулования. Если Цинская империя и не добивалась лояльного отношения к себе со стороны титулованных лиц, то, по крайней мере, рассчитывала на то, что они не примкнут к ее врагам.

В период распрей, следовавших в Джунгарии после смерти хана Галдан-Цэрена в 1745 г., почетные титулы князей присваивались перебежчикам из Джунгарского стана. Наиболее знатным среди них был широко известный Амурсана, переметнувшийся в 1754 г. после сложных отношений со всеми претендентами на престол, в Китай. Ему был пожалован

---

⁸³ Внешняя политика государства Цин в XVII в. С. 164.

⁸⁴ Дай Цин Шицзу Чжанхуанди шилу. Цз. 74. Л. 19, об. – 20.

⁸⁵ Внешняя политика государства Цин в XVII в. С. 221.

⁸⁶ Дай Цин Шэнцзу Жэньхуанди шилу. Цз. 237. Л. 20 и 176.

⁸⁷ Там же. Цз. 263. Л. 7, об. – 9 об.

титул двойного князя первой степени (шуан циньван)⁸⁸. С покорением Джунгарии цинский император намеревался поставить Амурсану одним из четырех марионеточных ханов – ханом хойтов.

Титулы присваивались в Китае знатным заложникам и пленникам. Последний джунгарский хан Даваца, переданный в руки цинских войск правителем Уч-Турфана Хадисы-беком, был немедленно вывезен в Пекин. Во время содержания Даваца в плену обстановка в Джунгарии резко изменилась в связи с восстанием Амурсаны. Изменилось вместе с этим и отношение цинского двора к своему знатному пленнику. На всякий случай следовало быть снисходительным к повергнутому хану, а также к его наследнику. В декабре 1755 г. Даваца был удостоен титула князя 1-й степени (циньван), при этом в императорском указе говорилось, что «присвоение титула сдавшемуся чужеземному хану будет не без пользы [для Цинской империи]»⁸⁹. Даваца было подарено поместье, в котором разрешили жить вместе с сыном. Было велено отыскать 40–50 семей из среды его бывших подвластных для обслуживания семьи, а также для свиты.

Такой же тактики придерживалась цинская дипломатия в отношении потомков ханов Среднего жуза, которые правили родами казахов, кочевавших на территории Монголии, бывшей под властью Цинской империи, а также в Алтайском округе. Ставки ряда султанов находились на пограничной территории Российской империи, однако часть подвластных этих султанов до проведения границы между империями имела сезонные кочевья по обе стороны либо полностью кочевала в Синьцзяне. Поскольку эта часть продолжала считать своими правителями султанов, проживавших в российских пределах, цинская дипломатия искала выходы на них.

Механизм установления связей был прежним. Через купцов становилось известно о смерти хана или султана. В связи с этим к его наследнику через среднеазиатских, русских или татарских купцов передавалось письмо с выражением соболезнования. Затем прилагались усилия получить ответное письмо наследника, которое принималось в Китае за официальное известие о смерти правителя. После этого составлялось и отправлялось письмо для знатного и влиятельного султана от

---

⁸⁸ Вэй Юань. Шэн у цзи. Цз. 4.

⁸⁹ Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюэ. Чжэнбянь. Цз. 21. Л. 31–32, об.

имени государя, а для младшей ветви – от имени илийского цзянцзюня либо тарбагатайского цанцзань дачэня, в котором признавался наследственный титул сына умершего. С указом в степь выезжало посольство, которое везло подарки, деньги, ритуальные вещи для проведения обряда поминовения, в «помощь семье покойного». Посольство приезжало в ставку либо с разрешения русских пограничных властей, либо тайно. Встреча могла произойти и в кочевье родственников наследного султана, расположенного близко к городам Тарбагатай и Или.

Особенно настойчиво цинская дипломатия стала прибегать к институту титулования пограничных казахских султанов в течение 1830–1860 гг. в связи с территориальным разграничением с Россией. Однако большей частью эти попытки заканчивались неудачно. Западносибирское генерал-губернаторство пресекало их, да и среди казахских султанов были противники нарушения сложившегося равновесия политических сил. Тем не менее инциденты с наследниками казахских правящих домов не прекращались. Китай стремился приобрести сторонников среди казахских правителей дома Аблая и Абулмамбета и противодействовать распространению влияния России, а позже Кокандского ханства, в Казахстане и Средней Азии.

Среди титулов, признаваемых цинским правительством за казахскими султанами, были хан (утверждался после того, как был уже избран), а также ван и гун. Потомки казахских ванов Агадая и Когедая пользовались привилегиями в Синьцзяне и Монголии вплоть до установления народной власти в Китае, а некоторые и позже.

Посольства и торговые караваны лиц, имевших титулы, пользовались льготами и привилегиями в Китае. Чем выше был официально признанный титул иноземного владельца, тем большими благами он мог пользоваться или требовать их. Титул определял: число людей в свите, количество подарков, получаемых от двора, и количество вывозимого для торговли товара. Например, в свите хана могло быть семь человек, а князя 4-го класса – всего два. На этих людей также распространялись ценные подарки из императорской казны. Князья 2-го и 3-го классов должны были иметь в свите на одного человека меньше, чем хан. Хан имел право представить на китайский рынок товаров на 4 тыс. цзиней, а князья 2-й и 3-й степени –

на 3 тыс.⁹⁰ Эти правила были установлены для «внутренних» титулованных лиц, но большей частью распространялись и на «внешних».

Как правило, иноземные титулованные особы не считались с этими правилами. Они привозили товары, пригоняли столько голов скота и в такое время, как и когда было им удобно. Часто вопрос о торговле и поездке в Пекин решался индивидуально для каждого нарушителя правил. Но владетель, имевший титул, априори мог рассчитывать на благоприятный прием. Поощрение со стороны китайского императора обычно следовало на основании только того, что чужеземец демонстрировал, по его мнению, «преданность и послушание» уже самим фактом отправки посольства. Все остальное относилось китайской дипломатией к «природному невежеству», «незнанию приличий и правил», а то и к «глупости». Именно с этой аргументацией чаще следовали разрешения на торговлю, доставку подношений двору (так называемой дани), а также на аудиенцию. Решая индивидуально вопрос, цинская дипломатия ориентировалась на те льготы, которые были предусмотрены для подчиненных вассалов. Для «внешних», как правило, льготы были несколько больше. Такой же прием ожидал и посольства кокандских ханов за тем редким исключением, когда их подношения-дань отклонялись, а посольства не допускались в столицу. Тогда, произведя обмен в Кашгаре, те возвращались обратно. Однако ханский титул кокандских правителей так и не был «утвержден» в Китае.

Некоторые китайские историки считают, что согласие или отказ цинского правительства признать ханский титул в Коканде были свидетельством его зависимости⁹¹. Вместе с тем ни один среднеазиатский хан, утвержденный, не был избран при помощи цинского правительства. Все они избирались у себя в стране съездом знати. Цинская дипломатия готова была признать ханом султана Аблая в конце 50-х гг. XVIII в., однако избран он был казахскими феодалами только в 1771 г. Алтынсары, кандидатуру которого цинская дипломатия тайно избрала для ханского трона, ханом так никогда и не стал.

---

⁹⁰ Бичурин Н. Я. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. Спб., 1829. С. 253. Прим.

⁹¹ Пань Чжипин (1759-1820). Цин юй Хаохань ды гуаньси... С. 92; Ша Э. Цинлюэ Чжунго сибэй бяньцянь ши. Пекин. 1979; Ша Э. Цин Хуа ши. Т. 3. Ч. 1. Пекин, 1981.

Смена ханов происходила в результате внутренних правил наследования или междоусобиц и совершенно не зависела от цинского правительства. Признание их титулов Китаем свидетельствовало только о том статусе, который придавался им в дипломатии.

Китайская практика международных отношений в новое время была опутана многими положениями феодального международного права. Согласно ему, не было практики закрепления в документе договоренности о признании суверенности государства, как это делается в настоящее время. Сегодня существуют две формы признания нового государства, а значит и правительства: де-факто и де-юре. Позиция цинского правительства в отношении Джунгарского и Кокандского ханств была ближе к первой форме признания. Имея с ними посольские, экономические связи в виде торгового обмена, цинское правительство признавало эти государства де-факто. В титуловании казахских ханов можно видеть промежуточное звено между признанием де-факто и де-юре, т. е. правитель получал признание цинского правительства, однако это «признание» трактовалось дипломатией как закрепление зависимости данного правителя от цинской династии, что не отвечало реальной обстановке.

Основные выводы исследователей международных отношений Китая с различными государствами в древности, средние века и новое время (А. А. Бокщанина, Л. А. Боровковой, О. В. Зотова, А. Г. Малявкина, В. С. Мясникова, Г. П. Супруненко и др.) подкрепляются фактами китайских источников громадного временного пространства от эпохи Хань, Вэй, Тан, Сун до эпох Мин и Цин. Об этом свидетельствуют и другие исторические материалы, описывающие конкретную картину воцарения ханов Джунгарии и Восточного Туркестана, а также в восточных пределах России.

В аспекте института титулования следует рассматривать и присвоение чинов иноземцам. Китайская дипломатия не видела грани между теми, кто служил, и теми, кто числился среди служивших. В средние века присваивались звания дуду, сяовэй, уцзи сяовэй, дивэй, чжанши, при Минах ду чжихой, чжихой тяньши, дуду чжиши, а также предводителя тысячи дворов, предводителя сотни дворов (чжихой цяньху, чжихой байху), при Цинах – офицера гвардии (цинъинмэнь шивэй) двух степеней. Обычно звания присуждались младшей ветви правителей и родоправителей соседних стран или их послам.

Но какими бы титулами ни назывались эти правители, во все времена основной их «обязанностью» было не допускать военных конфликтов на границе, обеспечивать безопасность посольств, проезжавших через их территорию, предоставлять охрану, оказывать военную помощь Китаю, поддерживать регулярные связи с Китаем. Лица, получавшие китайские звания, находились на разных уровнях отношений с Китаем. Присвоение звания не столько отражало реальный характер их отношений с Китайским государством, сколько показывало, какое значение придавала китайская дипломатия им самим и территории, на которой проживали титулованные особы. Это значение преимущественно было военно-стратегическим. За доброжелательное отношение к Китаю и помощь в регулировании его дипломатических связей, поддержку его политики в отношении соседних владений лица с китайскими должностями получали определенную плату в виде зафиксированных сумм и продовольствия. Пользовались они и конкретными льготами на территории Китая, а также у себя, получая прибыль от транзитной торговли Китайского государства с другими странами.

На территорию титулованных лиц китайская дипломатия смотрела как на естественную преграду на подступах к китайской территории и стремилась к тому, чтобы она играла роль буферного владения. С расширением территории Китайского государства владения титулованных подпадали под его полную власть. Но и после захвата территории Восточного Туркестана, Джунгарии и Монголии отношения с цинским императором местных правителей вассалами с видимостью самостоятельности, но с фактической её утратой.

Как уже говорилось, цинская дипломатия намеренно не дифференцировала чётко титулованных лиц внутри и вне государства. Однако «внутренние» несли действительную службу со всеми её тяготами, а «внешние» – только символически. Эта служба, если её можно так назвать, заключалась в том, что прибывшие на аудиенцию члены посольства титулованных особ несколько дней или только в день приёма ставились на дежурство на площади перед дворцом Цяньцинмэнь запретного города. Здесь проводились наиболее торжественные приёмы, давались аудиенции иностранным представителям, а также китайским сановникам, решались государственные дела. На утреннее дежурство чужеземных посланцев часто ставили без уведомления о его

цели, так что многие считали, что аудиенция задерживается по каким-то причинам – чаще из-за бюрократической волокиты либо относили это к протокольному мероприятию. Ранним утром на символическую стражу ставились и русские послы, в их числе посланцы Петра I, Екатерины II и других царей. Это дежурство несли и посланцы среднеазиатских и казахских ханств.

В своих показаниях о поездке в составе казахского посольства в 1822 г. ташкентец Б. Нигматов отмечал: первоначально цинский император, правивший под девизом Даогуан, велел представить ему казахских султанов и старшин на площади перед дворцом. Император сидел на возвышении, вокруг него стояли разные чины. Это был смотр личной гвардии, что среднеазиатским представителям не было известно. А их между тем представили, как членов этой гвардии, но более низкой категории. В старших офицерах дворцовой гвардии числились только члены императорской семьи и представители высшей маньчжурской аристократии. «В следующие числа с полуночи привозили депутатов к дворцу, перед которым и удерживаемы были до рассвета. Сие повторялось раз двадцать, но по какому случаю и с каким намерением – неизвестно. При возвращении же в квартиру всегда выдавались подарки, как то: фрукты и мелочные вещи», – рассказывал Бедель Нигматов⁹².

Титулы и звания имели свою атрибутику. Награды в виде перьев павлина или вороны, шариков на шапку, поясов и печати присуждались уйгурам, казахам, киргизам, которые благополучно доставляли послания китайских императоров соседним правителям. В специальных указах при этом отмечалось, что награды следуют за «усердную службу в качестве посыльных»⁹³. Так, в период военной кампании в Джунгарии, когда было совершено несколько походов в Казахстан для поимки «бунтовщика Амурсану», цинское командование неоднократно посылало пленных или других лиц с письмами к казахскому султану Аблаю. В них содержалось требование выдать в руки цинских войск джунгарского владетеля, не оказывать ему помощи. Среди людей, выразивших желание доставить письмо султану, а также поймать Амурсану, был некий Аралбай, которого

---

⁹² ЦГА РК, ф. 338, оп.1, д. 405, л. 15–18.

⁹³ Дай Цин Гаоцзун чуньхуанди шилу. Цз. 925. Л. 39–40.

впоследствии в источниках упоминают как «Аралбая, награждённого вороньим (синим) плюмажем». Видимо, это был аванс за поимку врага Цинской империи.

В джунгарских кампаниях принимали участие феодалы из владений Центральной Азии со своими отрядами. В осаде городов Восточного Туркестана участвовали отряды киргизов, имевших собственные претензии к правителям этих городов, а также надеявшихся обогатиться в богатых городах и кентах. Цинское правительство также наградило часть киргизских предводителей «за заслуги в подавлении бунтовщиков».

Известно, что правитель Уч-Турфана выдал последнего джунгарского хана Даваца в руки его политического противника Амурсаны, который разослал послов в Уйгурию, Казахстан и Среднюю Азию с извещением, что он воюет против Даваца при поддержке цинских войск. Амурсана не знал, или знал, но скрывал от своих союзников, что цинские власти используют его для бескровного подчинения Джунгарии. Правитель Уч-Турфана был не в курсе всех этих интриг.

Против Даваца выступали и братья хаджи, бывшие заложниками джунгарского хана в Илийской долине. Старший из них, Бурхан ад-Дин, специально направил своего приближённого к учтурфанскому беку «с письмом, по получении которого тот должен был преградить путь Дабачи-хану, схватить его и, заковав в цепи, немедленно доставить...»⁹⁴. С одной стороны, Бурхан ад-Дин выполнял просьбу цинских генералов, но с другой – его планы совпадали с интересами Цинской империи, и он убедил Ходжу Сыбека (Ходисы). Совпадение интересов разных политических группировок привело к пленению джунгарского хана. Цинское же правительство впоследствии представило дело так, что джунгарский владетель, белогорский ходжа и бек Уч-Турфана «проявили усердную службу» перед ним. Естественно, последовали и награды за такую службу, посыпались чины и личные подарки императора. Именно тогда Амурсана был удостоен второй раз титула князя первой степени и стал «шуан циньваном» – двойным князем 1-й степени.

Награды цинского правительства следовали и тем, кто выдавал в его руки ойратских повстанцев. При этом умалчивалось, что дело шло о размене пленными или что выдача этих людей совершалась за выкуп по обоюдной

---

⁹⁴ Международные отношения в Центральной Азии... Прил. С. 258.

договорённости. В данном случае поступок иноземцев представлялся как выражение лояльности к цинскому правительству.

Наградить могли за элементарное проявление добрососедского отношения: за возвращение или возмещение скота, угнанного с казённых конезаводов, табунов военных гарнизонов, почтовых станций, караулов Синьцзяна и Монголии. Родоправители, нашедшие краденый скот в подвластных им кочевьях и способствовавшие его возвращению, а также те, кто непосредственно пригонял этот скот в ближайший китайский пограничный город, большей частью поощрялись илийским генерал-губернатором или его помощниками в Кашгаре и Тарбагатае. Эта традиция настолько укоренилась, что награждение давалось и в том случае, когда скот возвращался казахами по поручению русских властей. Казахский султан Тезек, выехавший с поручением пристава Старшего жуза к К. К. Гутовскому в Или, получил здесь в 1850 г. китайский чин, а также подарки от цзянцзюня⁹⁵.

Один из казахов, пригнавших скот, собранный и возвращённый усилиями русских пограничных властей, «зная, какое попечение прилагает правительство к сохранению дружественных сношений, также получил награду. В своём отчёте он указал: „Укур-амбань подарил мне для ношения по их обычаям павлиний хвост, обещая на будущее время за справедливость возложить на мою голову камень“⁹⁶, т. е. шарик на шапку».

Китайская сторона вела строгий учёт лицам, имеющим награды, представляя их «послушными», «преданными слугами». Если награждались представители следующего поколения, то непременно подчеркивалась преемственность в «верной службе». Списки награждений иноземцев составлялись по генеалогическому принципу, вернее, генеалогические таблицы составлялись с неизменным указанием всех наград от китайских властей. Наглядное тому доказательство – генеалогические таблицы киргизских биев и казахских султанов, помещённые в «Синьцзян шилюэ» и других источниках.

Традиция составления таблиц с указанием присвоенных чинов и правительственных наград соблюдалась в Цинской

---

⁹⁵ 95 ЦГА РК, ф. 3, оп. 1, д. 329, л. 14 / Пер. с тат.

⁹⁶ Там же. Л. 29.

империи ввиду большого политического значения, которое ей придавалось. Наиболее систематизированным и полным списком является составленный Ци Юньши⁹⁷. В нём представлены списки монгольских князей и восточно-туркестанской феодальной знати. Одни издавались на четырёх языках – маньчжурском, китайском, монгольском и тюркском. Записи о наградах, предоставленных монгольским князьям или восточно-туркестанским бекам, велись ещё до завоевания их Цинской империей в 1756–1758 гг. Например, Гуши-хан выполнял роль посредника в отношениях Цинской империи с Тибетом. Менее известна его роль в установлении связей Цинской империи с Калмыцким ханством на Волге до прибытия туда официального посольства в начале 30-х гг. XVIII в. Джунгарские и калмыцкие посланцы достигали пределов Китая в составе посольства Гуши-хана. Его роль «в распространении далее благой силы дэ» означала посреднические функции в связях Цинской империи с другими монгольскими царствами. Но это не означало, что он находился в состоянии полной зависимости от Цинской империи или на её действительной службе, как представляют некоторые китайские историки⁹⁸.

Степень зависимости награждённых иноземцев от китайского правительства показывает деятельность каждого из них, но одно просматривается чётко, что цинская дипломатия стремилась закрепить своё влияние над феодалами и их потомками в основном путём разветвлённой сети подкупа. Чаще всего иноземное посольство выезжало в Китай для удовлетворения торговых интересов.

Награждения в Китае султанов или других лиц, направлявшихся российскими властями, вызывали недовольство последних. Они воспринимали эти награды как политическую бестактность, с которой приходилось мириться в силу специфичности китайской культуры общения. Были случаи, когда местные пограничные власти разрешали представителям русскоподданных казахов, киргизов, татарских купцов получать эти награды. Представителям феодальной верхушки, бывшим на царской службе, выдавались специальные разрешения на получение наград,

---

⁹⁷ Ци Юньши. Хуанчао фаньбу яолюэ. Б/м. Б/г.

⁹⁸ Синьцзян цзяньши. Т. 1. Урумчи, 1980. С. 3. 227; Ша Э. Цин Хуа ши. Пекин, 1981.

но только в присутствии кого-либо из местного начальства. В предписании Министра иностранных дел К. В. Нессельроде к Омскому областному начальству говорится: «...Российское правительство высоко ценит союз дружбы с Китаем и весьма далеко от того, чтобы возвышение киргизского султана принять поводом к каким-либо недоразумениям...»⁹⁹. Но этот тактический приём был временным.

С титулованием русскоподданных приходилось мириться до тех пор, пока царские власти не перестали нуждаться в посредничестве местных феодалов в повседневных пограничных отношениях с Китаем. С укреплением власти царского правительства в районах Средней Азии и Казахстана, прилегавших к Цинской империи, колониальные власти запретили принимать награды и дары. Но ещё в 80-х гг. XIX в. среди местной знати и отдельных лиц пограничных районов встречаются имена награждённых китайскими чинами и другими атрибутами власти. Практика награждений возобновилась в 1882 г., после возвращения Илийского края Китаю. Она способствовала восстановлению и регулированию отношений Китая с местной знатью, но теперь приходилось проводить титулование тайно.

Поскольку награды, пышные приёмы, подарки дорого обходились казне, китайское правительство, как уже отмечалось, предпочитало встречать иноземцев, имеющих регулярные связи с Китаем, по статье внутренних расходов. Создавалась ситуация, когда «служба» носила символический характер. Следовательно, символической была и зависимость иноземца. Однако титулы и их атрибуты имели реальное значение не только для иноземцев, но и Китаю давали уверенность в отношениях с соседними странами.

Институт заложенчества

Наряду с институтом титулования, союзов, основанных на клятве или присяге, в дипломатической практике Китая эффективно действовал один из древнейших институт заложенчества. Это был способ регулирования отношений, оставшийся со времён первобытно-общинного строя. Правители и родоправители в знак примирения обменивались

---

⁹⁹ ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 109, л. 3.

своими детьми на время или навсегда. Сын недавнего врага содержался при дворе и воспитывался вместе с детьми правителя. Человек, отдавший сына на «воспитание», стремился предотвратить новые конфликты и гарантировать тем самым жизнь родному сыну. С классовым расслоением общества, укреплением государственных образований в аманатство стали выдаваться дети более слабых в политическом отношении стран. При дворе сюзерена могли воспитываться несколько наследников разных феодалов. Они, как правило, становились преданными сторонниками, а над сомневающимися осуществлялся контроль.

Институт аманатства в дипломатических связях с владениями Центральной Азии прослеживается достаточно чётко с ханьского времени. Сыма Цянь писал, что после нанесения китайскими войсками поражения Давани (древнее владение в Ферганской долине) правители Сиюя стали направлять своих сыновей на воспитание к ханьскому императору¹⁰⁰. В 94 г. н. э., когда «Бань Чао овладел Яньци (Карашаром)... свыше 50 государств прислали заложников...», – отмечал автор «Истории поздней Хань» Фань Е.¹⁰¹ Некоторые слабые владения отправляли сыновей правителя одного в Китай, другого – сюннскому правителю шаньюю¹⁰². На упреки китайских дипломатов один из таких правителей отвечал: «...небольшое государство, лежащее между двумя сильными державами, если не будет под зависимостью обеих, то не может наслаждаться спокойствием»¹⁰³.

Однажды к ханьскому двору на воспитание отправил своего сына правитель древнего владения Кангюй. На этот счёт ханьский двор не обольщался: «...Нетрудно отгадать, для чего он отправляет сыновей в службу при китайском Дворе. Это есть хитрый предлог, под которым он желает производить торговлю»¹⁰⁴. Когда даваньский правитель «отправил сына своего к Двору в заложники, в соответствии чему Двор отправил посланника к нему с дарами для

---

¹⁰⁰ Сыма Цянь. Шицзи. Цз. 123. Давань чжуань.

¹⁰¹ См.: Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы. М., 1983. С. 130.

¹⁰² Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... С. 174.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... С. 185.

успокоения»¹⁰⁵. Из приведённых отрывков можно составить представление, что институт аманатства в средневековье выполнял различные политические функции: владения обезопасивали себя от военных вторжений Китая и не менее могущественного государства Сяунну. Аманатство было условием мира, заключённого между каким-либо владением и Ханьской империей, гарантией регулярных связей. Благодаря заложничеству решали и экономические проблемы, регулировалась торговля.

Вслед за китайскими источниками историки воспринимали институт заложничества как выражение подчинения иноземного правителя китайскому императору. Между тем он выражал не только зависимость, реальную и условную, но был средством регулирования отношений не хуже, чем все остальные. Критически оценивая этот институт применительно к танскому периоду, американский исследователь Э. Шефер отмечал, что заложники, содержащиеся в китайской столице, находились «в качестве гарантии дружественного расположения титулованных или царственных сородичей за границей»¹⁰⁶. Совершенно справедливо он указывает и на двойственный характер этого института. Теоретически, по китайским традициям, прежде всего, по традициям конфуцианства, залог людьми был неприемлем. Однако практически в столице Танской империи регулярно находились аманаты из Тюркских каганатов¹⁰⁷. Наиболее почётным заложником в Китае танского периода был сасанидский царевич¹⁰⁸.

Психологически вынужденное пребывание на чужбине было или могло казаться невыносимым, как справедливо заметил американский учёный, «несмотря на не имевшие цены почётные одеяния и обеспеченный достаток. Высокородные заложники проводили время своей комфортабельной ссылки, находя утешение в какой-нибудь чисто условной должности при дворе: обычным делом было их определение в дворцовую гвардию»¹⁰⁹. Кроме того, внешне благополучное и в какой-то степени почётное пребывание заложников воспринималось

---

¹⁰⁵ Там же. С. 187.

¹⁰⁶ Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981. С. 75–76.

¹⁰⁷ Малявкин А. Г. Танские хроники в государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск, 1989.

¹⁰⁸ Шефер Э. Указ. раб. С. 76.

¹⁰⁹ Там же.

как унижение правителя.

Минская династия пыталась заручиться хотя бы заложниками из Восточного Туркестана. Среди них были родственники правителей Хами. В источниках первым назван племянник кагана Гуйличиду, умершего в начале XV в.

Токто долгое время воспитывался в Китае «как родной сын», – заверял император Юнлэ старшин Хами¹¹⁰. Здесь он был, как принято, возведён в чин офицера охраны (шивэй), возможно, при особе императора. После смерти Анькэ Темура у него не оказалось наследников. Минская династия хотела воспользоваться родственными связями своего заложника и посадить его на правление в Хами. Был дан указ императора провести обряд поминовения и жертвоприношения по умершему, а за Токто признать права принесения этих жертвоприношений, иначе говоря, права наследника. Ему был присвоен титул преданного и послушного князя (чжуншунь ван), выданы золотая печать и яшмовый пояс. Кроме того, были отправлены с послами узорчатые шелка его матери и бабушке¹¹¹, так как было известно, что бабушка Токто не поддерживала его кандидатуру. И действительно, вскоре Токто был свергнут. Несмотря на традицию уважения к старшим, минский император по этому поводу раздражённо заявил в своём послании, что «она выжила из ума»¹¹², тем самым нарушив самую главную конфуцианскую заповедь – почитание предков.

Минская дипломатия прибегла к институту титулования, использовала институт заложничества не из альтруистических соображений, не в целях только покровительства своему «воспитаннику». Хами должен был выполнять функции важного стратегического центра Минской империи, докладывать о настроениях и намерениях послов из региона Сиюй, предупреждать минскую династию о планах государств Сиюя и тем самым способствовать безопасности Минской империи¹¹³. Благодаря такой стратегии минской дипломатии удалось поддержать мир на границах более 80 лет.

В эпоху Цин китайская дипломатия на северо-западе

---

¹¹⁰ Мин Тайцзун шилу, цз. 50. Цит. по: Миндай Хами. Тулуфань хойбянь. С. 38.

¹¹¹ Там же. С. 36; Минши. Цз. 329. С. 31822.

¹¹² Лю Чжисяо. Вэйур цзу лиши. Т. 1. С. 330.

¹¹³ Миндай Хами. Тулуфань цзыляо хойбянь. С. 37.

считала своим главным противником джунгар. Содержав у себя в заложниках некоторых монгольских князей, она пыталась заручиться и заложником джунгар. После трагической гибели Галдана Бошокту-хана, преследуемого маньчжуро-китайскими войсками, Цины добились выдачи в свои руки потомков Галдана. Был предпринят ряд манёвров, в результате которых хамийский правитель Ибайдулла Дарханбек передал в Пекин сына Галдана Сайбутэн-Барчжура. В 1698-1701 гг. цинская дипломатия одержала ещё одну победу в результате упорных многолетних переговоров с соперником Галдана Цэван-Рабданом, получив на руки дочь Галдана Чжунциха. Детям Галдана было позволено жить в столице вместе. Сайбутэн-Барчжур получил чин шивэя 1-й степени, а зять Галдана (муж его дочери Чжуншихай) – Шакэдур-шивэя 2-й степени¹¹⁴. В 1706 г. Сайбутэн-Барчжура женили на дочери маньчжурского князя и присвоили титул чжэнь го гуна (князь усмирённого государства). Этот титул можно перевести и как «охраняемый государством князь»¹¹⁵.

Содержа в Пекине прямого наследника Галдана, цинская дипломатия в любой момент могла противопоставить его правящему в Джунгарии Цэван-Рабдану. Как известно, Цэван-Рабдан был сыном хана Сенге, брата Галдана, сменившего его на троне. Родной сын Галдана, таким образом, тоже имел наследственные права на джунгарский престол, так же, как и потомки Галдана. Создав Сайбутэн-Барчжуру внешне почётную и благополучную жизнь, Китай использовал его как политический противовес Цэван-Рабдану. Из этого видно, что маньчжурская династия не доверяла вполне джунгарскому хану и в любой момент могла спровоцировать дворцовый переворот в Джунгарии или, по меньшей мере, оказывать политическое давление на её хана. Сайбутэн-Барчжур был к тому же наиболее знатным заложником цинского двора, что придавало ему особый вес в глазах монголов и правителей Центральной Азии.

После завоевания Илийского края в руки цинских властей попали братья Бурхан ад-Дин и Ходжа-Джахан – сыновья белогорского ходжи и правителя Восточного Туркестана Ахмада. Они, как и их отец, содержались заложниками у джунгарских ханов. Маньчжурская династия, воевавшая

---

¹¹⁴ Цин чао Шэнцзу Жэньхуанди. Цз. 205. Л. 18.

¹¹⁵ Там же. Цз. 224. Л. 13, об.

в то время против джунгар, стала ставить себе в заслугу освобождение религиозных лидеров уйгуров из джунгарского плена. В то же время она не собиралась отказываться от института заложничества. Старший из братьев был отправлен в поход против Яркендского ханства, а младший оставлен в Или в качестве заложника. Ходжа-Джахан, предвидя бесславную жизнь в аманатах, на этот раз у маньчжурской династии, сказал старшему брату: «Один из нас непременно будет отозван в Пекин как заложник. В чём же отличие этого от неволи?»¹¹⁶ Братья возглавляли народно-освободительную борьбу уйгуров, но потерпев поражение, вынуждены были покинуть Восточный Туркестан, а затем погибли.

Китайская дипломатия приложила много усилий, чтобы искоренить бунтовщицкий род или, по крайней мере, нейтрализовать его как политических противников. Два представителя белогорских ходжей тогда же, в 1758 г., были вывезены в Пекин в почётный плен. Здесь им присваивался титул «гун»¹¹⁷. Возвращались оттуда они только на родовое кладбище. В 1856 г. тело одного из потомков белогорских ходжей было привезено «для предания земле в фамильном склепе Аппаков. Наиб этого ходжи не знал тюркского языка и былодет в китайское платье»¹¹⁸. Однако прямые потомки ходжей сумели укрыться в Бухаре и Коканде. Ходжи пользовались поддержкой единоверцев в Кокандском ханстве и других владениях Средней Азии. Тем не менее их положение в Коканде напоминало аманатство. Кокандские ханы использовали их пребывание для того, чтобы вынудить цинский двор пойти на уступки политического и экономического характера. Они достигали в этом успеха, по мнению некоторых китайских историков, благодаря «редкостному товару» (цихо) в своих руках – потомкам белогорских ходжей¹¹⁹.

Институт аманатства на примере отношений казахских ханств с Российской империей привлёк внимание А. Сабырханова, составившего таблицу аманатов Младшего

---

¹¹⁶ *Хэ Нин*. Хойцзян тунчжи. 1804. Цз. 12.

¹¹⁷ *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. в 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 3. С. 136.

¹¹⁸ Там же. С. 197.

¹¹⁹ Люй Ижань. Хаохань юй Чжангэр Юсупчжи луань // Синьцзян дасюэ сэбао. 1983. № 2. С. 101.

жуза в России¹²⁰. Аманаты содержались от одного года до шести лет, начиная с 1734 по 1767 г. Всего их было 13. Таким образом, институт аманатства довольно успешно применялся и в новое время как между азиатскими странами, так и между Россией и Казахстаном. И в этом случае он воспринимался как унизительная необходимость. Хан, соглашавшийся на такие отношения с русским правительством, осуждался казахской знатью. «Эй, хан! – говорили Абулхаиру. – Против-де нашей эры, имеющиеся прочие орды – зюнгорския калмыки, Галдан-Чирин, сюрчют-китайские, также и персияне и прочие окольные люди – и без взятъя владельческих детей в союзе...»¹²¹.

Русская дипломатия начала использовать институт аманатства под влиянием политической культуры татаро-монголов. В 1608 г., когда ойраты принесли шерт русскому царю, им были поставлены условия: представить заложников, платить ясак и не нападать на русские селения¹²². Однако условия эти не были использованы. Послы царя Михаила Фёдоровича в 1636-1637 гг. предлагали Алтын-хану прислать в Томскую крепость в аманаты 2-3 киргизских «князей лутчих человек»¹²³. Они требовались для того, чтобы предотвратить набеги киргизов на Кузнецк и Красноярск¹²⁴. В 40-х гг. русские власти задерживали алтынхановских послов в ожидании, пока киргизы не дадут в Томск «добрых аманатов»¹²⁵.

Наиболее успешно и продолжительно институт аманатства использовался в отношениях с ханом Младшего жуза Абулхаиром и его наследниками. Уже в 1731 г. русскому послу Тевкелеву предписывалось, приняв присягу на верность, добиться согласия хана на содержание в России в заложниках поочерёдно его сыновей. Следствием этого политического шага была надежда, что казахи «в верности себя содержать будут», а соседние народы России «в покое от них останутся»¹²⁶.

---

¹²⁰ *Сабырханов А.* Казахско-русские отношения в 50-90-х гг. XVIII в. Алма-Ата, 1966. С. 212.

¹²¹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 299.

¹²² *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII веках. М., 1978. С. 21.

¹²³ Материалы по истории русско-монгольских отношений. С. 36.

¹²⁴ Там же. С. 37.

¹²⁵ Там же. С. 222.

¹²⁶ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 195.

Аманаты были гарантией верности хана, которая должна проявляться в охране окраинных земель от набегов. Никаких других форм принуждения больше не было.

В 1747 г. хан Абулхаир писал императрице Елизавете: «Надо мной уже приятели мои смеются, а неприятели искушают и говорят: тако сына-де своего за красные кожи и за кармазинные сукна отдал, чем и неприятели, около нас имеющиеся, порицая меня, низжайшего, смеются. Но я на то говорю, что прежде всего по Яику крепостей не было и улусы не кочевали, також обхождения к торгу с киргис-кайсаками не было, а ныне, слава богу, все крепости построились и с киргисцами торг основан, и во обхождении в верности уже и сумления нету, великорослые травы и немутные воды по сю сторону Яика реки нам пожалованы, чем я не только однократно, но и тысящакрат доволен»¹²⁷.

За содержание одного из сыновей в русской крепости со слугами и приближенными хан Абулхаир получил возможность сбывать скот на русских рынках, а также получил разрешение кочевать спокойно по берегам Яика. Понимая его положение, а также учитывая угрозу границам России в 40-х гг. XVIII в. от джунгарских нашествий, оренбургский начальник И. И. Неплюев подал доклад в Коллегию иностранных дел с предложением отказаться от аманатов хана Абулхаира, тем самым ещё крепче привязать его к России: «Ибо, хотя с Абулмамет-хане и Барак салтане и ненадёжно, яко дети их у зэнгарского владельца, также и об Абулхаир-хане неведомо, как он поступит, однако и то б немалая интересам е. и. в. польза была, чтоб их столько удержать, дабы они к зюнгарской стороне не пристали и от себя шалости не учинили. Особливо ж по здешнему слабейше мнится, что Абулхаир-хана можно и тем побуждать, ежели он в том службу свою действительно окажет, то верность свою только засвидетельствует, что впредь не только ево сын, но никто требован не будет»¹²⁸. Другого способа удержать хана Абулхаира в глазах общественности за русским правительством не было, к совету Неплюева, опытного политика, Петербург не прислушался. Брались аманаты не только от хана, но и ближайших его сторонников, других крупных феодалов, чтобы и они были связаны одной порукой и несли с ханом нравственный долг вместе.

---

¹²⁷ Сулейменов Б. С., Басин, В. Я. Указ. раб. Прил. С. 185.

¹²⁸ Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Указ. раб. С. 179.

Политическое противоборство возникло в связи с тем, что кочевые владетели норовили отправить в аманаты одного из своих бесчисленных незаконных сыновей, рождённых от простолюдинок и пленных ойраток, а не от законных жён, или просто воспитанников. Была опасность, что Абулхайр сменит законного сына Кузахмета на незаконнорожденного сына Чингиза. Царское правительство не хотело идти на уступки и получать в заложники побочных детей¹²⁹.

Институт аманатства был принят и Нуралы-ханом. Он делал это в целях расширения кочевий в район междуречья Волги и Урала. Хан писал Неплюеву в Оренбург: «А что вновь ваше превосходительство аманатов взяли и на внутреннюю сторону скот перепустить приказали, то весьма изрядно учинить изволили, да и удержанных в Яицком городке прежних аманатов не инаково, как по привозе ваших людей отпустить приказать можете...»¹³⁰.

И позднее царская администрация считала единственно надёжной гарантией спокойствия институт заложничества. Предполагалось с каждых 50 юрт, прикочевавших к линии на зимовки, брать «одного аманата из почётных и избыточных киргиз». Однако в 1830 г., как отмечали чиновники, «со стороны необразованного народа правило сие не исполняется». Вместо богатого и пользующегося влиянием в ауле человека обычно в аманаты отправляли кочевника из бедных семей, на содержание которого делался сбор¹³¹. В XIX в. институт аманатства в отношениях с Младшим жузом и Россией утратил своё значение.

В 1769 г. с инициативой отправить в Россию своего сына в заложники выступил султан Среднего жуза Аблай. Он предлагал заложников двух категорий – от ханского дома и от тех, чьи кони паслись бы за линиями русских крепостей. Аблай писал оренбургскому губернатору генерал-майору И. Рейнсдорпу следующее об условиях содержания сыновей: «... для [прославления] перед друзьями и врагами, чтобы мой сын в звании генерала был, когда он приедет [к вам], то пусть увидит благословенное [и] приятное лицо её величества государыни, а также пусть местом пребывания его будет крепость Кызыл-

---

¹²⁹ Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Указ. раб. С. 72.

¹³⁰ Там же. С. 191.

¹³¹ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. Алма-Ата, 1964. С. 242–243.

Яр (Святого Петра, современный Петропавловск. – К. Х.) в Тобольской губернии... А обмен моих сыновей [аманатов] производили бы через два или три года, причём тот обмен осуществлялся бы по моему выбору... И чтобы каждый направляющийся [в аманаты] мой сын увидел благословенное государево лицо. [Если же] мой сын долго пробудет [в аманатах], то пусть он будет видеть [государево лицо] раз в три года... А ещё при моих детях находилось десять знатных людей из Среднего жуза»¹³².

Кроме предоставления регулярной аудиенции, все остальные условия содержания аманата практиковались царской администрацией в отношении сыновей хана Младшего жуза и были поэтому легко исполнимыми. Ханские дети обычно содержались в ближайшей к их владениям крепости. Что касается регулярных приемов при императорском дворе, то здесь чувствуется влияние китайской дипломатии, согласно которой среднеазиатские правители имели право присылать своих послов один раз в три года. В русской дипломатии такой традиции не было. Нет сведений и о том, предоставлялся ли какой-либо чин казахским аманатам в России. В Минской и Цинской империях почетные заложники имели чин, хотя служба носила чисто условный характер. В условиях хана Аблая прослеживается желание обеспечить сыновьям почетные условия содержания, больше походившие на службу.

Взамен сыновей Аблай выдвигал ряд требований:

1. Самым главным, самым затаенным желанием султана было получение военной помощи русского правительства – от десятитысячного отряда (сан) (самое большое) и до тысячи или пятисот человек (самое малое). И чтобы упомянутое войско [было бы использовано так]: против дальних врагов – сан, против ближних – тысяча, а если враг будет менее значительный, то против моих внутренних врагов – пятьсот, будь то при моей жизни или при жизни моих сыновей¹³³. Аблай в это время готовился воевать с Кокандским ханством и киргизами. К тому времени он уже обращался с просьбой

---

¹³² Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 692–693. Факсимиле письма Пер. письма, сделанный толмачем в 1769 г., также опубликован на с. 694–695. Однако более точным является пер. Т. К. Бейсембиева, опубликованный в сб. «Цинская империя и Казахские ханства» (Алма-Ата, 1989. Ч. 2. С. 84–86).

¹³³ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 688.

о военной помощи к илийскому генерал-губернатору¹³⁴, в чем ему было отказано. Более того, в 60-х гг. цинские власти предприняли несколько военных набегов на казахов, кочевавших в верховьях Иртыша и Или, а также в Тарбагатае¹³⁵, сгоняя их с зимовок. В связи с этим отношения Среднего жуза с Цинской империей ухудшились.

В начале 60-х гг. Аблай отправлял своих людей в Китай в заложники, о чем сохранились сведения в русских источниках. Ф. Гордеев, переводчик Оренбургской губернской канцелярии, возвратившийся из ставки Аблая в 1763 г., сообщал: «...прислал он, Аблай, к нему, китайскому владельцу, в аманаты большой ево, Аблаевой, жены отца найманского роду киргисца Кинзя-батыря с ево родственниками [который наперед сего при жизни зенгорского владельца Галдан-Чирини в великой милости и знатности находился и потому китайскому владельцу он, Кинзя, знатен], коему де обещает давать в год жалованья по пяти сот лангов, то есть по десять тысяч рублей, иным до тысяча рублей, иным по сту рублей. Почему он, Аблай-солтан, реченного тестя своего вышеописанного Кинзя киргизца батыря с товарищи в пяти кибитках с женами, с детьми и скотом сего 1763 года в июне месяце до приезде моего... и отправил»¹³⁶.

Многое он принимал на веру. «А еще, – продолжал Аблай, – чтобы моим людям, которым вручу письма за [своей] печатью, была открыта дорога между моим йуртом и русскими как в крепостях, так и на базарах. [Речь идет] о моих теленгутах – четырех-пяти отдельных казахах...»¹³⁷. Для Аблая было очень важно, чтобы его люди свободно могли ездить в Россию и в крепости, и на рынки: «А еще там, где будут находиться в аманатах мои дети, пусть будет большой базар». Аблай, признанный ханом китайским правительством, но в глазах России султан, хотел навечно юридически оформить эти привилегии специальным документом: «Еще чтобы мне её величеством государыней была пожалована грамота с текстом и печатью на тарханство моим потомкам, вплоть до дня Страшного суда... Чтобы её падишахское величество всех

---

¹³⁴ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 685.

¹³⁵ Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии. Новосибирск, 1983. С. 32–33.

¹³⁶ АВПр, ф. Киргис-кайсацкие дела. 1763 г., оп. 122/1, д. 2, л. 9, об. – 10.

¹³⁷ Цинская империя и казахские ханства. Ч. 2. С. 85.

нас считало равными – русских, казахов и прочие народы, и коменданты ваших пограничных крепостей проявляли справедливость и не было бы насилия и притеснения»¹³⁸.

Желание Аблая отправить сыновей в аманаты в сопровождении нескольких знатных представителей молодого поколения было с благосклонностью принято правительством Екатерины II. По этому поводу в указе Коллегии иностранных дел Оренбургу говорилось: «Со вступления в 1740 г. Средней киргис-кайсацкой орды в здешнее подданство многия и сильныя подвиги были употреблены к получению от их владельцев аманатов, но тщетно. Сперва такое искательство нужным делала забота, чтоб зенгорские владельцы, которые в тамошней стороне очень усиливались, сих киргис-кайсаков не привели в искушение им поддаться, имев по одинаковому роду своего жития многие способы ими управлять и по своей воле руководствовать. А ныне по истреблении китайцами зенгорцев и по завладении их местами, чем и они сделались соседями киргис-кайсаков...»¹³⁹. Далее в указе говорилось, что, хотя аманатство не мешало Младшему жузу производить «разные предерзости при здешних границах» и сколько бы он – хан Младшего жуза «ни угрожает, что они намерены из подданства е. и. в. отлучиться и общими силами под здешние места набеги делать и злодействовать, но самого себя и братьев своих всегда из того выключает. Из чего некоторым образом уже и видно, что дети его, по крайней мере для него самого, служат в обязательство, а пример его, как начальника народного, несмотря на малую его в оном силу, однако ж сколько-нибудь и в прочих уже киргиз-кайсаках действовать может»¹⁴⁰.

Поскольку статус султана был ниже статуса хана, сыну Аблая полагалось более низкое содержание. Чтобы не оттолкнуть Аблая, решено было уравнивать права его сына с сыном ханским. В то же время Коллегия рекомендовала Оренбургу не увеличивать однажды определенное содержание. Но вскоре Аблай отказался от своего намерения под предлогом того, что ответ ему прислан не от имени императрицы. В любом случае, главное его условие о военной помощи в то время было неисполнимым.

---

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 690.

¹⁴⁰ Там же.

В 1771 г. Аблай вновь возвратился к вопросу об аманатстве после избрания его ханом. И хотя в документах слово «аманат» не упоминается, речь в них идет именно о заложниках. В письме Аблая Екатерине II, отправленном не позже 1776 г. и полученном в феврале 1778 г.¹⁴¹, говорится, что Аблай из своих четырех сыновей отобрал «меньшаго, Тугум-солтана, с присовокуплением к нему хороших людей» и отправляет его «для донесения всеподданейшего представления». Далее он сообщает, что стал всеказахским правителем: «Абулхаир и Абулмамет-ханы скончались, которые предкам моим были родственники. Как они от сего света отошли, так чреда ханского достоинства досталась мне. По кончине их, всех киргиз-кайсацких орд, то есть Большой, Средней и Меньшей, ханы и солтаны купно с большими и меньшими городами Ташкента и провинции Туркестанской с общего согласия в прошлом 1771 г. в городе Туркестане при гробе мусульманского нашего святого Ходжи Ахмета, по обыкновению нашему, прочтя молитву, наименовали меня всех трех киргиз-кайсацких орд (прим. пер.: всех трех киргиз-кайсацких алач) ханом, в которое звание и действительно возвели. Однако хотя и по обыкновению состояния нашего в том звании и нахожусь, только В. и. в. всеподданейше прошу то мое ханское звание пожалованием из благословенных рук В. в. за золотою печатью высочайшей грамоты всемилостивейше подтвердить». И в этом послании Аблай вновь просит, чтобы ему «из находящихся на границах войск... на короткое время давать столько, сколько когда понадобится».

Главным для Аблая было все же получить признание статуса хана всех трех жузов. Он заявляет, что избран был ханом всех трех казахских жузов. Но именно этому заявлению русское правительство не верило или не хотело верить. Коллегия иностранных дел в докладе императрице отмечала, что Аблай присваивает «себе напрасно больше преимущества, нежели сколько в самом деле ему принадлежать может», а потому высказывалась за выдачу Аблаю патента лишь на ханство Среднего жуза¹⁴², что и было сделано¹⁴³. Аблай был признан правительством ханом в 60-х гг., а избран на ханство в

---

¹⁴¹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 86–88; Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России. С. 201–203.

¹⁴² Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. С. 88.

¹⁴³ Там же. С. 89–90.

Казахстане только в 1771 г., но продолжал оставаться в глазах царского правительства султаном до конца своей жизни.

За признание за ним титула всеказахского хана Аблай вновь по своей инициативе предложил аманатов и на этот раз даже отправил их в Санкт-Петербург. Впервые один из родных сыновей Аблая выехал в Россию. До того три его посольства возглавлялись ближайшими родственниками одной из жен. В сопровождение сыну хан дал свиту из пяти человек: «двое старшинских детей», да трое «хороших же людей дети»¹⁴⁴.

Прибегая к институту аманатства, кочевые и прочие среднеазиатские правители стремились добиться существенных привилегий или решали политические задачи привычным для них дипломатическим способом. Примеры отношений казахских ханов с Российской империей приведены с целью сопоставить их с институтом заложничества в Минской и Цинской империях.

В минских и цинских источниках институт аманатства рассматривается только как зависимость от китайского правительства. В действительности это был своеобразный способ решения различных внешнеполитических задач – от признания прав на престол до расширения территории хозяйственной деятельности. Этот вывод хорошо подкрепляется фактами из истории международных отношений среднеазиатских ханств с Джунгарским ханством, Джунгарского ханства и Монголии с Минским и Цинским Китаем.

Джунгарский хан стал требовать аманатов от среднеазиатских правителей после похода 1739–1740 гг. В результате осады Коканда основатель города и правитель Абд ал-Карим-хан вынужден был отдать в заложники своего внука от старшего сына Абд ар-Рахимхана Баба-бека¹⁴⁵. Часто знатные заложники при помощи «сюзерена» становились реальными претендентами на престол, если им благоприятствовала внутренняя обстановка в стране. Баба-бек правил в Коканде примерно 10 месяцев в 1753 г.¹⁴⁶

С 1740 г. Галдан-Цэрен стал требовать аманатов от самых

---

¹⁴⁴ Там же. С. 87.

¹⁴⁵ *Бейсембиев Т. К.* «Тарих-и Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата, 1987. С. 92.

¹⁴⁶ *Бейсембиев Т. К.* «Тарих-и Шахрухи» как исторический источник. С. 93.

крупных казахских правителей: Абулхаира, хана Среднего жуза Абулмамбета, султана Барака. Оренбургское начальство, с которым встретилось джунгарское посольство, заявило, что они не имеют права требовать аманатов от подданного русского правительства хана Абулхаира. Хан Абулмамбет отправил в ургу джунгарского хана своего сына Абулфаиза¹⁴⁷, султан Барак – сына Шигая, а также несколько детей старшин¹⁴⁸. Султаны ездили в Джунгарию в разное время и содержались там не более года. Абулмамбет в ответ на это заручился согласием джунгарского хана на управление Туркестаном – резиденцией казахских ханов, где был захоронен святой Ходжа Ахмед Ясави и где находилась ханская усыпальница.

Туркестан был предметом раздоров между казахскими правителями ввиду своего удобного географического расположения, богатства и устойчивых связей со Средней Азией. Барак-султан враждовал с Абулхаиром, которому покровительствовала Россия, а затем убил его. Барак кочевал поблизости от джунгар, ему не оставалось ничего другого, как заручиться покровительством джунгарского хана и тем самым нормализовать отношения после войны 1740 г., поэтому он отправил сына в Джунгарию. В то же время он готов был отправить заложника и в Россию.

Институт аманатства устраивал обе стороны, а не только сильную из них. Джунгария нанесла сокрушительное поражение казахам, не имея реальной возможности для управления казахскими феодалами, не могла обосноваться и на землях. Казахи же, несмотря на поражение, откупились от джунгар, избавившись от их присутствия без уплаты так называемой дани или контрибуции. В то же время последние оставались слабой стороной, выдав после трехлетнего противоборства аманатов, которые в общей сложности содержались около пяти лет – с 1743 по 1748 г.

Реакция оренбургского начальства на это была негативной. Оно принимало все меры к тому, чтобы не прерывалась смена аманатов Младшего жуза, «дабы оне к зюнгарской стороне не пристали и от себя шалости не учинили»¹⁴⁹. Была предпринята попытка заставить джунгар отказаться от притязаний на Казахстан. В письме к Галдан-Цэрену И. И. Неплюев

---

¹⁴⁷ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. С. 270.

¹⁴⁸ Там же. С. 296.

¹⁴⁹ Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России. С. 179.

уведомлял о принятии ханов и султанов Среднего и Младшего жузов в российское подданство и о том, что они добровольно присягали в этом. Кроме того, в письме было написано: «Абулхаир, хан Меньшой орды... сына своего в службе е. и. в. при мне содержит...»¹⁵⁰. Хороший тон не позволял писать прямо об аманатстве; обычно писали о службе или о воспитании заложника.

Институт аманатства был для джунгар и казахов оптимальным вариантом выхода из вооруженного конфликта. Из документов не ясно, как содержались заложники в Джунгарии. Поскольку они были представителями знати, отпрысками ханов, султанов, т. е. белоюртными заложниками (ак-уйлук), содержание их должно было быть приличным. Во всяком случае сами казахи заверяли, что они составляют окружение сыновей джунгарского хана, содержатся свободно (хотя, безусловно, были под постоянным наблюдением). Случайно оказавшиеся в ставке хана русские сообщали то же самое. Кроме того, обычно их отправляли с семьями, юртами, скотом, а также свитой и слугами.

В декабре 1741 г. Галдан-Цэрэн писал казахам: «А дабы вам с покоем и без войны пребывать, то детей Абулмамет-хана и Барак-салтана и Джанбека и других киргис-кайсацких орд знатных старшин сыновей с женами и с кибитками как возможно наступающего лета в среднем месяце (то есть в июне) сюда, конечно, выслать, а под их подводы и на прокормление сколько потребно им выгодно присылать так, как вы там между собою со общего согласия определите...»¹⁵¹.

Поначалу джунгары добивались содержания заложников за счет самих казахов. Тем самым нарушался обычай содержать гостей, каковыми считались заложники, за счет страны пребывания. Думается, что джунгарский хан был озабочен достойным содержанием заложников, а потому хотел часть расходов переложить на приславших их. Очевидно, и русская сторона не препятствовала тому, чтобы её аманаты имели собственные средства, кроме выделенных государством 17 руб., а также средств, собираемых поюртно с тех, от имени кого аманат присылался. В данном случае речь идет о краткосрочных аманатах, присылаемых казахами за пользование сезонными пастбищами близ русских крепостей. Достойное содержание

---

¹⁵⁰ Казахско-русские отношения в XVI–XIII вв. С. 228.

¹⁵¹ Международные отношения в Центральной Азии... Ч. 1. С. 304–305.

заложников, обеспеченность облегчали пребывание их на чужбине. Кратковременность пребывания, своевременная перемена аманатов также смягчали унижительность их положения, а также положение правителя, вынужденного идти на этот шаг.

В 1758 г. начальник цинского отряда, высланного к Семипалатинску для поимки Амурсаны, и посол цинов к Аблаю в своём докладе сообщали о тесных отношениях казахских правителей с Россией. Тогда же они доложили, что сыновья хана Младшего жуза Абулхаира содержатся на территории Русского государства в качестве заложников (сун и цзы вэй чжи)¹⁵². Цинская дипломатия решила использовать этот факт для привлечения на свою сторону не только правителей Среднего жуза, но и Младшего. К тому времени отношения Цинской империи с Россией резко ухудшились в связи с тем, что Амурсане было дано убежище в Тобольске. В то же время под предлогом того, что Амурсана покинул кочевья казахов, цинские власти закрыли глаза на то, что казахи оказывали военную и другую помощь ему.

Китай направил ряд посольств к султану Аблаю. От того также прибыли в Китай посланцы. Через одного из них Нуралы-хану Младшего жуза доставлено письмо, с которым хан сообщил переводчику, прибывшему в его ставку по заданию Оренбурга, «в каких намерениях обстоит он, хан, з братьями и тамошние старшины в разсуждении Аблая и китайских, чинимых к нему, приманок¹⁵³. По словам Нуралы, «китайский богдыхан и к нему то же самое наказывал, да и письмо прислал, склоняет его, хана, на свою сторону – китайскую, обнадёживая, что он от него не только из детей ево, но и никаких аманатов, как то он в Россию отдаёт, не потребует, да и содержащихся-де в России аманатов высвободит и впредь до того не допустит... однак-де помянутой хан на всё то не склоняется и намерен пребывать в непоколебимой е. и. в. верности»¹⁵⁴.

И всё же Нуралы-хан, не порывая с русским правительством, хотел избавиться от обязанности выдавать заложников. По этому вопросу Нуралы советовался с Аблаем. На что султан якобы отвечал: «...та дорога ещё отцом его Абулхаир-ханом проложена, то де ему, Нуралы-хану, оставить оную не должно,

---

¹⁵² Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюэ. Чжэнбянь. Цз. 49. Л. 7, об.

¹⁵³ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. С. 563.

¹⁵⁴ Там же. С. 564.

но придерживаться надлежит неотменно»¹⁵⁵.

Аблай учитывал реальное положение вещей. Кочевья Младшего жуза граничили с Российской империей и не граничили с Цинской, в то время как владения Среднего жуза простирались от границ одного государства до другого. Могла возникнуть необходимость использования аманатства в регулировании отношений с Китаем у Среднего и Старшего, но не у Младшего жуза.

Что касается интриг цинской дипломатии вокруг аманатства, то они были направлены на то, чтобы внести раскол в отношения Младшего жуза с русским правительством и установить дипломатические связи с Западным Казахстаном.

Сама династия Цин прибегала к институту аманатства в регулировании отношений с монголами, ойратами и уйгурами. Получение заложников было очень древним приёмом китайской дипломатии в регионе Сиюй. Была она знакома с практикой двойного и тройного аманатства, т. е. когда владение Сиюя своего аманата и в Китай, и к сюнну.

Дав обещание не брать людей в залог, о чём было хорошо известно казахским правителям, в дальнейшем цинская дипломатия (а за ней и официальная историография) предпочитала представлять дело так, что инициатива в этом вопросе исходила от самих соседних правителей, зная их заинтересованность в пастбищах Синьцзяна и его рынках. На первых порах в заложниках у цинского правительства были приёмные дети казахских правителей, среди которых были и пленные ойраты, воспитанные при их особе, а также дальние родственники.

В 1758 году, после заключения соглашения о торговле между казахскими правителями Аблаем и Абулфаизом в Урумчи, очевидно, было решено, что с торговцами прибудет представитель младшего поколения султанов. Весной 1758 года в Военном совете – Цзюньцзичу – обсуждался вопрос о приёме казахов при дворе. Было решено: «Что касается желания младшего поколения дома Аблая лицезреть лучезарное небесное лицо (т. е. императора. – К. Х.), то когда (кто-либо из них) прибудет в Урумчи, Нусань, выяснив количество прибывших людей, направит чиновников для их попечения. Затем верхом на лошадях они (должны) приехать в Бакуль, оставят здесь привезённый товар (привезенные вещи?) на

---

¹⁵⁵ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела. 1760, д. 4, л. 67.

хранение и налегке поедут дальше»¹⁵⁶. Можно предположить, что цинское правительство намеревалось оставить послов в Илийском крае, поэтому вещи оставлялись в Баркуле, но перед этим они должны были пройти в Пекине все предусмотренные церемониалы. Упоминание о молодости послов является косвенным доказательством того, что их рассматривали как возможных заложников.

После захвата Джунгарии цинское правительство готовило вторжение в Восточный Туркестан, в связи с чем планировало привлечь к походам казахских и киргизских феодалов. Аблай должен был с отрядом двигаться весной к Хунгоролюню (к Коньролену? – К. Х.), о чём он уведомил командование цинских войск в Джунгарии¹⁵⁷. Аманатство должно было закрепить договорённость о торговле и военном союзе. Привлекались в карательный поход на Уйгурию (хойбу) вместе с маньчжуро-китайскими войсками киргизы Прииссыккулья и Чу¹⁵⁸.

На основе института заложничества была сделана попытка установить регулярные связи и со Старшим жузом. Небольшой отряд маньчжуро-китайских войск из Киргизии направился в сторону Ташкента. В это время город был осажден отрядами Старшего жуза, возглавляемыми Толе-би, сыном Алибека. Цинский отряд вступил с ним в переговоры, затем состоялся обед в шатре цинского командира Фу Дэ и обмен подарками¹⁵⁹.

Вскоре стали распространяться слухи о подчинении китайскому правительству самого Толе-би и других двух правителей Старшего жуза. Естественно, эти слухи шли от китайской стороны. В своем отчёте Фу Дэ не упоминает о заложнике Толе-би. Сведения об этом имеются в русских источниках, и нет основания им не верить.

В 50-х гг. XVIII в. в Джунгарию, Ташкент и Яркенд с торговыми делами ездил один из приказчиков оренбургского купца. В Троицкой крепости он рассказал об остановке в Джунгарии и Средней Азии. Будучи в Ташкенте, приказчик слышал, что «под оной город китайское войско подходило, только ташкенцы со оным противности и сражения не имели, но дав знак покорности и уверя себя в подданство китайское, остались в покое; и в знак того их подданства

---

¹⁵⁶ Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюэ, чжэнбянь. Цз. 54. Л. 21.

¹⁵⁷ Там же. Цз. 55. Л. 11, об.

¹⁵⁸ Там же. Цз. 56. Л. 10.

¹⁵⁹ Там же. Цз. 61. Л. 12.

отдан от них и уведен китайским войском в аманаты киргиз-кайсацкой Большой орды знатного и главного от девяти родов старшины Тюлябия сын, рожденный им, Тюлябием, от холопки, ибо ташкентцы по разорении зюнгорских владельцев ныне покоряются и дань дают Большой киргиз-кайсацкой Орде киргисцам, реченному Тюлябию с протчими же от совершенного китайцам подданства отвергаются. А означенного, данного китайцам в аманаты, Тюлябиева сына они, киргиз-кайсаки, ни во что поставляют, потому что рожден, как выше значит, от холопки, а не от законной жены и, хотя он возвращен не будет, в том нужды и обиды не признавают»¹⁶⁰. Возможно, Толебий передал своего незаконного сына в заложники, чтобы китайская сторона признала его права на Ташкент. Аналогичным образом казахи поступали и ранее, чтобы заручиться согласием у джунгарских ханов на правление среднеазиатскими городами.

Однако от Аблая ни торговцы, ни молодые султаны в ожидаемое время не прибыли, не прибыли и посланцы киргизов¹⁶¹. И все же есть основание полагать, что аманатом Аблая в Китае был некий Чжанциши, ойрат по происхождению. В пользу этого предположения говорит тот факт, что Чжанциши был назначен офицером гвардии¹⁶². После военных акций маньчжуро-китайских войск в тарбагатайских урочищах, направленных на выдворение родов Среднего жуза с их зимних пастбищ, султан потребовал его возвращения.

В 1768 году, т.е. почти одновременно с предложением о передаче в заложники в Россию своего родного сына, Аблай собирался отправить заложника и в Китай. Это был воспитанный им ойрат Чоноци, которого китайский император принял как сына Аблая и заранее присудил награду – павлинье перо, т.е. по традиции перевел в гвардейские офицеры. При этом император уведомлял Аблая, что Чоноци разрешено жить в Пекине, и через несколько лет ему будет позволено возвратиться в Казахстан. «Если ты будешь скучать по Чоноци, через несколько лет Мы разрешим ему временно навестить

---

¹⁶⁰ Моисеев В. А. Поездка приказчика Усеина Сеюшева в Джунгарию и Восточный Туркестан в 1752–1759 гг. // Материалы X научной конф. «Общество и государство в Китае». М., 1979. Ч. 2. С. 18–19.

¹⁶¹ Циньдин пиндин ... Цз. 62. Л. 18 об. – 19 об.

¹⁶² Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу. Цз. 670. Л. 21–21 об.

родителей»¹⁶³.

Казахский султан в это время просил выдать ему пушки для осады Коканда, другую военную помощь. Казахи Среднего жуза совершили набег на подвластных Цинской империи урянхойцев, в связи с чем на границу их кочевий были придвинуты войска а к Аблаю отправился грозный посланец цинских властей по имени Наван¹⁶⁴. Аблай постарался возвратить часть уведённого скота, отправил ответное посольство с разъяснением инцидента. С ними и выехал его приёмный сын ойрат Чоноци в качестве заложника. Таким образом, казахский правитель нормализовал отношения с Китаем, предотвратил набеги цинских пограничных отрядов. Надеялся он получить также военную помощь против Ирданбека и киргизов. Разрешить все эти важные вопросы он надеялся только путем института аманатства.

Как уже говорилось выше, в 1763 году Аблай направил в Китай в аманаты отца своей старшей жены, казаха из рода найман – Кинз-батыра с родственниками, хан Среднего жуза Абулмамбет – своего тестя, султана Султанмамета, что позволило ему занять кочевья в Илийской долине.

В китайских документах упоминается родственник Аблая, который хотел бы возвратиться на прежние места проживания. Однако его называют здесь Умором. Возможно, что это искажённый титул «амир» (господин). А возможно, имя Омар. В 1762 г. Аблай обратился с просьбой разрешить его шурина поселиться в Илийском крае¹⁶⁵. Как бы то ни было, русская администрация полагала, что он может считаться добрым аманатом.

Ответ императора Цяньлуна Аблаю, в котором речь идет о шурине Аблая по имени Умор, последовал в сентябре 1762 года. Он возвращался на жительство в Или. Возможно, Аблай отправил его в залог своих дружественно-соседских отношений к Цинской империи, территория которой приблизилась к Семиречью вследствие завоевания Джунгарского ханства. Во всяком случае император сомневался в искреннем намерении Аблая. В грамоте имеются сведения об условиях содержания

---

¹⁶³ Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу. Цз. 819. Л. 33–33 об.

¹⁶⁴ Хафизова К. Ш. Из истории казахско-китайских отношений в 60-х годах XVIII в. // Материалы VIII научной конференции «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М. С. 225–230.

¹⁶⁵ Дай Цин Гаоцзун... Цз. 667. Л. 14.

шурина Аблая в Или: «В своём докладе ты говоришь, [что] Умор прежде жил в Или, а ныне собирается возвратиться на [своё] старое место. Пусть будет согласно вашей просьбе. Милостиво жалуем Умору звание цяньцинмэн шивзэ (офицера гвардии дворцовой охраны. – К. Х.), разрешаем ему прибыть временно сюда для подготовки жилья, дабы в будущем перевезти семью. Отдельно жалуем Умору и его братьям ляны серебра на дорожные расходы. Доводим это до твоего сведения»¹⁶⁶. Родственник Аблая, символически числясь офицером гвардии с соответствующим жалованьем, получил от императора помощь для обустройства. Затем было отдано распоряжение дутуну, князю Мин Жуэ, об устройстве Умора: «Сообщалось, что Умор желает двинуться в путь в третьей луне будущего года, а потому приказывалось отправить на встречу ему чиновников, для чего следовало отобрать несколько ойратов, знающих казахский язык».

Еще император делился с Мин Жуэ своими сомнениями: «Говорят, что старшая сестра Умора является женой Аблая. Если действительно так, то зачем [ему] переезжать? Возможно, они предполагают, [что], если Умор будет проживать в Или, то он сможет [заранее] предупредить о набегам, подготавливаемых илийскими [нашими] слугами на казахов, перешедших границы их кочевий? Нельзя исключить и это. Однако пока это одни предположения»¹⁶⁷. Мин Жуэ приказывалось внимательно следить, чтобы до казахов не дошла весть о подготовке операции по выдворению их с пастбищ Или и Тарбагатай.

Аблай выбрал для залога знатного человека, но ойрата, несмотря на то, что при жизни Галдан-Цэрена тот подстрекал к походам против казахов. Аблай убивал двух зайцев: отдавал в заложники непопулярного в его владениях чужеземца и в то же время сохранял ему жизнь¹⁶⁸.

Подозрения же китайских властей в том, что так называемые аманаты направляются иноземцами для получения ценных сведений, оправдались. Башкирский старшина Шукур и др., ездившие к султану Аблаю с целью выяснения его отношений с Китаем, сообщали через два года после описываемых событий: «...китайские генералы, живущие в

---

¹⁶⁶ Циньдин пиндин... Цз. 18. Л. 6.

¹⁶⁷ Там же. Цз. 18. Л. 10, об. 11.

¹⁶⁸ Там же. Цз. 19. Л. 9, об. 10.

новозаведённых [крепостях] на разорённой калмыцкой земле, советуют тайным образом, чтоб Аблай-солтана позвать к себе, якобы для свидания. Однако ж-де чрез находящихся в той китайской земле Кинзи-сарта детей, а Аблай-солтана родных шурьев тайным же образом чрез приезжающих и торгующих киргис-кайсака оной солтан уведомлен, чтобы на зов китайских генералов не ездил, а ежели-де приедет, то сам погибнет, и его жительство раззоритца»¹⁶⁹.

Как видно из документов, заложники исполняли в какой-то степени функции консульства: сообщали информацию, знакомили своего правителя с обстановкой в стране и при дворе, проявляли заботу о приезжавших соотечественниках, встречали и провожали их, боролись за их интересы.

Подводя итоги, следует отметить, что институт аманатства являлся формой международного соглашения, в которой одна из сторон была более слабым политическим партнёром. Неравноправность соглашения заключалась в том, что слабое независимое или полунезависимое государство соглашалось на выдачу заложника на определённый срок. В то же время его зависимое государство решало таким путём полностью или частично собственные проблемы политического и экономического характера.

Сама форма регулирования дипломатических связей через аманатство показывает относительную самостоятельность владения, поскольку сильный партнёр прибегал к нему, не имея других, более эффективных способов подчинения. Институт аманатства был традиционным способом нормализации отношений феодальной дипломатии. В определённой степени признание слабой стороной верховной власти сильного государства было формальным, а потому недолговечным. Регулирующая роль заложничества, добровольного или вынужденного, прослеживается в международных отношениях на протяжении огромного исторического отрезка. Его живучесть объясняется функционированием патриархально-родовых традиций и в новое время.

Институт аманатства можно рассматривать и в другом аспекте. Долгосрочное пребывание в чужой стране давало возможность войти в курс ее политической жизни, получить необходимую информацию. Не случайно наиболее сильным аргументом противников института заложничества в Китае

---

¹⁶⁹ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. С. 669.

было то, что заложников и послов подозревали в шпионаже. Если же аманаты содержались на окраинах империи, то здесь они вводили в курс дела своих соотечественников, обычно приезжавших сюда для торгового обмена, а также послов. Поэтому правители добивались того, чтобы у них была постоянная связь со своими представителями в чужой стране, каковыми были заложники.

Институт аманатства действовал столетия в силу своей оптимальности, наряду с другими дипломатическими институтами.

Институт вассалитета

В эпоху Цин основные принципы китайской дипломатии были обобщены, систематизированы и доведены до совершенства. Во второй половине XVIII в. Китайское государство достигло небывалого могущества. В немалой степени этому способствовало завоевание Восточного Туркестана и Джунгарского ханства, которое накладывало отпечаток на отношения Цинской династии с многочисленными владениями Азии. До 20-х гг. цинская политика в Центральной Азии проводилась с позиции силы. В этом было её отличие от политики Минской династии.

Внешне и минская, и цинская дипломатии оперировали одними и теми же институтами традиционной китайской дипломатии, главной среди которых была данническая система отношений. В обиходе дипломатии использовались понятия, неадекватно отражающие степень зависимости. Послы из Аравии, державы Тимура или Бешбалика в минскую эпоху назывались рабами (нуби), слугами (чэнь). В русской дипломатии XVII в. князьки Сибири, Алтая и других окраин также назывались холопами и рабами. С развитием общества развивалась и дипломатическая терминология. «Шичэнь» в китайской дипломатии означал то же, что и *ambassador*, посол в английском и французском языках, первоначально имевших значения «вассал», «приверженец».

Окраинные народы в эпоху Мин назывались сы (дальние народы четырёх стран света, букв. – четыре дальних). По представлениям древних китайцев, земля имеет квадратную форму, в середине её располагался Китай, а по окраинам – другие народы. Сам термин вассал – фань, по мнению Цянь Шифу, получил широкое распространение в эпоху Цин, а

точнее, в период правления Цяньлун (1736–1796)¹⁷⁰, когда территория империи небывало расширилась за счёт стран Центральной Азии. Расширились и углубились отношения Цинской империи с другими народами. Новое время породило новые дипломатические термины (вай фань – внешние вассалы, пинь фань – заслон).

Феодалная дипломатия делила правителей на крупных и малых в зависимости от мощи управляемого ими государства. Поскольку Цинская империя была наиболее крупным и могущественным государством Центральной Азии с крестьянским натуральным хозяйством, то строила отношения с другими государствами как со своими вассалами. Особенно наглядно это прослеживается на отношениях цинской династии с монголами. С монгольскими князьями связано появление нового термина в китайской дипломатии – вайфань (внешние вассалы).

И. С. Ермаченко по этому поводу пишет: с разгромом монгольского ханства Чахар начался быстрый процесс превращения южных монголов из союзников в подданных маньчжурского императора, имевших в Цинской империи особый статус внешних вассалов¹⁷¹. Точнее было бы сказать, что южные монголы из внешних вассалов постепенно превратились в подданных империи в современном понимании этого слова. По мере подчинения чахаров росло число хошунов (знамен). Вскоре по знаменной системе была подчинена и Внешняя Монголия. Цянь Шифу считает, что с введением хошунной системы управления в Монголии и вхождением территории этих знамён в состав Цинской империи отношения между Монголией и Цинской империей начали меняться и превращаться во всё более выраженные связи типа сюзерен – вассал¹⁷². Монгольские знамёна, в отличие от маньчжурских восьми знамен, стали называться внешними. Впоследствии к последним было присоединено зелёное знамя, состоявшее из китайцев. Однако вайфань подразумевал не только географическое положение застенных монголов – постепенно термин приобрёл политическое значение.

Монголы имели другой статус, нежели покорённые китайцы. Они занимали более привилегированное положение

---

¹⁷⁰ Цянь Шифу. Циндайды вайцзяо цзигуань. Пекин, 1959. С. 9.

¹⁷¹ Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии. Цин... С. 69.

¹⁷² Цянь Шифу. Циндайды вайцзяо цзигуань. Пекин. 1959. С. 9.

по сравнению с китайцами, во всяком случае, во второй половине XVIII в. В то же время их положение нельзя сравнить с положением господствовавших маньчжуров, несмотря на то, что управление ими также осуществлялось через знаменную систему. Отношения цинской династии с монголами постепенно стали приобретать характер внутривнутригосударственных, хотя внешне имели форму вассальных. Процесс огосударствления земель монголов шёл поэтапно, что постепенно привело к потере вассальных привилегий вначале южными монголами, а затем северными. Долгое время их положение оставалось промежуточным между маньчжурами и китайцами.

В 50-х гг. XVIII в., когда и северные, и южные монгольские князья в китайских документах выступали как внешние вассалы, на западных монголов – ойратов этот статус не распространялся. В 1653 г. на дворцовом приёме в честь нового года среди присутствовавших на нём перечислены маньчжурские и китайские князья, предводители (тоуму) 27 знамен вайфань (внешних вассалов) и отдельно ойраты¹⁷³. Следовательно, в то время ойратов ещё не причисляли к вайфань.

В то же время ойраты того времени в дворцовых хрониках предстают в числе данников маньчжурской династии, к которым относились все политические партнёры. Таким образом, монголы были первыми внешними вассалами этой династии. В то же время отношения монгольских знамен с правительством на первых порах не предусматривали их полную и безоговорочную подчинённость. Они обладали некоторыми суверенными правами, князья относительно самостоятельно управляли своими хошунами. Теряя постепенно родовые привилегии, они всё более становились ставленниками Цинов. Монголы должны были участвовать в войнах Цинской династии, поставлять регулярно войска, нести охрану на границе, обслуживать почтовые станции на пограничной территории. В то же время, если другие вайфань примыкали к походам маньчжуро-китайских войск, исходя из собственных интересов, монголы не имели права уклоняться от этого. Кроме того, они были обязаны поставлять коней для военных походов, а также для военных и почтовых станций в Синьцзяне и Монголии.

Кроме вайфаня цинская дипломатия взяла на вооружение

---

¹⁷³ Дай Цин Шицзу чжанхуанди шилу. Цз. 71. Л. 1, об. – 2.

принцип пиньфань (забор, заслон). Этот термин отличается от вайфань лишь первым иероглифом «пинь», который означает ограждение, ограду, экран. В ряде случаев используется синоним слова «пиньби», «фаньли» («заграждение», «изгородь»).

В «Циньдин Синьцзян шилюэ» помещены рассуждения о месте и роли народов Центральной Азии в геополитике Китая. В частности говорится: «На территории новых пределов (Синьцзяня. – К. Х.) проживают многие народы. Среди них, к примеру, мусульман (уйгуров), проживающих на Южной территории, и ойратов, проживающих на Северной территории, большинство которых несут повинности и включены в списки податного населения, решительно нельзя называть вайи (внешними варварами, иноземцами). Также нельзя причислить к вайи Турфантэ и Хошоутэ¹⁷⁴, тех, кто попирает эти земли и живёт тем, что растёт на ней. Что касается тех, кто живёт за пределами страны (бяньвай) во владениях: Вахан... Дарваз... Кундуз... Ош (18 станций от Яркенда), Андижан (22 станции от Яркенда), Маргелан (24 станции от Яркенда), Коканд (25 станций от Яркенда), Наманган (27 станций от Яркенда), Ташкент (28 станций от Яркенда)... Бухара (40 станций от Яркенда)... Бадахшан (25 станций от Яркенда)... Кашмир (51 станция от Яркенда), Лахор (62 станции от Яркенда), Вэньдустан (Индустан – 94 станции от Яркенда), хотя с ними иногда обмениваемся товарами, но так как их земли захолустны и находятся далеко на окраине, то не было необходимости в караульной службе [между ними]. Они граничат с Яркендом, Кашгаром, Или, Тарбагатаем. Заслоном для нас являются только владения казахов и бурутов (киргизов)»¹⁷⁵. Как видно из приведённого документа, из всех народов к «забору» были отнесены только казахи и киргизы, поэтому на их кочевьях в Синьцзяне была задействована сложная система пограничных караулов, большая часть которых находилась к северу от Кашгара, Или, Тарбагатая. Среднеазиатские ханства и часть Киргизии, прилегающая к Ферганской долине, к «забору», «заслону» не относились.

Известный историк Вэй Юань выразился более точно: «На территории к югу и северу от Тяньшаня проживает множество иноземцев, однако только смежные земли перемешанно

---

¹⁷⁴ Турфанский округ и Цинхай (Кукунорских хошоутов).

¹⁷⁵ Циньдин Синьцзян шилюэ. Цз. 12. Л. 2.

проживающих казахов и бурутов являются для нас забором»¹⁷⁶.

Другой известный историк Хэ Цютао в очерке о казахах отмечал: «На востоке [территория казахов] граничит с Тарбагатаем, на юге – с Или. Территория между двумя городами, благодаря казахам, является для нас заградительным [экраном – пиньби]»¹⁷⁷. И действительно, на границе с Илийским и Тарбагатайским округами находилась наиболее густая сеть караулов трёх типов – постоянных, передвижных и дополнительных.

Один из крупных военно-административных деятелей в Синьцзяне На Яньчэн писал о киргизах, проживавших к северу от Кашгара: «Нет дела, тогда служили нашей преградой; есть дело – использовались как лазутчики, направлялись для сбора разведывательных данных»¹⁷⁸. Такая точка зрения распространялась на киргизов во времена правления Цяньлун, когда Уйгурия (Хуйцзян) уже была покорена. Когда же возникли волнения уйгуров, киргизы рассматривались как источник информации, через них добывались сведения о настроениях уйгуров, положении в кочевьях закордонных киргизов Прииссыккуля и Ферганской долины и в Кокандском ханстве. Однако материалы показывают, что основным источником сведений как для китайских пограничных властей, так и для русских служили купцы казахов, киргизов.

Пин фани должны были играть оградительную роль, но такая же роль предназначалась для всех фаней и вай фаней. К пин фаням относились кочевые народы. Кочевниками Кашгарии были киргизы, в Или и Тарбагатае, кроме казахов, кочевали ойраты-торгоуты и монголы. Казахи и киргизы имели собственные крупные государственные образования по соседству с Цинской империей и не теряли этнических, политических контактов с соплеменниками Синьцзяня и Монголии. Эти государственные образования граничили также с Российской империей и Кокандским ханством, которое крепло и расширялось. Районы Средней Азии и Казахстана на западе и севере постепенно поглощались этими крупными государствами или добровольно принимали их протекторат.

Кокандское ханство было инициатором движения

---

¹⁷⁶ *Вэй Юань*. Шэньцзи. Цз. 4.

¹⁷⁷ *Хэ Цютао*. Шофан бэйчэн. Пекин. 1899. Цз. 6. Л. 1.

¹⁷⁸ *Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь*. Сб. мат-лов по истории уйгуров. Пекин, 1956. С. 151.

религиозных лидеров Восточного Туркестана и добивалось крупных преимуществ в торговле с Восточным Туркестаном. Оно не только не поддавалось влиянию Китая, но успешно соперничало с ним во влиянии в Восточном Туркестане. Китайские учёные Фэн Цзяшэн, Чэнь Суло и Ма Гуанвэнь на основании тщательного изучения цинских источников пришли к выводу, что киргизы (юуруты) рассматривались китайской дипломатией в качестве «забора между Кокандом и уйгурами»¹⁷⁹. Следовательно, Коканд не мог рассматриваться как пинь фань. Им могли служить лишь разрозненные феодальные владения.

Камнем преткновения в кокандско-цинских отношениях был вопрос о ходжах. Он неоднократно поднимался Цинской империей, приводя к обострению отношений с Кокандским ханством. Однако среднеазиатские правители не спешили расстаться со своими знатными единоверцами. Их активная политическая деятельность способствовала вовлечению народов Средней Азии в борьбу с Цинской династией.

С кочевыми владетелями цины вели политику постоянных контактов и требовали от них, чтобы те не давали прибежища врагам Цинской империи, способствовали их поимке и выдаче в руки цинских властей. Статус пинь фаня, в русле которого рассматривались казахи и киргизы, предусматривал это непереносимое условие. В 1828 г. император Даогуан писал одному из казахских султанов, кочевья которого в Семиречье граничили с киргизскими кочевьями: «Если Джахангир, скрываясь, достигнет близлежащих земель, ты должен разведать это, захватить его, связать и переправить в Или. Мы [император] непременно, как было Нами объявлено [езде], в награду выдадим тебе 2 тыс. слитков серебра (юаньбао), кроме того, пожалуем титул ван с правом вечного наследования его твоими детьми и внуками.

С настоящим письмом ты [тоже] получишь драконовы дары (подарки от имени императора. – К. Х.), а проявив усердие, почувствуешь еще большую Нашу милость. Усердно трудись, будь вечным заслоном Небесной династии и можешь надеяться на Нашу вечную поддержку»¹⁸⁰.

Следовательно, для того, чтобы быть заслоном Цинской империи, требовалось разведать местонахождение ходжи

---

¹⁷⁹ См.: Вэйурцзу шиляо цзянбянь. Ся. С. 159.

¹⁸⁰ Дай Цин Сюаньцзян Чэнхуанди шилу. Цз. 131. Л. 17, об. – 18 об.

Джахангира, постараться поймать его и передать в руки Цинской династии. Наградой за это было заранее объявленное вознаграждение, которое могло быть выдано любому, кто доставил бы «бунтовщика».

За все услуги, в зависимости от их политической значимости, выдавалась определенная плата и обеспечивалось общее благожелательное отношение цинского правительства. Может быть, для понимания политического термина «вайфань» и политики об отношении к вайфаням можно судить из высказывания одного из цинских чиновников: «Чиновники в Уйгурии (Хойцзян) по своей должности являются пастухами, уйгуры же – овцы, Коканд – волк; бурутов, являющихся нашей изгородью (фаньли), можно сравнить с собаками. В 6-м и 10-м гг. правления Даогуан (соответственно 1826 и 1830 гг. – К. Х.) кокандцы вновь напали на наши земли, стали есть наших овец. Волков – много, собак – мало. Собаки, следуя за волками, также стали пожирать овец. Потому-то их лаю нельзя доверять полностью»¹⁸¹. Зоологический расклад показывает не только отношение Китая к оппозиции, но и место «внешних вассалов» в китайской геополитике.

Из приведенных отрывков ясно, что Коканд, как сильное государство, не относился к цинским дипломатам как к пиньфаням. «Заслоном» могло служить только слабое по сравнению с Цинской империей государство, имевшее с ней общую границу. Титулы кокандских ханов никогда не признавались китайским правительством, в то время как пиньфани получали не только подтверждение своим титулам в Китае, но и удостоивались китайских титулов. Пань Чжипин замечал: «Положение Коканда было неодинаковым с положением казахов и бурутов». В то же время оно отличалось и от положения Афганистана и Хиндустана, «было промежуточным между ними»¹⁸². Безусловно, Кокандское ханство было более прочно втянуто в систему международных отношений в Центральной Азии, а потому занимало особое место в «западной» политике Китая. Когда Коканд развернул военные действия в Киргизии и Южном Казахстане, т. е. против пиньфаней, это встретило протест цинского правительства.

---

¹⁸¹ Фэн Цзяшэн, Чэнь Суло, Му Гуанвэнь. Указ. соч., С. 161.

¹⁸² Пань Чжипин. 1759–1820 нянь Цин юй Хаоханьди гуаньси. Отношения Цинской империи с Кокандом в 1759–1820 гг. // Синьцзян шэ-хой кэсюэ. 1985. № 2. С. 91.

От вайфаней и пиньфаней регулярный приезд посольств в Китай приветствовался и поощрялся. Снисходительно в целом цинское правительство относилось и к нарушениям установленных сроков прибытия этих посольств в Пекин. В то время как из Коканда оно соглашалось принимать посольства не чаще одного раза в 3-5 лет¹⁸³. При этом постоянно строились различного рода препоны, затруднявшие приезд кокандского посольства и его прием при дворе. Это были проблемы протокольного характера, возникавшие в Китае практически со всеми посольствами Азии и Европы.

Кокандские беки и ханы писали грамоты цинскому императору и правителю Кашгара в одинаковых выражениях, ставя их на одну доску, что вызывало резкий протест цинского правительства¹⁸⁴. В связи с этим кокандских послов по прибытии в Кашгар и в ходе переговоров с местной администрацией заставляли переписывать эти послания. К примеру, в 1806 г. послание кокандского хана Алима наместник Кашгара отверг на основании того, что слова в нем были «недостаточно почтительны». Решено было не допускать посольство в Пекин и возвратить обратно из Кашгара. Посол хана Алима, чтобы не допустить провала важной миссии, пошел на уступку, оправдываясь: «Мы невежественные мусульмане, а правитель наш молод. Несведущи в этикете Небесной династии»¹⁸⁵.

Извинения посла, переданные в духе китайских правил и приличий, были приняты. Этому в значительной мере способствовал довод, приведенный кашгарским цзанцань дачэнем На Янчэном в его докладной трону. Он выяснил, что в течение 47 лет из Коканда было прислано 24 грамоты. По его мнению, содержание этих грамот показывает, что «кокандцы никогда не понимали разницы между почтительностью и угодничеством, таковы их обычаи». Он подчеркнул, что не только юный «бек, но и его предки и дядья совершенно не понимали разницы между уважением и пресмыкательством, и по этому поводу нет смысла полемизировать»¹⁸⁶.

Компетентное заявление высокопоставленного сановника ставит под сомнение все без исключения послания кокандских

---

¹⁸³ Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии. С. 87.

¹⁸⁴ Кузнецов В. С. Указ. раб. С. 86.

¹⁸⁵ Да Цин Жэньхуанди шилу. Цз. 216. Л. 2–3.

¹⁸⁶ Пань Чжипин. Указ. раб. С. 89.

правителей в течение почти половины столетия в смысле выражения ими «почтительности и послушания». Первое послание из Коканда в китайской передаче гласит: «Ирданабек приветствует могущественного и храброго генерала, уполномоченного высочайшим императором повелением командовать войсками. Благодарение Аллаху, император безмерно счастлив, а мы все живые существа мирно трудимся. Слышали, что после прибытия генерала в Яркенд и Кашгар, буруты и казахи строгим приказом приведены к спокойствию. Однако к нам такой указ еще не прибыл, пребываем в ожидании днем и ночью. К счастью, шивэй доставил письмо генерала. Мы все должны стать слугами (чэньпу) великого императора. Только тогда навечно получим процветание, не могу сдержать радости!»¹⁸⁷.

Письмо Ирданы было получено в 1759 г., когда генерал Чжо Хой, возглавлявший поход в Восточный Туркестан, отправил шивэя Дакэтаная в Коканд, а также в Маргелан, Андижан и др. города Средней Азии. В 1757 г. тот же Чжо Хой переправил в Пекин письмо казахского султана Аблая с выражением радости по поводу покорения Джунгарского ханства Цинской империей и готовности «стать слугой (вассалом)» могущественного императора¹⁸⁸. Теперь Чжо Хой заверял Ирдану и других среднеазиатских правителей в том, что казахи и киргизы «умиротворены». Безусловно, он также сообщил о покорении Восточного Туркестана. Ирдана либо не выразил своего отношения к этому, либо китайский источник скрыл его. Отношение могло быть только отрицательным. Как бы то ни было, представители пиньфаней, а тем более вайфаней должны были составлять свои послания «в почтительных выражениях», долженствующих демонстрировать «старшинство» китайского императора. В противном случае письмо могло не дойти до адресата, а дипломатическая миссия провалиться.

Монгольские, уйгурские вайфани судились по законам Цинской империи, в то время как представители пиньфаней могли избежать наказания по китайскому законодательству. Торговцы пиньфани облагались более низкой пошлиной или вовсе освобождались от нее, ограничиваясь подарками чиновникам синьцзянской администрации.

---

¹⁸⁷ Там же. С. 88.

¹⁸⁸ Дан Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу. Цз. 543. Л. 16–16 об.

По мнению Пань Чжипина, самое большое, что требовалось от «малых государств», это быть «изгородью» (фаньли), гарантирующей мирное развитие сельскохозяйственных районов Центральной равнины и (политическую. – ?) стабильность. Поэтому Цинская династия, считая себя «Небесной династией» на положении «владыки Поднебесной», объявляла приказы окружающим малым иноземцам, вынуждая их «почтительно повиноваться»¹⁸⁹.

Исходя из сказанного, если рассматривать центральный Китай как крепость, то крепостная стена и ров – это вайфань, а окружающий труднодоступный рельеф – это пиньфань.

Прикрывающая роль пиньфаня означала, что маньчжурская династия в 20-х гг. XIX в. частично отказалась от экспансионистской политики, что выразилось, в частности, в следующем принципе: «Получив их земли, не стоит их обрабатывать, а получив их народ, не стоит его принуждать». Это была политика сильного государства по отношению к слабому, направленная на сохранение статус-кво.

Оградительная функция «заслона» проявилась и в организации караульной службы. Караулы проходили по кочевьям казахов и киргизов, искусственно отделяя синьцзянских кочевников от их сородичей в Киргизии и Казахстане. Вначале ставились знаки в виде груды камней, однако расстояние между ними простиралось от 100 до 500 км. «Посылать туда солдат для охраны равносильно тому, что впасть в положении всадника, не достающего плетью до живота лошади», – замечал по этому поводу илийский цзяньцзюнь Мин Жуй в 1763 г.¹⁹⁰ Это означало, что казахи и киргизы не признавали установленную линию. Тогда было решено дислоцировать на границах Синьцзяна гарнизоны войск сибиряков, солон, халха-монголов и ойратов. Караулы этих четырех гарнизонов подразделялись на постоянные, передвижные и временные.

Постоянные караулы были расположены у главных горных проходов и течений рек. Передвижные караулы, имевшие постоянный контингент войск, меняли свое расположение в зависимости от перекочевков казахов и киргизов и других объективных (разливы рек, снежные заносы и пр.) и субъективных (подстраховка китайского посольства в кочевья,

---

¹⁸⁹ Пань Чжипин. Указ. раб. С. 89.

¹⁹⁰ Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюэ. Сюйбянь. Цз. 23. Л. 13–15.

карательные действия в Синьцзяне) причин. Чаще всего расположение передвижных караулов зависело от времени года и имело от двух до трех дислокаций.

Временные караулы выдвигались вперед по политическим соображениям. Политические стратегии сравнивали их срогами животного, что предполагает сочетание оборонительных функций временных караулов с наступательными. Однако передвижные и временные караулы могли осуществлять охрану на ограниченной территории. С ослаблением, а затем и изживанием статуса пиньфань они постепенно сокращались, а затем и вовсе прекратили свое существование. Об исчезновении временных и передвижных караулов говорят и сами китайские ученые¹⁹¹.

Итак, пиньфани должны были главным образом «сдерживать свой народ», охранять границу империи, чтобы предотвращать конфликты. Охрана заключалась не в том, что они несли какую-то службу на границе, а в том, чтобы не допускать антикитайских действий своих подвластных, а также нарушений линий караулов. Кроме того, не поддерживать действия других народов, направленных против Цинской империи.

Под выполнением всех этих обязательств предусматривали статус «забора». Они рассматривались китайской дипломатией в русле общих «вассальных» обязательств других владетелей Центральной Азии. Статус «забора» предусматривал определенные обязательства со стороны китайского правительства, признание относительной самостоятельности феодалов окраин обширной империи и политическую, экономическую поддержку в случае необходимости правителей соседних владений.

Таким образом, пиньфани должны были играть охранительную роль внешнего и внутреннего порядка. Синьцзянские пиньфани служили преградой между собственно Китаем и Уйгурией, а закордонные – между Китайским государством и другими державами.

Китайцы внимательно следили за событиями в соседних странах и во всем Сиюе. Безусловно, чем ближе находилась страна, тем больше было возможностей получать достоверную и исчерпывающую информацию. Китайские хронисты записывали основные политические события чужеземцев,

---

¹⁹¹ *Пан Чжунтин*. Указ. раб. С. 93.

смену правителей у них, особенно тщательно велась запись приезда иноземных посольств, перечня их подарков. Аналогичным образом фиксировались и китайские посольства, направляемые в чужеземные страны. Датировались они по китайскому календарю. Возможно, это делалось для унификации хронологии, для удобства и в силу привычки и обычая китайцев.

Рассылка календарей в другие страны стала практиковаться уже при первом императоре династии Мин. Правители этих стран должны были помечать свои официальные послания в Китай под девизом правления царствующего китайского императора, как это издревле было принято в Китае. Если требование китайских дипломатов не исполнялось, это вызывало протест Министерства обрядов¹⁹². На всех посланиях среднеазиатским правителям, в том числе тем, чьи кочевья находились в непосредственной близости от Синьцзяна или на его территории, отправленных китайским пограничным властям, либо в Пекин, ставилась дата по мусульманскому календарю. Таким образом, и в минскую, и в цинскую эпохи китайским политикам не удалось заставить чужеземцев придерживаться принятого в Китае лунного календаря.

Китайское летоисчисление особенно широко пропагандировалось в цинский период. В целях унификации исчисления времени на территории огромной империи монгольским, восточнотуркестанским князьям и бекам, старшинам (тусы) южных неханьских племен и всем другим правителям вместе с другими подарками, несущими определенную символику (одеждой, головными уборами с шариками и перьями ворон и павлина и т. д.), выдавались своеобразные табели-календари. Например, в табеле-календаре, выданном торгоутам, перекочевавшим с Волги в Синьцзян, была расписана очередность приема торгоутских феодалов в императорских дворцах в Пекине, Жэхэ (Монголия) или Шэ (Мукдене). Указывалось место, которое занимает феодал на иерархической лестнице, ведущей к подножию императорского трона. Большей частью оно зависело от знатности происхождения феодала, его политической роли во владении, личных заслуг феодала или предков перед маньчжурской династией.

---

¹⁹² Бокщанин А. А. Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. М., 1968. С. 34.

Таким образом, табель-календарь схематически изображал подобие пирамиды, на вершине которой было место цинского императора, а далее по нисходящей – место его «верных слуг». Это было наглядным доказательством отношений по схеме «сюзерен – вассал»¹⁹³. По этой схеме рассматривались отношения со всеми правителями Сиюя. Цинская дипломатия считала своим долгом составлять календари для правящих домов других стран либо для крупных феодалов, игравших заметную роль в силу своей знатности или политической роли. Цинские дипломаты уже с первых дней установления политических и прочих связей прилагали усилия к составлению реестра среднеазиатской знати. Известен случай, когда в ставке одного из султанов казахского Среднего жуза тайно составлялся список казахской знати. Дело это было не столь безобидным, как могло показаться на первый взгляд, поскольку включение владетеля в список и составление календарей с указанием очередности приезда в Пекин предусматривались институтом вассалитета.

С изданием табели разъяснялись и правила общения феодалов, вошедших в реестр, с цинским двором, которое должно было осуществляться только через главного наместника императора в Или, т. е. цзянцзюня. Это касалось не только монгольских князей и уйгурских беков, или казахских султанов Синьцзяна, или Кобдоского округа в Монголии, но и младших представителей правящих домов Средней Азии, Казахстана, которые хотя бы раз приезжали ко двору. Сроки прибытия ко двору тех и других часто приурочивались к одной дате.

Как заметил А. Д. Воскресенский, термин «вайфань» содержит несколько значений¹⁹⁴. Он подразумевал правителей независимых, но слабых в политическом значении государств и правителей номинально зависимых владений, а также зависимых владений. Однако при этом они должны были находиться за Великой Китайской стеной. Если даже категория вайфаней, как это случилось с монголами и их хошунами,

---

¹⁹³ Долбежев Б. В. Судьба калмыков, бежавших с Волги // Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. Спб., 1913. С. 5.

¹⁹⁴ Воскресенский А. Д. О многозначности термина «вайфань» // Материалы XVIII научной конференции «Общество и государство в Китае». С., 1987. Ч. 2. С. 163–165.

или уйгурскими хакимбеками с управляемыми ими городами и кентами, теряли свою независимость, отношения с ними продолжали внешне строиться по схеме сюзерен – вассал. Минская и цинская дипломатия как часть политической надстройки зависела от особенностей феодального Китайского государства, служила интересам имперской идеологии, а термин «вайфань» отражал специфику феодальной китайской дипломатии.

Глава IV

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И ДИПЛОМАТИЯ

Конфуцианство и дипломатия

В исследуемый период главным идеологическим учением Китая было конфуцианство, оказавшее огромное влияние на все сферы жизни Китая, в том числе и на международную.

Официальной идеологией конфуцианство стало при династии Хань (II в. до н. э. – II в. н. э.). Именно в это время были установлены связи Китая с регионом Сиюй. Тогда же, в условиях установления и расширения связей Хань возникли и развивались дипломатические принципы, ставшие традиционными. Конфуцианство, интересуясь историописанием, наложило серьезный отпечаток на формирование отношений Китая с государствами Сиюй, на их официальную оценку в каждый последующий исторический период вплоть до XIX в. Влияние конфуцианства ощущается и сегодня.

Конфуцианские ученые оставались хранителями и учителями моральных и государственных общественных ценностей. Конфуцианство не создало религиозной организации, оставаясь главным образом социальным учением. Оно занимало ведущие позиции в важных областях знаний, относящихся к регулированию отношений между людьми и управлению людьми. Из опыта конфуцианства черпались принципы регулирования отношений в семье, обществе, управления страной. Конфуцианские ценности стали основой и для построения взаимоотношений между государствами. Конфуцианское учение гибко и плавно переходит из сферы социальных отношений в политические отношения. Отношения в семье, по нему, были основой отношений в обществе и государстве. В семье – уважение к предкам, почтительность к ее главе – отцу, в государстве – послушание и уважение к монарху. Регулирование отношений в семье должно было основываться на строгой иерархии соблюдения старшинства и почитания старших.

В XIV–XIX вв. в государствах Центральной Азии преобладали феодальные отношения, с которыми сосуществовали пережитки первобытно-общинного строя. Сохранению институтов патриархально-родового строя способствовали низкий уровень экономического развития народов Центральной Азии, замкнутый и натуральный характер хозяйства. Весьма широко распространенной формой религиозных верований была идея патриархально-родовых связей. Живучесть традиций патриархально-родового строя объяснялась тем, что среди народов Центральной Азии довольно строго соблюдалось родовое деление. Это отражалось в генеалогиях родов, в названиях их и прозвищах. К примеру, узбекское племя минг, от которого произошла династия кокандских ханов, называло себя ак бугра (верблюдо-производитель), а племя йуз – ак тайлак (белый годовалый верблюжонок). Эти прозвища, безусловно, указывали на старшинство династии минг в племенной иерархии¹.

За право называться старшим братом приходилось платить политическими и экономическими уступками. Патриархально-родовые традиции накладывали глубокий отпечаток на формы дипломатической деятельности в феодальных обществах Европы и Азии. В обращении правители называли друг друга братьями, что подчеркивало их принадлежность к господствующему классу. Так, английский король Эдуард IV обращался как к брату к китайскому императору Канси. В Азии плата за это была достаточно высокой. Так, император династии Сун за привилегию называться старшим братом обязался ежегодно платить императору киданей 200 тыс. кусков шелка, 100 тыс. лянов серебра². Не меньшей была плата за право называться старшим братом в отношениях сунских императоров с тангутскими правителями. За такую привилегию следовало ежегодно платить 40 тыс. лянов золота, 40 тыс. кусков шелка, 40 тыс. связок монет и 20 тыс. цзиней чая. При этом «для сохранения лица» нелегкая плата выдавалась под видом помощи от китайского правительства или выкупа за безопасность границ³. В результате сохранялось

---

¹ Бейсембиев Т. К. «Тарих-и Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата, 1987. С. 10.

² Тюнь Е. Т. О договорах сунского Китая с государствами Ляо и Си Ся // Материалы XVIII научной конференции «Общество и государство в Китае». М., 1987. Ч. 2. С. 59.

³ Там же. С. 61.

примерное равновесие сил: одна сторона сохраняла видимость старшинства под видом старшего брата, а другая, поступаясь внешней престижностью, получала экономическую выгоду.

В дипломатии Центральной Азии, кроме отношений под видом старшего и младшего братьев, были отношения дядя-племянник, отец-сын. Последний тип отношений показывал большую степень неравноправности, чем два предыдущих. Поэтому послание, оформленное в виде письма от «отца» к «сыну», воспринималось получающей стороной зачастую как прямое оскорбление и посягательство на суверенитет государств. Известен случай с Мухаммед-хорезмшахом. Посольство Чингисхана к нему в 1218 г. заявило, что их хан наслышан о победах и могуществе шаха, а потому предлагает мирный договор и ставит его «наравне с самым дорогим из своих сыновей», высказывал уверенность, что, в свою очередь, и до шаха дошли слухи о монгольских победах, в особенности о завоевании Китая и о богатствах подчиненных им областей. Ответ Мухаммед-хорезмшаха монгольским послам гласил, что даже эти завоевания не дают права неверному называть его, обладателя огромной империи, своим сыном, т. е. вассалом.

В XVII в. отношения типа «старший брат – младший брат» были в дипломатии многих стран Центральной Азии и Русского государства. Алтын-ханы сами стремились установить такой тип отношений с русским царем. Однако развитие связей по этой схеме не отвечало интересам России, которая требовала признания ими своего «холопства», т. е. полной зависимости. В 1646 г. «Алтын-де царь прислал к ним (русским послам Якову и Дружине. – К. Х.) навстречу против государева жалованья двух человек тарханов своих Шубачи до Койтая, да с ними улусных людей двух человек. И Шубачей-де тархане говорил перед Яковом и перед Дружиною непригожее слово. Алтан-де царь царского величества меньшей брат и царского величества жалованью рад. И Яков-де велел за такое невежливое слово того Шубачина толмачю лаять. И Шубачин-де тархан в том винулся, а сказал, что-де он промылился»⁴. Как докладывали послы, другие приближенные феодалы Алтын-хана «также говорили... непригожее слово, что Алтын-царь хочет у царского величества быть в братстве, а не в холопстве. А Яков-де им про то смолчал и давал им госуда-

---

⁴ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1636–1654... С. 277.

рева сукна»⁵. Таким образом, правители сибирских владений были не против установления отношений по схеме братства, они готовы были признать «старшинство» русского царя, но желали бы иметь отношения побратимства, т. е. признавали определенную степень зависимости без утери суверенитета.

Цинский император Цяньлун также предлагал казахскому хану Аблаю относиться друг к другу «яко от единого отца происшедшие дети», однако «старшинство» предполагалось за ним.

Таким образом, категория патриархально-родового общества активно применялась в практике международной деятельности и в новое время. Флер родовых отношений, наброшенный на межгосударственные, межправительственные связи, должен был отразить реальное соотношение сил. Право «старшинства» было за более сильным государем, который имел целью под видом «семейственности» со стороны держав навязать вассалитет или его подобие.

Патриархально-родовым отношениям свойственно уважение к старшим, в особенности к престарелым людям. Оно было характерно и для китайского общества. Еще ханьский император Уди, с именем которого связана активная политика в отношении Центральной Азии, принося жертвоприношения, «жаловал народу – каждым ста дворам – по одному быку и десяти даней вина, а всем тем, кто старше 80 лет, сиротам и вдовам – дополнительно – по куску полотна и шелка»⁶.

В монгольскую эпоху людям старше 80 лет специально командированные государственные чиновники выдавали подарки императора: 1 кусок шелка, 10 цзиней хлопка, 10 цзиней мяса и 11 ши риса (приблизительно 1 мешок. – *К. Х.*) и др⁷.

В эпоху Мин китайский император Юнлэ в 1405 г. передал через свое посольство пестрые шелка матери убитого правителя Хами⁸. Конфуцианская мораль требовала уважения к старшим: выдавались подарки в знак внимания и уважения к

---

⁵ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1636–1654... С. 277.

⁶ *Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 2 / Пер. с кит. и комментарий Р. В. Вяткина и В. С. Таскина / Под общей ред. Р. В. Вяткина. М., 1975. С. 276.*

⁷ Русско-китайские отношения в XVIII в. М., 1978. Т. 1. С. 631. Прим. 38.

⁸ Минши. Цз. 329. С. 31822.

возрасту, а после смерти известных из них выражалось соболезнование и выдавалась денежная помощь их потомкам. Эта мораль проявлялась и в отношении престарелых людей, живущих в соседней стране. Чем старше был возраст, тем вероятнее было, что о нем доложат императору послы чужеземцев.

Цинские императоры так же придерживались этого правила. Они расспрашивали послов о достопримечательностях стран, в том числе о людях, достигших преклонного возраста. Император Канси повелел составлять ежегодные списки престарелых⁹. Особенности внимания и неслыханное почтение этим императором было высказано одному китайскому сановнику. Свидетелем этих почестей был Лоренц Данг, прибывший в Пекин в составе русского посольства. Он писал: «Среди мандаринов третьей степени был мандарин, которому в новый год исполнилось 100 лет. Он был уже мандарином, когда правящие сейчас в Китае татары (маньчжуры. – К. Х.) захватили страну. К нему послал император своего первого камердинера и велел сказать, что ему предоставляется честь поздравить его величество в зале (тронном. – К. Х.). При этом когда он войдет, император встанет со своего трона, но мандарин должен знать, что эта честь оказывается не ему лично, а его возрасту!»¹⁰. Достигавшие столетнего возраста, как правило, были известны двору.

При совершении обряда поминовения китайским императором соседнему правителю отправлялись старики. Так, поминки от имени Цяньлуна казахскому хану Аблаю совершал командированный из Или (Кульджи) старец. Из уважения к его почтенному возрасту наследники Аблая усаживали китайского посланца на почтенное место. Именно это и было основанием отправки в далекий путь чиновника преклонного возраста. Уважение, высказанное ему, по существу трактовалось как уважение к китайскому правителю и Китайскому государству. В этом была политическая подоплека. К тому же, по принятому обычаю, старец не только мог, но и должен был читать нравоучения, увещевать и воспитывать. Увещевания и наставления были привилегией китайского императора, но в данном случае высказывались устами посла. Кроме того, нравоучения содержались и в послании императора чужеземному

---

⁹ Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1. С. 440.

¹⁰ Там же. С. 496.

правителю, составленному в традиционных выражениях конфуцианской морали.

На международной арене этим старшим автоматически рассматривался китайский император, который мог быть только «отцом» либо «старшим братом», либо, наконец, «дядей». Политический аспект этого явления заключался в том, что монарх Китайского государства представлялся выше всех других правителей, в качестве сюзерена, в то время как остальные занимали положение его вассалов. В связи с этим отношения между китайским императором и правителями других стран могли строиться только по принципу «сюзерен-вассал»¹¹.

Конфуцианское учение безболезненно и гибко приспособлялось к регулированию межгосударственных отношений, не изменяя себе принципиально. Как совершенномудрый монарх, китайский император должен был морально воздействовать на своих подданных, подчинять их себе не столько силой оружия, сколько путем «морального перевоспитания». Он должен был простираť это «воспитующее» начало на все политическое пространство Китайского государства. В понятие «воспитание» входило внедрение моральных принципов конфуцианства. Они были предназначены «к воспитанию в народе сыновей почтительности, почтительности младшего брата к старшему, преданности, верности, обрядовости, справедливости, бескорыстия и т. п.»¹². В минскую эпоху эти конфуцианские добродетели, приближающиеся к общечеловеческим, провозглашались путем выкрикивания по дворам или раздачей их текстов в семье. В устных, говоря современным языком, пропагандистских лозунгах, а также в текстах были следующие слова: «...Будь послушен и покорен отцу и матери, почитай и уважай старших и высших, живи в мире и согласии с односельчанами, воспитывай и обучай детей и внуков, каждый спокойно занимайся своим делом, не совершай дурных поступков...» и др.¹³

---

¹¹ См.: Китай и соседи. М., 1970; Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982; *Мартиныов А. С.* Статус Тибета в XVII–XVIII вв. М., 1978; Указ раб. *А. А. Бокцанина, И. С. Ермаченко.*

¹² *Боровкова Л. А.* Экзаменационная система, обряды и первый император династии Мин // Конфуцианство в Китае: Проблемы истории и практики. М., 1982. С. 203.

¹³ Там же.

Китайский государь, занимая место «отца», «старшего брата», имел священную обязанность поучать подобным же образом чужеземных правителей. При этом в основных истинах конфуцианской морали при выходе их на международную арену заменялись лишь отдельные слова. Вместо старших и высших указывались китайский (цинский) император или его наместник на окраине империи, вместо односельчан – соседние народы. Совет не совершать дурных поступков означал призыв не совершать их в отношении к Китайскому государству. Слова «каждый спокойно занимайся своим делом» означали «каждый спокойно живи в своем владении». Для кочевых народов добавлялись слова: «Не переходите границ своих кочевий».

«Поучения» китайского императора были непременной частью всех его посланий за рубеж, будь то английский король, русский царь или среднеазиатский хан. Как отец семьи, согласно конфуцианской морали, должен увещевать, наставлять и поучать своих чад и домочадцев, так и китайский император считал своей обязанностью поучать своих подвластных, а также тех, кто входил в сферу действия китайской политики, кто был причислен к так называемым вассалам. В политическом аспекте эти поучения преследовали цель наставлять иноземных правителей, для воспитания в них чувства лояльности по отношению к Китайскому государству. Эта политика называлась шэнцзяо.

В «поучениях», обращенных к чужеземцам, звучали неприкрытая или завуалированная угроза, всяческие посулы. Если за нарушение морали, за неблагоприятные поступки карало людей Небо или Бог, то иноземцев за нелояльные отношения к китайскому императору ожидало возмездие в виде «вторжения войск Небесной династии» и других карательных действий. Наказание должно было быть столь же неотвратимым, как и наказание Неба. За «послушание», «следование наставлениям» обещались «милость сверх меры», «вечная милость», «вечное спокойствие землям» чужеземцев. Политика шэнцзяо имела все оттенки благожелательности и враждебности, включала в себя призыв к добрососедству и недвусмысленную угрозу.

В 1724 году император Шуньчжи в грамоте к джунгарскому хану Цэван-Рабдану писал: «Ты, тайджи, действительно можешь ограничиться заповедями, [которые] заключаются лишь в [соблюдении] миролюбия и послушания, без двуличия

и подозрительности, в предельной искренности, в надежде на вечное хорошее. И тогда не только [будешь] иметь Нашу помощь в пестовании всего живого, [как ты того желаешь], но и твои, тайджи, кочевья навечно избавятся от тревог, [будете] жить в спокойствии и радости»¹⁴. В этих словах звучат неприкрытая угроза и политический нажим. Первую фразу можно понять двояко: и как призыв придерживаться определенных правил и заповедей, и как прямую угрозу жизни джунгарского хана. Фразу можно перевести как: «Ты, тайджи, действительно можешь умереть не своей смертью». Китайские дипломаты были весьма искусны в подборе иероглифов, вкладывая в них скрытый смысл.

Несколькими строками выше император писал: «Если ...будешь все делать, решать разумно, проявлять покорность, ты не будешь обойден нашими милостями, почестями и заботами. Как и раньше, будут разрешены торговый обмен и обмен посольствами»¹⁵.

Требуя выдачи одного из врагов Цинской империи, нашедшего убежище в Джунгарии, император в 1727 г. заявлял другому джунгарскому хану: «Уважай и выполняй мое повеление. Ты, тайджи, должен взвесить, что выгодно, что невыгодно, затем принять решение. О чем специально повелеваю». Император увещевал: «Сейчас ты еще молод, высокомерен... не ценишь добро, не понимаешь желания своих подчиненных жить в мире...»¹⁶.

В 1781 г. Цяньлун заявлял казахскому хану: «В знак признательности за наши милости строго сдерживай подвластных тебе казахов, дружно и любовно собери [вокруг себя] всех своих братьев, живи дружно с соседями. Не создавай конфликты, пресекай случаи грабежа».

Сменялись правители в Китае, воцарились новые лица и в соседних владениях, однако это существенно не влияло на характер «наставлений» и «поучений», посылаемых из Китая за рубеж. В 1823 году цинский император писал казахскому султану Губайдулле: «...ты должен испытывать

---

¹⁴ Дай Цин Шицзун Сяньхуанди шилу. Цз. 17. Л. 17 об. – 18. Ср. пер. этого отрывка с пер. из Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюэ, цяньбань. Цз. 13. Л. 27 об. // Международные отношения в Центральной Азии. Ч. 1. С. 256.

¹⁵ Международные отношения в Центральной Азии... С. 256.

¹⁶ Там же. С. 262.

чувство благодарности за нашу милость¹⁷, чутко управлять казахским народом, жить в дружбе со своим потомством и братьями, не создавать беспорядки, крепко охранять границу, строго относиться к разбойникам, жить в мире с соседями... Не надо думать [только] о собственном благополучии. Если ты действительно будешь, подобно своим предкам, усерден и осмотрителен, Мы будем особо заботиться о тебе. Если ты действительно будешь следовать наставлениям, то будешь пользоваться нашим благорасположением вечно. Не будь нерадивым!»¹⁸.

Под разбойниками подразумеваются противники цинской власти, которые могли бежать в Среднюю Азию и Казахстан, потерпев поражение в неравной борьбе, а также нарушители границ, угонявшие лошадей и другой скот из Монголии и Синьцзяна и т. п. Особенно четко это наставление внушалось владетелям, племена которых кочевали в непосредственной близости к китайским границам. Цяньлун писал казахскому султану Ханходже в 1783 году: «Ныне ты, наследник титула своего отца, должен быть глубоко благодарен за оказанные Нами милости, тщательно сдерживать своих подвластных. Приказывать приблизившимся к границам казахам откочевать подальше, согласно правилам. Пресекать случаи грабежа на границе. Все вы [ты и твой] братья должны жить в любви и дружбе друг с другом [а также] с соседними [вам] племенами, не укрывать у себя перебежчиков из других владений... Если ты по-настоящему будешь внимателен во всех делах, будешь помнить Наши благодеяния, предусмотрительно следовать Нашим наставлениям, Мы отплатим [за все] вдвойне»¹⁹.

Соседним владениям Китайское государство придавало охранительные функции, что предусматривало добрососедские отношения с ними. За поддержание порядка в улусах, пресечение нарушений границ и других беспорядков в качестве награды обещалось доброжелательное отношение цинской династии. Здесь уже нет обычных угроз за проявление «непослушания» и других нелояльных поступков. Причина, возможно, в том, что отношения с владетелями приграничных казахов уже установились. Однако следует учесть, что две

---

¹⁷ Император выслал ритуальные вещи для проведения обряда поминовения по отцу султана.

¹⁸ Дай Цин Сюаньцзян Чэнхуанди шилу. Цз. 61. Л. 40–40 об.

¹⁹ Дай Гин Гаоцзун Чуньхуанди шилу. Цз. 1189. Л. 2 об.

последние грамоты являлись выражением соболезнования китайских императоров по случаю смерти отцов адресатов, а потому угрожать в них было бы против морали не только конфуцианской, но и общечеловеческой.

Политика шэнцзяо заключалась в том, что политические требования или предложения и пожелания китайских императоров передавались в форме наставлений старшего по положению или по возрасту по отношению к лицу, стоявшему на более низкой ступени иерархической лестницы, или младшему. Это было особенно ярким проявлением конфуцианства в феодальной дипломатии, или влияния духовной культуры на политическую. Цинский император выступал по праву правителя сильного и могущественного государства, имевшего возможность более эффективно влиять на международную обстановку по сравнению с мелкими правителями Центральной Азии. Наконец, сделаем скидку на неистребленную за века традицию, согласно которой оформлялись в Китае официальные документы внешнеполитического характера. Однако в реальной жизни все выглядело иначе, чем на бумаге. Поучения высказывались в виде благих пожеланий в ходе переговоров. В то же время нравоучения почитались обязанностью могущественного государя в отношении тех, кто рассматривался в качестве «заслона» его государству.

Возможно, под влиянием китайской дипломатии нравоучения стали звучать и в русских посланиях к казахам. Причем исходили они от представителей пограничных властей. Так, оренбургский военный губернатор П. Эссен писал одному из казахских султанов в 1829 г.: «Обязанностью вашей будет: сохранять во всех случаях и обстоятельствах долг верноподданного, удерживая подчиняемых вам киргиз в границах строгого порядка, в мирной тишине, в незыблемом повиновении правительству. Вы должны оказывать великодушное внимание и справедливость всем вообще киргизам на основании народных обычаев: примирять враждующих, защищать обиженных, избегая всемерно всякого неправильного и оскорбительного для других предпочтения известным каким-либо поколениям пред прочими; не допускать киргиз производить взаимные баранты²⁰, поощрять их к хозяйственным занятиям или торговле; пресекать самые замыслы к гра-

---

²⁰ Барымта – насильственный угон скота с целью отмщения или восстановления справедливости.

бежам проходящих караванов или к хищениям по линии...²¹ Наконец, вы обязаны исполнять немедленно и с полным усердием все законные требования и предписания оренбургского начальства...»²².

Здесь, помимо требований соблюдения добрососедских отношений, выполнения законных требований Оренбурга, имеются наставления к султану соблюдать справедливость на основании казахских народных обычаев – адата, перекликающихся с принципами конфуцианской морали. В среднеазиатских владениях, в особенности в казахском, киргизском обществах, к тому времени еще не произошла ломка общинно-родовых моральных принципов. В них культивировалось естественное послушание младшего старшему. Отпрыск ханского рода или сам хан должны были высказывать, по крайней мере хотя бы внешне, уважение и послушание старшему по возрасту, к примеру бию или акыну. Существовала укоренившаяся естественная покорность младших старшему в семье, в роде. Поэтому сам по себе призыв уважать старших, заботиться о младших и прочие сентенции не могли коробить тех, кому адресовались послания китайских правителей. Протест вызывала лишь политическая подоплека этих требований, завуалированная моральными принципами общинно-родового строя.

Исторические материалы за 2,5 тысячелетия показывают, что многие традиционные институты имперской дипломатии зародились под влиянием и благодаря конфуцианству – господствующей идеологии Китая. Материалы эпох Мин и Цин отражают действие фундаментальных конфуцианских доктрин на международные отношения и внешнеполитические традиции Китая нового времени. Иноземные правители цинского Китая выступали в роли ревностных хранителей конфуцианских культурных ценностей, идеи создания «единой семьи», единого государства. Цинская династия при помощи конфуцианства не только утвердилась в Китае, но и успешно преследовала главную цель, которая заключалась в том, чтобы играть лидирующую роль в Центральной и Юго-Восточной Азии.

---

²¹ Линии русских укреплений, охватывающих Казахстан с запада, севера и востока.

²² Цит. по: Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России. Алма-Ата, 1978. Прил. С. 202.

Лозунг следования древности был официально провозглашен конфуцианством. Это учение обращалось к «золотому веку» правления совершенномудрых государей. Для конфуцианских ученых исторический материал служит не столько объяснением прошлого, сколько руководством к действию в настоящем и будущем. В связи с этим в Китае существовала традиция «возвращения» прошлого в новых условиях. Она способствовала идеализации прошлого, отношений Китайского государства с государствами Центральной Азии, стремлению провести связь как можно глубже в века. Косвенным отражением и составной частью этой политики была идеализация тех чужеземных правителей, с которыми произошел первый контакт Китайского государства. Если он имел негативные стороны, то это умело замалчивалось или фальсифицировалось. Особая роль в дипломатической практике Китая отводилась обряду поминовения и выражения почтения духу умершего правителя.

Поклонение душам предков было присуще всем народам Центральной Азии. Кочевники верили в покровительственное отношение бессмертных душ предков. В отличие от китайцев не держали табличек с именами предков, не делали, естественно, перед ними никаких воскурений и подношений, но почитали предков не меньше, чем оседлые народы. В новогодний день вспоминали духов предков, а состоятельные люди резали самцов-производителей, совершая таким образом жертвоприношения духам предков²³. Проведя обряд поклонения воде, устраивая моления при засухе, казахи устраивали трапезу и чаепития, после чего читали Коран, посвящая чтение душам предков²⁴. В обряде могли участвовать все.

У китайцев обряд проводил старший сын или тот, кто был наиболее близок к покойному. Китайский император, распоряжаясь провести обряд поминовения через год после кончины иноземного правителя, или через несколько лет, заявлял о своих политических правах на умершего. Он пытался закрепить за покойными правителями образ лояльного «послушного» вассала. Почести мертвым прежде

---

²³ Кармышева Дж. Х. Земледельческая обрядность у казахов // Древние обряды, верования и культы Средней Азии. М., 1986. С.

²⁴ Там же.

всего предусматривали интересы настоящего дня. Они оказывались ушедшим из этого мира для того, чтобы оказать влияние на живых, а также, чтобы получить одобрение народа своим деянием. По мнению династий, участие в обряде символизировало участие «в управлении» местной территорией.

Нельзя отрицать роль проводимых китайцами обрядов в политической культуре Центральной Азии. Здесь вновь под видом оказания почестей духам природы и людей преследовались конкретные политические цели. Религиозно-этнические воззрения проявляли себя в дипломатии самым явным образом, они придавали специфическую окраску регулированию отношений, причудливо переплетаясь с местными духовными традициями, нормами и установлениями.

Одно из важных мест в китайской дипломатии занимали почести, оказываемые умершим правителям. Через них действовал один из главных институтов китайской дипломатии: институт титулования. Однако он был завуалирован под морально-этическую норму конфуцианского и общечеловеческого поведения. У всех народов имеются свои обряды похорон, поминок, по-разному проявлялся один из древнейших культов – культ предков. Государи выражали соболезнование друг другу, делегировали своих людей для участия в похоронах умерших правителей других стран.

В Китае этот обычай соблюдался строго, будучи политическим мероприятием. Его действие проявлялось уже в отношениях с сюнну. Когда в Китае умер знатный посол правителя сюнну шаньюя, то «император Хань повелел Лу Чунго надеть пояс с печатью, какой носили чиновники, получавшие жалованье в размере 2 тыс. даней зерна, и выехать послом, а попутно проводить покойного и отвезти щедрые похоронные подношения стоимостью в несколько тысяч цзиней золота», – записано в «Исторических записках» Сыма Цяня²⁵. Как видно, китайская дипломатия уделяла серьезное внимание обряду. Сановник, выехавший с телом умершего в связи с получением важного политического поручения, был повышен в звании. Кроме того, он должен был отвезти шаньюю и семье умершего щедрые приношения от имени императора.

---

²⁵ Цит. по: Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 58.

В минскую эпоху обряды поминовения были проведены после смерти всех титулованных Китаем правителей Хаами. Надо полагать, что и похоронные подношения Минов, переданные потомкам Тимура после смерти его, были особенно ценными.

Синтез политики, народных обычаев и религии особенно четко проявился в обрядах поминовения по умершим правителям, проводимых по распоряжению императора и от его имени. В минскую эпоху эта практика прослеживается с 1405 года, с третьего года правления Юнлэ, когда император повелел выехать группе чиновников для проведения обряда поминовения и жертвоприношений по умершему Гуйличиду²⁶, ставка которого располагалась к северу от Хаами²⁷. В том же году были проведены обряды по брату хамийского заложника в Китае Анькэ-Темуру. В 1410 году пышные поминки провели по самому Токто. В Китай прибыло специальное посольство с сообщением о смерти хамийского правителя Маньли Темура²⁸. В Китае в это время также сменился император, и уже в первом году своего правления новый правитель отправил представительное посольство для поминовения Маньли Темура.

Но, пожалуй, самым могущественным правителем в Центральной Азии, по которому минская династия совершила обряд поминовения, был хромец Тимур²⁹. Для этого посольство привезло шелка и серебро, которые использовались в церемонии обряда, а также были выданы семье Тимура в знак соболезнования. Проведению обряда поминовения придавалось настолько большое политическое значение, что был проигнорирован тот неприятный для Минов факт, что Тимур умер, успев подготовить поход в Китай. Для минской династии важнее было установить отношения с его потомками, выйти из конфликтной ситуации. По умершим ойратским правителям Минов проводили поминки гораздо реже, чем по уйгурским, так как отношения с ними были откровенно враждебными. Однако ойратские послы в годы перемирия приезжали в Китай с огромными стадами скота и реализовывали их на специальных приграничных конных рынках.

---

²⁶ Минши. Цз. 329. С. 31822.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 31823.

²⁹ Там же. С. 31855. Цз. 332.

Цинская династия продолжила традицию проведения поминок и поставила её на службу институту вассалитета. Они проводились большей частью по монгольским правителям, в том числе по ойратским. Первые пышные поминки были проведены по хошоутскому титулованному Цинами Гуши-хану, на что последовал специальный приказ императора Шуньчжи в 1656 г.³⁰ В приказе, обращённом к Палате по делам зависимых земель, говорилось: «Услышав о смерти от болезни ойратского Гуши-хана, помня о его послушании нашему государству, полной искренности и преданности, [о том, что он] постоянно доставлял нам подношения, чрезвычайно опечалены! Надлежит подготовиться [к] обряду поминовения с принесением жертв, дабы вознаградить за преданность. Вашей палате необходимо вместе с Министерством обрядов обдумать перечень необходимых мероприятий и подать докладную записку со [своими] предложениями по делу поминовения»³¹. Весной в ставку хана был отправлен высокопоставленный чиновник для проведения поминок. Он повез жертвенные дары от имени императора, а также оказал помощь деньгами семье умершего³². Столь благостный поступок был положительно встречен ойратами, а соперник Гуши-хана Батурхунтайджи выразил благодарность императору за соболезнование и помощь³³.

Случай с Гуши-ханом послужил прецедентом для титулования и поминок по титулованным особам из представителей ойратов. Император Канси дал распоряжение о поминовении ойратского Оцирхана в 1669 г.³⁴ «Шилу» периода правления Канси пестрит приказами о проведении подобных поминовений большого количества ойратских владетелей, имевших различные степени княжеского достоинства³⁵.

Император Юнчжэн, наследовавший Канси, также неоднократно участвовал в обрядах захоронений и поминок, начиная с 1723 года, когда он подарил 200 лянов серебра для этих целей. В особенности он считал своим долгом

---

³⁰ «Цин Шилу» чжуньгээр шилиа чжайбянь. Урумчи, 1987. С. 20–21.

³¹ Дай Цин Шнцзу Чжанхуанди шилу. Цз. 97. Л. 3.

³² Там же. Цз. 99. Л. 6.

³³ «Цин шилу» чжуньгээр шилиа чжайбянь... С. 22.

³⁴ Там же. С. 25.

³⁵ «Цин шилу» чжуньгээр шилиа чжайбянь... С. 172–173 и др.

«награждать» обрядами тех ойратских князей, которые участвовали в тибетских походах 1725, 1726, 1727 и 1728 гг.³⁶

Конфуцианству присуще почитание предков и прошлого. В конкретной дипломатической практике это проявилось в том, что оно идеализировало того иноземного правителя, при котором состоялся первый контакт государств. В 1746 году в грамоте Цяньлуна к наследнику джунгарского хана Галдан-Цэрена Цэвану-Доржи Намучжару говорилось: «В прошлом твой отец с почтением относился к Моим планам и замыслам, с установлением границ с уважением следовал Моим указам. Я также неоднократно милостиво с пониманием входил в его положение. Ныне услышали [горькую] весть о его кончине, до чего прискорбно!»³⁷. На самом деле историю отношений Галдан-Цэрена с Китаем вряд ли можно назвать лояльной по отношению к цинскому правительству. В вопросе об установлении границ Джунгарии с Халхой их позиции не только не совпадали, но и были прямо противоположными. Галдан-Цэрэн соблюдал политический баланс, снимал напряжение в отношениях с Цинской империей только в периоды военных походов в Среднюю Азию и Казахстан. В зависимости от успехов и неудач в войне с Китаем он усиливал или ослаблял свои нападения на Казахстан и Среднюю Азию³⁸.

После смерти кокандского бека Ирданы его наследник Нарбота в 1770 году направил посольство в Китай, что было расценено императором как желание нового бека исполнять заветы своего предшественника и проявить верноподданнические чувства цинскому императору³⁹. Однако конкретные факты опровергают усердную службу Ирдан-бека цинскому императору. При Ирдан-беке в Коканде находили прибежище противники цинских властей из представителей уйгурской знати и духовенства. Кокандцев влекли в Восточный Туркестан торговые интересы, стремление освободиться от пошлин или собирать их в свою пользу на китайской окраине⁴⁰.

---

³⁶ Дай Цин Шицзун Сяньхуанди шилу. Цз. 4. Л. 33; Цз. 32.Л. 17 об; Цз. 42. Л. 2; Цз. 55. Л. 17; Цз. 76. Л. 7 об; Цз. 78. Л. 33 и др.

³⁷ Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу. Цз. 261. Л. 5.

³⁸ Хафизова К. Ш. Некоторые данные о переселении казахов в XVIII в. // Материалы конференции. Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение: К 200-летию со дня рождения. Ч. 2. С. 87.

³⁹ Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу. Цз. 866. Л. 16–17.

⁴⁰ Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии. С. 51–60.

В 1783 году Цяньлун в своем письме к султану Ханходже писал: «Твой отец Абулфаиз с тех пор, как подчинился нам, был постоянно глубоко благодарен за нашу заботу о нем...»⁴¹. Однако в других китайских документах говорится о «строптивности» Абулфаиза, его стремлении подчиниться России: «...казах Абулфаиз хочет направить своего сына в русский город Тобольск, обращается с просьбой к русским. Отсюда следует, что он хочет перейти в подчинение России...»⁴².

В 1823 году другой цинский император писал в Баян-Аул султану Губайдулле: «Твои дед и отец были весьма послушны [нам] и пользовались нашей благосклонностью»⁴³. Дедом Губайдуллы был хан Аблай, умерший в 1781 году, а отцом – хан Вали, в связи со смертью которого и направлялось цитируемое письмо. Можно привести массу документов о подтверждении фальсификаций истории отношений того или иного иноземного правителя с Китаем перед их наследниками. Такая трактовка связей нередко переходила в историографию и становилась официальной версией.

Среди подношений для поминания, доставленных послами китайских императоров, были шелка, чай, слитки серебра, а также ритуальные деньги из «золотой» и «серебряной» бумаги. Послы, принимая участие в обряде поминок, по китайскому обычаю, сжигали эти ритуальные деньги – неременный атрибут китайских жертвоприношений.

Таким образом, обряд от имени китайского государя совершался согласно китайским обычаям. По пути к месту назначения китайские послы закупали различный скот, который забивали на поминальном пиршестве.

Казахский хан Вали докладывал 30 ноября 1781 года генерал-майору Н. Г. Огареву, что от богдыхана к нему прибыло посольство из 300 человек: «И прислано с ними ко мне от его богдыханова двора немалое число подарков, и сделать по умершем моем отце приказано поминки»⁴⁴. В Омске были собраны сведения о том, каким образом происходил этот обряд и в чём заключалась роль посольства. В донесении в Коллегию иностранных дел от 22 января 1782 года говори-

---

⁴¹ Дай Цин Сюньцзун Чэнхуанди шилу. Цз. 61. Л. 39, об.

⁴² Там же. Цз. 1094. Л. 1, об.

⁴³ Там же. Л. 1, об.

⁴⁴ АВПр, ф. Киргис-кайсацкие дела. 1786. Д. 3. Л. 9–9 об.

лось: «От китайцев посланник приезжал по их названию амбо (маньчж. сановник. – К. Х.), при котором было сто тридцать человек китайцев и пятьдесят верблюдов с разными, как для подарка, вещами, так и для продовольствия. Точно для поминку покойного Аблай-хана... Остановился оной у киргизского Ханбабы-солтана, куда Вали-салтан и протчия киргиская старшина приезжали. Тот посланник ему, Вали-салтану, подарил присланные к нему чайник, чашу и блюдо серебряны, то ж и разныя шёлковые материи... Причём зарезано сто баранов, которых не варя отдали киргисцам, а потом расклали огонь и на оном сожгли разнова роду шелковых материй и бумаги немалое число»⁴⁵. Под бумагами имеются в виду ритуальные деньги, вырезанные в форме китайских круглых монет с квадратными отверстиями посередине. Императорский указ о том, что он посылает к Вали вельмож с подношениями, был дан императором в июле 1781 г.⁴⁶

С поминовения хана Аблая, положившего начало казахско-китайским отношениям, практика эта поддерживалась и в отношении его потомков вплоть до 60-х годов XIX в., о чём сохранились документы в китайских и русских источниках.

Когда скончался хан Вали, его наследнику султану Губайдулле император Даогуан писал: «Издан указ сановникам доставить к тебе бумажные деньги и другие ритуальные вещи, дабы провести обряд поминовения по твоему [усопшему] отцу»⁴⁷. Помимо этого указа, датируемого 1823 годом, было издано ещё несколько подобных, в которых говорится о поминовении казахских султанов, проживавших на границе с Цинской империей.

В 1832 году император приказал илийскому генерал-губернатору Юй Лину «направить чиновников для передачи чая, вина [семье] покойного казахского гуна [султана] Аблая [внука одноимённого вышеупомянутого хана – К. Х.] в знак соболезнования. [Ещё подарить] 300 лянов серебра»⁴⁸. С этим казахским ханом отношения поддерживались давно. Китайская дипломатия стремилась склонить его к союзу против Кокандского ханства, а также против уйгурского ходжи Джухангира, который с помощью Коканда вторгся в

---

⁴⁵ Там же. 3. Л. 15.

⁴⁶ Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу. Цз. 93. Л. 21–21, об.

⁴⁷ Дай Цин Сюаньцзун Чэнхуанди шилу. Цз. 61. Л. 40.

⁴⁸ Дай Цин Сюаньцзун Чэнхуанди шилу. Цз. 224. Л. 17.

Синьцзян в 1824 году и захватил Кашгар и другие города.

Не выпускала цинская дипломатия из поля зрения и потомков хана Среднего жуза Абулмамбета. Его сын Абулфаиз также стоял у истоков казахско-китайских связей, которые установились после гибели Амурсаны, поддерживаемого казахами в его борьбе за джунгарский престол. Услышав весть о смерти Абулфаиз-султана, правителя рода сильного племени найманов, имевших кочевья на территории Казахстана, Синьцзяна и Монголии, император Цяньлун 11 октября 1783 года издал приказ. К наследнику султану Ханходже была направлена специальная грамота императора. В послании говорилось: «Как доложили Нам сановники Тарбагатая, твой отец Абулфаиз скончался. Услышав эту весть, Мы прониклись скорбью... оказываем тебе особую милость, приказали илийскому цзянцзюню направить к тебе сановников для проведения обряда поминовения»⁴⁹.

Поминки были проведены в 1783 г. близ Чингистая против Семипалатинской крепости. Китайское посольство возглавлял маньчжурский сановник, при котором были три офицера, шесть чиновников и 100 солдат конвоя, состоящего из 50 монголов Халхи и 50 ойратов. Во время следования в Чингистау посольство приобрело в обмен на товары 50 лошадей, 50 быков и 100 овец. Весь скот был забит для жертвенного обеда. Цинские послы совершили обряд по своему обычаю. Для этого была сооружена пирамида из палок, обёрнутых чёрной бумагой. После того как подожгли бумагу и пирамида вспыхнула ярким огнем, цинские послы начали кричать и плакать, тем самым выражая свою скорбь. При этом жглись ритуальные деньги и разные фигурки животных из бумаги⁵⁰.

Если потомки султанов не поддерживали контактов с Китаем, откочевав вглубь Казахстана, цинская дипломатия разыскивала их с помощью торговцев, приезжавших в Чугучак или Кульджу. Так, в Омске стало известно, что одному из многочисленных представителей потомков ханского дома «доставят ему для должного поминовения отца ево Гогума

---

⁴⁹ Там же. Цз. 1189. Л. 2.

⁵⁰ *Броневский Г. М.* Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. М., 1830. Ч. 143, № 124. См. также: *Хафизова К. Ш.* К характеристике политики цинского Китая в отношении казахов // Материалы V научной конференции «Общество и государство в Китае. М., 1974. Вып. 2. С. 193–198.

разных вещей как то из серебра, канфа, сорочинского пшена и прочего, чего он, Сарт, совершенно не знает»⁵¹. Сарт Ючин, сообщивший об этом русским властям, был старшим султаном Аягузского округа. Его отец в 1811 году сопровождал в Чугучак и Кульджу русского переводчика Н. Г. Путимцева, выезжавшего под видом татарского купца⁵². Он тоже получил соболезнование от тарбагатайского цанцзань дачэня, когда скончался его отец.

В 1828 году цинские послы при подобной ситуации ограничились подарками наследнику хана Алтынсары, которому передано было чиновниками «сто концов разных бязей маломерных, две китайские материи манлык⁵³, шёлковые с цветами 8 канф простых разного цвету, русского вервету 14 аршин»⁵⁴. Однако Алтынсары остался недоволен таким количеством подарков. По его мнению, в таких случаях обычно из Китая следовало: 12 ямб серебра, 8 кусков ткани манлык и 12 кусков канфа. Потом проводятся поминки, «при таком обряде показываемы бывают разные китайские маневры»⁵⁵. Но в 1828 г. таких обрядов совершенно не было. Да и соболезнования свое китайцы выразили втайне от русских властей и феодальной верхушки казахов Среднего жуза. Цинская дипломатия под большим секретом искала среди неё человека ханского рода, чтобы пригласить на трон хана синьцзянских казахов.

Соболезнования выражались и другим ханским домам Средней Азии. Цинский представитель приезжал при восшествии Ширали-хана в Коканд «для сожжения траурного костра по убитому хану Мадали (убит в 1842 г. – К. Х.) и привёз новому хану 200 ямб серебра, шёлковые материи и фарфор»⁵⁶. Ч. Валиханов считал, что это был последний приезд цинского посольства в Коканд. В таком случае обряд поминовения до середины XIX века китайцами по кокандским ханам больше не проводился.

---

⁵¹ ЦГА РК, ф. 338, Омское областное правление, оп. 1, д. 659, л. 5, об.

⁵² Дневные записки переводчика Путимцева в проезде его от Бухтарминской крепости до китайского города Кульджи и обратно в 1811 г. // Сибирский вестник. 1819. № 2–8.

⁵³ Манлык – ценный шелк с изображением драконов.

⁵⁴ ЦГА РК, ф. 338, д. 659, л. 16 об.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в 5 т. Алма-Ата, 1988. Т. 1. С. 189.

В 1835 г. от генерал-губернатора Западной Сибири последовал приказ, свидетельствующий о том, что русские власти непосредственно взяли под контроль дипломатические маневры Цинской империи с похоронными подношениями. Сами же обряды больше не проводились. В приказе Омскому областному начальнику говорилось: «Уведомляю Вас, что если китайские чиновники, присланные через Чугучакского амбо с подарками от китайского хана сыну умершего султана (подполковника Эрусской армии. – К. Х.) Ючина Абдулле Сартавову, действительно не имеют никаких других видов, кроме одного уважения к умершему султану, то можно допустить сына сего султана Абдуллу Сартавова к принятию от них тех подарков, но не иначе как в присутствии внешнего Приказа, или, как распорядился сей Приказ, на могиле покойного в присутствии однако ж с Российской стороны заседателя, о чем и не оставите сделать надлежащее распоряжение»⁵⁷.

Проводя обряды поминок, цинская дипломатия имела возможность открыто или тайно посещать казахские кочевья, поддерживать регулярные политические контакты с влиятельными правителями.

Обряд поминовения имел ясно выраженную политическую цель – титулование наследников. Собственно говоря, именно для решения этой главной цели и совершались обряды. Местные правители, утвердившиеся на ханский трон путем выборов, в их числе Аблай, его сын Вали, или другие феодалы, правившие родами и коленами, по праву наследства воспринимали этот обряд как признание их наследственных прав соседним могущественным государством. Они видели в соболезновании императора его уважение к покойному хану или другому правителю.

Сам обряд поминовения был смешением обычаев различных народов – китайского, маньчжурского и монгольского обычая. Смешанный характер обрядов по правителям, т.е. обрядов высшей категории, если можно так выразиться, были интересным явлением политической и духовной культуры того времени. Они накладывали свой отпечаток на характер политических связей, регулировали их под флером «обычаев предков». Однако титулование становилось анахронизмом в международных отношениях Центральной Азии.

---

⁵⁷ ЦГА РК, ф. 338, оп. 1, д. 855.

Цинский император ради интересов политики шел на то, чтобы проводить обряды по своим врагам или заботиться о местах их захоронений. Уже первый приказ Цяньлуна после нанесенного сокрушительного поражения Джунгарскому ханству в 1755 г., захвата в плен его последнего хана Даваци, предусматривал следующие распоряжения: 1. Повелено Военному совету проверить, как выполнен приказ о составлении списков правителей народов Центральной Азии для их приглашения в Китай на торжества по случаю победы. 2. Направить посольство к казахскому султану Аблау с оповещением об этой победе. Напомним, что Аблай был наиболее влиятельной внешнеполитической силой, оказывавшей поддержку джунгарским претендентам на престол. Он лично участвовал в сражениях с маньчжуро-китайскими войсками со своим ополчением.

Третье распоряжение касалось мест захоронения джунгарских ханов Цэван-Рабдана и его сына хана Галдан-Цэрена: «Цэван-Рабдан [и] Галдан-Цэрэн являются оба джунгарскими тайджи⁵⁸. Если у них не осталось [прямых] потомков. Нам хотелось бы проявить милосердие. Не иметь потомков! До чего прискорбно! Повелеваем Баньди (командующий маньчжуро-китайских войск в 1755 г. Покончил с собой, будучи в окружении джунгарских отрядов. – К. Х.) отыскать могилы Цэван-Рабдана [и] Галдан-Цэрена и провести на них обряд поминовения по джунгарским обычаям. Кроме того, среди отоков [тех мест] отобрать и направить нужное количество людей для вечного надзора [за местами захоронения] и ежегодно убирать [эти места] и проводить жертвоприношения. Довести до сведения джунгар Наше намерение специальным приказом»⁵⁹. Под видом оказания уважения покойным ханам, уважения к обычаям джунгар Цяньлун, будучи уверен в уничтожении Джунгарского ханства, был готов обеспечить уход за могилами врагов. Безусловно, распоряжение было дано для того, чтобы уменьшить отпор со стороны джунгар в период установления власти маньчжурской династии Цин на обширных землях Джунгарского ханства, показать свое

---

⁵⁸ До самой смерти цинское правительство не признавало их ханского титула. В своих посланиях, цинские императоры именовали их только тайджи.

⁵⁹ Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу. Цз. 489. Л. 18, об. – 19.

великодушные к поверженному противнику и не разгневать душу умершего.

Точно так же было дано распоряжение об уходе за местом захоронения предка белогорских мятежных ходжей Аппака. Сюда привозили из Пекина хоронить тех потомков семьи ходжей, которые содержались как заложники после их смерти. По слухам, сам Цяньлун якобы посетил в Синьцзяне мусульманские святые места, в том числе и капище ходжи Аппака⁶⁰.

Оказывая почести душам умерших, китайский император хотел успокоить их и предохранить себя и свою династию отмищения. Император считал своим долгом заботиться о душах джунгарских ханов, считая себя своеобразным наследником их прав на земли и народы.

Жертвоприношения духам умерших чужеземных правителей были частью духовной и политической культуры Китая. По китайскому церемониалу эти жертвоприношения, хотя и были важными, уступали по своему разряду жертвоприношениям, приносимым духам гор, рек. Если конфуцианство оказывало сильное влияние на формирование основополагающих принципов китайской внешней политики и дипломатии, то этого не скажешь о даосизме – втором крупном философском и религиозно-этическом учении Китая. Даосизм возник как параллель конфуцианству, учение, ведущее в скрытой форме дискуссию с ним. Учение даосизма не носило также четко выраженной политической окраски.

Основным трудом даосизма является «Дао дэ цзин» – «Книга о дао и дэ». Он представляет собой фрагментарное изложение учения, как и «Лунь юй» – «Изречения» Конфуция, хотя сами учения и имели систему. Высказываний основоположника даосизма Лаоцзы (III в. до н. э.) об отношении к соседним народам и государствам очень мало. Однако этот вопрос был настолько важным, что не мог оставаться вне поля зрения даосизма.

В «Дао дэ цзин» говорится: «Пусть соседние царства расположатся так близко, что будут видны издали, крик петухов и лай собак будет доноситься от одного к другим, а люди царств никогда не будут иметь нужды друг в друге».

---

⁶⁰ Коншин Н. Я. Материалы для истории Степного края // Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 г. Семипалатинск, 1900. Вып. 4. С. 9.

Приверженец даосской философии Чжуан Чжоу (Чжуанцзы, приблизительно 369–286 гг. до н. э.) интерпретировал Лаоцзы в плане идеализации прошлого: «Соседние царства глядели одно на другое, слышали крики чужих петухов и лай чужих собак – а люди до конца своих дней не навещали друг друга. Тогда-то и был наивысший порядок!»⁶¹. Здесь отношения к другим государствам и народам рассматривались в русле достижения мировой гармонии и порядка. Даосизм почитал за благо отсутствие контактов между народами, тем паче отрицал насильственную практику. Как и во всем остальном, он выступал за естественный путь развития.

При тенденции к расширению Китайского государства, активности его внешней политики, постулаты конфуцианства органично ложились в основу китайских внешнеполитических традиций и являлись хорошим руководством в китайской дипломатической практике.

Религия и китайская дипломатия

Религиозный синкретизм в Китае, одновременное существование конфуцианства, даосизма, буддизма и шаманства (у маньчжуров – основателей династии Цин), древних религиозных представлений, привели к ослаблению значения религиозных догм. Но под их прикрытием часто выступали конкретные политические задачи и цели.

Установление дипломатических связей правителей стран Центральной Азии влияло на развитие, взаимовлияние и взаимопроникновение религий. Вслед за дипломатами, торговцами или вместе с ними в Китай шли последователи учений ислама, буддизма, христианства, известные религиозные деятели и паломники.

В период правления династии Мин сложились довольно устойчивые связи между минским двором и религиозными представителями буддизма и ислама. В 1408 г. в Китай прибыл глава влиятельнейшего религиозного ордена буддистов из Турфана со своими послушниками⁶². Этот орден оказывал большое влияние на светскую власть в Турфане. Минский император, правивший под девизом Юнлэ, лично прослушал

---

⁶¹ Литература Древнего Востока. Тексты. М., 1984. С. 230; Из книг мудрецов. Проза Древнего Китая. М., 1987. С. 90.

⁶² Минши. Цз. 329. Л. 31831.

проповеди и наставления буддийского монаха. Орден, следуя светской традиции, привез ценные подарки двору, в том числе породистых коней и специально обученных соколов для охоты на лебедей, а также буддийские рясы. Император оказывал проповеднику и его семи ученикам всяческие почести, щедро оплатил все привезённые ими вещи. С этого времени, как утверждается в источнике, буддийские монахи беспрерывно приезжали в Китай, доставляя традиционные вещи.

Китайские источники говорят в целом о благожелательном отношении минской династии к буддизму и исламу. Религиозные деятели в то время часто приезжали в Китай в качестве послов, выполняли важные политические задачи своих правителей. Не проходило года без поминовения, для чего в ойратские земли, в основном в Кукунор (Цинхай), выезжали китайские чиновники. Постепенно, путём обрядов поминовения, расширялись связи с ойратами за Кукунором.

В 1727 г. в Пекин прибыл посол джунгарского хана Галдан-Цэрена Тэлэй, передавший весть о смерти отца Цэван-Рабдана. Хан писал, что хотел бы провести обряды жертвоприношений духам предков в Сиюе в целях широкого распространения буддизма. Император Юнчжэн на это раздражённо заметил: «Вы, джунгары, являетесь всего лишь одним из маленьких племён на северо-западной окраине. Распространится ли учение Шакиямуни или нет, какое это имеет отношение к твоим приношениям и пожертвованиям?» Галдан-Цэрэн, намереваясь сделать жертвоприношения духам предков на территории Сиюя, в данном случае на территории Восточного Туркестана, тем самым выражал свои притязания на этот регион. Зная политическую подоплёку подобных обрядов, Юнчжэн выразился столь резко, т. к. понимал, что речь идёт не о распространении буддийского учения, а об утверждении власти джунгарского хана.

Галдан-Цэрэн просил разрешения на проезд трёмстам своим подвластным для богослужений в Тибете. На эту повторную просьбу император Цяньлун отвечал в 1740 г.: «В то время в связи с кончиной панчен-эрдени, ты выразил желание отправить людей в Тибет для совершения молитвенных обрядов [в память покойного] и искренне просил разрешения на это. Я удовлетворил твою просьбу, но повелел, чтобы число паломников не превышало 100 человек. Ныне, ссылаясь на то, что этого [количества] недостаточно для перевозки вещей, ты просишь увеличить их число до 300. Оказывая милость,

я удовлетворяю [твою просьбу]»⁶³. Это означало, что цинская дипломатия поддерживала лояльные семьи и подогревала рознь между самими хошоутскими князьями, а также между племенами ойратов, столь явно демонстрируя своё предпочтение одним и неприязнь к другим.

Был ещё один канал давления на крупных ойратских феодалов и ханов. В конце XVII – первой половине XVIII в., до захвата Цинской империей Тибета и Джунгарского ханства, путь к религиозному центру ойратов в Тибет пролегал через земли, находившиеся под властью или контролем цинских властей. Для паломничества в Лхасу, проведения там обрядов поминовения по усопшим предкам и раздачи милостыни джунгарам вынуждены были просить разрешения у Цинской династии. Вопрос о разрешении на проезд решался на высоком уровне – Военным советом и лично императором. К тому же для жертвоприношений требовались товары, производившиеся в Китае: чай, а также в больших количествах шёлка для хадак, в особенности если жертвоприношения буддийским святыням и милостыня монахам делались от имени царствующего дома. Для закупки чайного листа, шёлка и серебра надо было пригнать в Китай большие стада различного скота и обменять его на необходимые для ритуалов товары. Цинский император в зависимости от политических интересов и от сложившихся отношений с семьёй или феодала, мог не только разрешить и обмен, и проезд, но и сам принять участие в церемониях, чтобы продемонстрировать своё покровительство.

Цинской дипломатии приходилось считаться с буддизмом и его течением – ламаизмом, который повсеместно исповедовали западные и восточные монголы. Для оказания влияния на ламаистскую церковь цинская дипломатия оказывала помощь в подготовке ламаистских проповедников в Пекине, где имелось несколько крупных храмов, а при них – школы. Зачастую ей удавалось держать под контролем все связи Тибета с ламаистскими центрами Монголии и Джунгарии, чему способствовало и участие в важных ритуальных обрядах.

---

⁶³ Дай Цин Шицзун Сяньхуанди шилу. Цз. 64. Л. 16– 17. В сб. «Международные отношения в Центральной Азии» эта фраза переведена так: «Очевидно [ты] знаешь, что джунгары всего лишь одно небольшое племя. Какое отношение к тебе имеет распространение буддизма?» (Кн. 1. С. 262).

Отголосок борьбы джунгар с Цинской империей за пропуск на Тибет нашёл отражение и в русских источниках. Поручик Д. Гладышев, выезжавший в Казахстан по заданию Оренбурга в 1742 г., сообщал со слов казахов: «Напредь сего у зюнгорского владельца с китайцами продолжалась война беспрерывно восемь лет за одно то, что китайцы не хотели зюнгорцов допускать до молитвенного места Мекки⁶⁴, где лежит Шехур-лама, а зюнгорцы того весьма тщательно доставать себя принудили. Однако напоследок умершей китайский государь⁶⁵ при жизни своей з зюнгорским владельцем вечной мир заключил на таких кондициях, чтоб оным молитвенным местам владеть и по закону своём моление приносить обоим народам обще»⁶⁶.

Причины конфликта между джунгарами и цинами помогают понять то значение, которое придавалось джунгарами связям с теократией Тибета. Цинская дипломатия добивалась при этом участия во всех крупнейших религиозных обрядах, проводимых джунгарами в Лхасе и других святых местах Тибета. Важнейшими из них оставались поминовения известных религиозных деятелей, а также правителей Джунгарского ханства. Переговоры по этим вопросам цинская дипломатия затягивала, ставила новые условия или снисходительно шла навстречу пожеланиям в зависимости от политических контактов, сложившихся в то время.

В 1745 г. скончался джунгарский хан Галдан-Цэрэн, противник цинской династии, вдохновитель среднеазиатских и казахстанских походов. О его смерти в Китае стало известно от турфанского уйгура Хайдили (Кадыр?), сообщившего генералу цинских северо-западных войск (сибэй янлу цзянцзюнь) по возвращении из Джунгарии. Эта важная весть была тотчас передана в Пекин. Император в специальном указе Военному совету на это заметил, что посол законного наследника ещё не прибыл с официальным сообщением⁶⁷. Посол наследника Галдан-Цэрена Цэван-Доржи Намучжара по имени Халю прибыл в Пекин весной 1746 г. Он передал личную просьбу нового хана в следующих

---

⁶⁴ Речь идет о Тибете, названном Меккой по аналогии с местом поклонения мусульман.

⁶⁵ Император Чуньчжи – годы правления 1723-1735.

⁶⁶ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 194.

⁶⁷ Дай Ци Гаоцзун Чуньхуанди шилу. Цз. 252. Л. 35, об. – 36.

выражениях: «Великодушный император милостью относился к моему отцу, [который] находил его одобрение в [своих] внешних и внутренних делах. Мой [усопший] отец вследствие сочувственного отношения великого государя к распространению жёлтого учения, утверждению его в умах народа, почтительно следовал [наставлениям]. Ныне мой отец почил, я хотел бы продолжить его помыслы; вести дела так, как установлено им, [дабы] удостоиться благодеяний. Сейчас планирую направить своих людей в Сицзан (Тибет. – К. Х.) для чтения [священных] сутр, [чтобы] совершить богоугодное дело для отца. Как заведено, вначале [намереваюсь] направлять несколько человек налегке верхом, [чтобы] совершить подаяние чаем и возвратиться обратно. Следом за [этим] думаю послать в Тибет группу людей для чтения великих сутр во славу жёлтого учения.

По сему покорнейше прошу великого государя мудро вникнуть [в вопрос].

Имею честь направить своего посла почтительнейше пожелать долголетия, а кроме того, передаю подношение 41 шкурку соболя»⁶⁸.

Стиль письма, его форма полностью соответствуют принятым в Китае посланиям, направленным от имени низшего к вышестоящему.

Поскольку ни сам Галдан-Цэрен, ни его наследник не были титулованы цинской династией, император не отказал себе в удовольствии называть их тайджи, а не хан. Заметим, что посольство Цэван-Доржи Намучжара прибыло с официальным сообщением почти через год после смерти Галдан-Цэрена, когда настало время проведения поминок.

Император на банкете, пожалованном в честь джунгарского посла Халю, призвал его к себе на помост под полог, что показывает хороший приём с его стороны, и сказал: «Мы [император] ознакомились с посланием вашего нового тайджи, [с его] желанием следовать правилам своего отца, [с тем что], почувствовав [наше стремление] к распространению жёлтого учения, намерен внедрять его в сознание масс к надежде на Наше милостливое отношение. Мы [этому] чрезвычайно рады.

Ваш старый тайджи все последние годы был весьма лоялен [к Нам], следовал Нашим наставлениям, за что не единожды

---

⁶⁸ Там же. Цз. 260. Л. 13, об. – 14.

был благодетельствован. Теперь он скончался от болезни, воитину глубоко прискорбно!

Ваш новый тайджи именно в связи с кончиной отца просит разрешения направить людей в Тибет для проведения богоугодного дела – чтения сутр [в память о нём]. По такому [серьёзному] поводу Мы, само собой разумеется, исполним [его] просьбу.

Однако [считаем, что] двойная поездка принесёт лишние хлопоты. К тому же, вашим людям, отправляющимся в Тибет, будет нелегко преодолеть дорожные тяготы, [о которых вы] хорошо знаете. Не лучше ли осуществить одну поездку? Мы, как [это бывало и] прежде, окажем милость, по старым [правилам] предоставим вам скот (?), продовольствие, окажем материальную помощь на протяжении всего пути. Поскольку будете проводить пожертвования и давать милостыни, то, что касается пожертвований с Нашей стороны, то [уже] приказано сановникам обсудить и приготовить к твоему отъезду».

Халю, преклонив колени, отвечал: «Указания великого правителя являются установлением для всех. Ныне вновь удостоились Ваших личных наставлений. По возвращении передам их своему тайджи, [который неукоснительно] последует им».

Государь специально пожаловал яшмовую палочку (в виде гриба. – *К. Х.*) жуи и обратился к Халю со следующими словами: «Этот предмет называется жуи, говорят, он способствует исполнению желаний. Специально даруем его вашему новому тайджи, ты должен взять его с собой». Затем император велел выдать один яшмовый жуи Халю. Халю клал земные поклоны, благодарил за честь; благоговейно [принял] дар – записано в дворцовой хронике⁶⁹.

На этот раз просьба джунгарского хана была принята благосклонно, послу его были высказаны всяческие почести. Среди них потчевание посла чашей с вином из рук императора трижды. Император согласился часть расходов по проведению поминок взять на себя. Впоследствии, в связи с начавшимися в Джунгарии дворцовыми переворотами и междоусобицами, Цяньлун не шёл столь легко навстречу просьбам, ужесточал свои условия, позволял себе недипломатические выражения.

Сохранился и приказ императора, направленный джунгарскому хану через его посла Халю. В нём

---

⁶⁹ Дай Ци Гаоцун Чуньхуанди шилу. Цз. 261. Л. 1, об. – 2, об.

перечисляются пожертвования, выделенные Цяньлуном, а также говорилось о готовности цинской стороны нести дорожные расходы. Цяньлун на это ответил: «Ты желаешь провести обряд поминовения и покаяния [путём] чтения сутр, как можно не разрешать такое? Однако [хочешь] провести его двумя частями. [Это] будет весьма обременительно [твоим] паломникам. Твои путешественники претерпят трудности, ты и сам знаешь это. Всё же подходяще провести [весь] обряд за один раз. Мы, как и прежде, проявим милость, направим [своих] людей заботиться [о них]. Пожалуем скот и дорожные расходы и, кроме того, со своей стороны проведём буддийский обряд пожертвования во время поминальных служб по твоему отцу. В связи с этим жалуем по одному серебряному мань да, бочонку чая, поминального горна, по сто связок красных и жёлтых ароматических свечей. Передаём все эти вещи твоему послу Халю, [чтобы] он увёз с собой. Кроме этого, твоим паломникам по пути в Тибет передадим на границе больших хадак сто полотнищ, маленьких хадак – тысячу [и ещё] тысячу пачек чайных листьев. Ты должен заранее известить [нас], сколько намереваешься отправить людей, когда [они] тронутся в путь и в какое время придут [к нашей] границе...»⁷⁰.

Несмотря на внешнее проявление почтения императора к буддийской религии и памяти умершего хана, к его наследнику, джунгары остались недовольны тем, что не были решены основные вопросы – о торговле и торговых маршрутах в Китай.

Пытались они освободиться и от опеки цинской династии в деле проведения своих религиозных ритуалов, избавиться от сопровождения цинских отрядов⁷¹. Была у них попытка освоить путь в Тибет через Яркенд и Ладак, но и ладакский правитель возражал против прохождения через его территорию большого отряда джунгар. К тому же путь здесь пролегал через непроходимые горные вершины и пустыни⁷². Дорога в один конец занимала месяц или два пути. Цины не только пристраивали своих соглядатаев к отряду джунгарских паломников, но и обеспечивали их присутствие на всех обрядах в Тибете. Цинская дипломатия создавала всяческие препятствия тому, чтобы паломничество уходило

---

⁷⁰ Там же. Цз. 261. Л. 5–6, об.

⁷¹ Там же. Цз. 356. Л. 19.

⁷² Там же. Цз. 382. Л. 9–10.

из её рук. Она намеревалась держать под своим контролем все религиозные дела в Джунгарии, попыталась внедрить буддийских священнослужителей в Джунгарию.

Обычно их приглашали из Тибета и готовили в Тибете. Среди обучавшихся в святых местах был в своё время и джунгарский хан Галдан, получивший от Далай-ламы титул Бошокту (Благословенный), но затем, как известно, в связи с убийством его брата Сенге, снял с себя духовный сан⁷³. Теперь цинское правительство хотело взять в свои руки подготовку религиозных деятелей.

В начале 1750 г. в одном из посланий Цэван-Доржи-Намучжара Цяньлун писал: «Ныне большая часть приглашённых вами из Тибета лам умерла. Искренне боясь исчезновения жёлтого учения, Мы, желая со своей стороны его распространения, разве можем согласиться на его постепенное ослабление и вымирание? Мы подумали за вас основательно. В моём Китае имеются большие [буддийские] храмы, [широко] известные хутукту, добродетельные ламы, выбранные Нами в Тибете, а также обучавшиеся в различных местностях. Все они достойны доверия и поддержки. Ты можешь выбрать среди [своих] лам сообразительных 10, либо 20 человек и прислать их в Пекин на обучение. После учёбы их [в течение] 3-4 лет в крупных храмах позволим им возвратиться обратно. Только так можно оказать [действенную] помощь [для процветания] жёлтого учения.

Для такого обучения надо избрать молодых людей, чтобы после обучения они могли проповедовать лет 30-40, тогда не будет необходимости отправлять их ежегодно. Надо будет после окончания [учёбы одной] группы людей набрать и отправить новую.

[Все] это Мы специально предлагаем тебе, чтобы на нашей земле не исчезало жёлтое учение. Мы рассчитали [план] надолго в ваших [интересах], а вовсе не для того, чтобы твои ламы приезжали в Пекин. Если ты не хочешь присылать своих лам для учёбы [к нам], [то, дело], разумеется, можно приостановить. Однако твои просьбы в будущем об отправке людей в Тибет впредь будут категорически отвергаться.

Ты должен проникнуться благодарностью за нашу заботу, стремиться принять их всегда, не позволяя себе произвольного толкования»⁷⁴.

---

⁷³ См.: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1983.

⁷⁴ Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу. Цз. 356. Л. 19-20.

Из письма видно, что цинский император хотел создать буддийский религиозный центр в Пекине, а затем постепенно подчинить своей власти религиозные организации Джунгарии. Это было посягательством на их права, умалением значения Тибета в религиозной жизни последователей жёлтой секты (ламаизма) буддийского учения.

Для проведения обрядов, как выяснилось впоследствии, требовалось большое количество серебра. Второй посол Цэван-Доржи-Намучжара по имени Мамут прибыл в Пекин в 1746 г. Он заявлял: «Мы направляемся в Тибет, являемся ответственными за проведение богоугодного дела – чтения сутр. Просим оказать попечение и сочувствие, обеспечить скотом.

Кроме того, для обряда требуется очень много серебра. Те из нас, кто направлялся в Дункор для торгового обмена, просят, чтобы велели нашим торговцам менять [наш товар] на серебро, о чём покорнейше умоляем»⁷⁵. Однако эту просьбу император отклонил, сказав, что он не может приказывать частным торговцам, на что им менять свой товар⁷⁶.

В 1747 г. джунгарский хан сообщил, что, как и было договорено, он отправляет в Тибет для проведения молебна и жертвоприношения, а также раздачи милостыни группу из 300 человек, среди которых находилось четыре зайсана и три священнослужителя⁷⁷. Однако, по мнению цинских властей, они в нарушении договора пригнали слишком большое количество скота для торгового обмена⁷⁸, очевидно, на то самое, столь необходимое им, серебро.

И всё же обмен и паломничество, похоже, были успешно проведены. Об этом свидетельствует документ, отправленный Цяньлуном уже преемнику Цэван-Доржи-Намучжара. Как известно, хан был убит в результате заговора, и на джунгарский трон сел сын Галдан-Цэрена от наложницы Лама-Доржи. Он не мог проводить поминки, так как сам был участником убийства. Но игнорировать связи с Тибетом в его положении было нельзя. Новый хан прислал посольство с просьбой разрешить проезд его паломникам в Тибет через Цинхай для проведения благодарственного молебна по случаю воцарения,

---

⁷⁵ Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу. Цз. 281. Л. 12.

⁷⁶ Там же. Цз. 281. Л. 13–14.

⁷⁷ Там же. Цз. 291. Л. 13–14.

⁷⁸ Там же. Цз. 309. Л. 23.

а также налаживания отношений с церковью.

Ответ Цяньлуна был неблагоприятным для него, что свидетельствует об истинных намерениях китайского правительства, которые Цяньлун не считал нужным скрывать: «Грамота, пожалованная джунгарскому тайджи Лама-Доржи. Повелеваем: В своём прошении тайджи высказал просьбу, чтобы направить [своих] людей в Тибет в [священные] для ламства места, дабы передать подарки, вручаемые при знакомстве [на что] просит покорнейшего нашего разрешения и т. п.

Прежде ваши тайджи Галдан-Цэрен по случаю кончины его отца Цэван-Рабдана просил разрешения направить людей для проведения обряда раздачи чая [аоча]; Цэван-Доржи-Намучжар для поминовения души своего отца Галдан-Цэрена также обращался с просьбой об аоча», – отмечал император⁷⁹.

Далее он напомнил о последовавшей с его стороны помощи: выдал скот, продовольствие, выделил чиновников «проследить» и «заботиться о самих паломниках и обрядах». Цяньлун объяснял, что приказ с разрешением на проезд был дан только потому, что два джунгарских правителя исполнили свои священные обязательства перед душами предков и перед народом. «В противном случае Мы бы этого не позволили», – говорит он.

Далее он резко заключает: «У тебя же вовсе не такое важное дело, почему Мы должны потворствовать твоему желанию, посылать людей в Тибет? Какой резон Китаю неоднократно отправлять чиновников и отряд [для] охраны, даже если одного тайджи сменил другой. Твоя просьба направить паломников в Тибет совершенно неосуществима»⁸⁰.

В этом своём письме Лама-Доржи возобновил разговоры об отправке джунгарских лам в буддийские центры Тибета для обучения. Император на это напомнил, что в своё время Цэван-Доржи-Намучжар также просил об этом, и поскольку ослабление ламаизма вызывало «его озабоченность», предложил подготовить священнослужителей в Пекине. «Этот план был рассчитан надолго, являлся заботливо продуманным мероприятием». Но, оказывается, джунгары отказались от этого варианта под предлогом того, что в Китае существует карантин для людей, не переболевших оспой.

---

⁷⁹ Там же. Цз. 383. Л. 16–18.

⁸⁰ Там же. Цз. 383. Л. 16–18.

Лама-Доржи предлагал третий вариант решения проблемы, а именно, пригласить в Джунгарию священнослужителей непосредственно из Тибета, не обременяя Пекин подготовкой религиозных кадров.

Император же настаивал на том, чтобы прислать священнослужителей из Пекина, при этом он грубо заявил: «Мы, будучи озабоченными о сохранении жёлтого учения, пойдём навстречу вашей просьбе. Прикажем высококвалифицированным ламам выехать к вам для преподавания и чтения проповедей. Однако после того, как им будет разрешено возвратиться, вы не должны, утешившись тем, что их к вам так легко прислали, вновь найти предлог и докучать просьбами»⁸¹.

Просьба об обучении послом Лама-Доржи Эринцинем была высказана устно, император в ответ велел ему тщательно объяснить их правителю позицию в этом вопросе. Он подчеркнул, вопрос о присылаемых проповедниках и обучении имеет прямое отношение к обязанности Китайского государства, лично китайского государя проводить политику шэн цзяо, т. е. увещевать и наставлять на путь истинный других правителей.

Лама-Доржи тогда выдвинул другой мотив. Он обратился с просьбой разрешить проезд в Тибет для поминовения душ предков, души его отца Галдан-Цэрена. Но и на эту просьбу последовал отказ. Император напомнил, что обряд был уже однажды исполнен при его поддержке прямым наследником хана Цэван-Доржи-Намучжаром и что нет необходимости в каких-то новых обрядах. Из этого следовало, что цинская дипломатия сомневалась в наследных правах Лама-Доржи и решительно препятствовала его связям с Тибетом.

После этой отповеди от Лама-Доржи не было известий. Опасаясь, что тот мог найти другие пути для сообщения с Тибетом, Цяньлун решил заранее предупредить Далай-ламу о своей позиции, а также найти союзников по этому вопросу среди монгольской знати⁸². Лама-Доржи был занят междоусобной войной и послов не присылал. Только после его убийства в 1754 г. из Джунгарии прибыл посол нового хана Даваца по имени Дундукэ. Он, подобно предыдущим послам, заверял, что их правитель намерен придерживаться

---

⁸¹ Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу. Цз. 406. Л. 8–8, об.

⁸² Там же. Цз. 433. Л. 8 об. – 9.

политики Галдан-Цэрена, будет способствовать пропаганде «жёлтого учения» и содержать свой народ в спокойствии. Это означало, что Давацци обещал проводить миролюбивую внешнюю политику. Посол в оправдание совершившего убийство незаконного, но всё же родного сына Галдан-Цэрена сказал, что это было сделано Давацци для прекращения междоусобных войн джунгар и стабилизации обстановки в Джунгарском ханстве.

Дундукэ передал императору желание хана совершить обряд по убитому Лама-Доржи Цэван-Доржи-Намучжару, законному сыну и наследнику Галдан-Цэрена. Однако император отказал в этой просьбе. Ход его рассуждений был таков: то, что было позволено сыну Галдан-Цэрена, не может быть позволено его убийце.

Цяньлун выразил сомнение в том, что в Джунгарии заботятся искренне о процветании буддизма, а его заветы поддерживаются правителями. Усомнился он и в том, что это посильно лично Давацци, который убил одного из законных наследников и захватил трон, т. е. был одновременно и убийцей, и узурпатором. На этот трон, по его мнению, мог с таким же основанием, как и сам Давацци, претендовать другой человек, являвшийся таким же, как и он, племянник отца Галдан-Цэрена.

А до этих событий Лама-Доржи убил своего младшего брата и занял его законное место. Но поскольку Давацци оставался одним из наследников Галдан-Цэрена, он, император, «не принял во внимание» все эти прискорбные события, продолжал поддерживать с ним отношения. И вот теперь сокрушался Цяньлун, Давацци злодейски покончил с Лама-Доржой, таким образом, он показал себя «ненавистным врагом» покойного хана Галдан-Цэрена. «Как можно говорить [здесь] о распространении учения Будды среди народов?» – заключает император⁸³. Напомнил император и о том, что среди погрязших в пороках правителей Джунгарии было духовное лицо, снявшее с себя сан для суеты. Здесь звучит явный намёк на Галдана Бошокту (Благословенного).

Доводы, высказанные императором послу Давацци, показывают, что цинская дипломатия серьёзно приступила к подготовке идеологического обоснования для вмешательства в джунгарские дела под видом нарушения правящей верхушки

---

⁸³ Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу. Цз. 464. Л. 18–18, об.

Джунгарии религиозно-нравственных принципов. Она решила дискредитировать её перед всем буддийским миром: «губит всё живое» и перед самим джунгарским народом.

В буддизме, его течении – ламаизме, как ни в какой другой религии наиболее сильной заповедью была заповедь «не убий». Цинская дипломатия убедительно показала, что именно эта заповедь постоянно нарушалась ханами Джунгарии. Под этим предлогом чинились препятствия политического характера, обосновывалась правомерность вмешательства в джунгарские дела Китайского государства. Последствием такого вмешательства было вторжение маньчжуро-китайских войск в Джунгарию в 1755 г. якобы для прекращения здесь убийства, других злодеяний, с целью водворить спокойствие и порядок среди населения, измученного распрями и междоусобицами.

Цинская дипломатия внесла немалый вклад в этом плане в дело уничтожения Джунгарского ханства.

Тибет был мощным союзником джунгарских ханов в их борьбе с цинской династией. Тибет активно поддерживал джунгарского хана Галдана, получившего воспитание здесь, и Панчен-лама совместно с его наследниками много лет скрывал смерть Далай-ламы от цинов⁸⁴, чтобы не ослабить фронт борьбы. В то время император Канси заверял буддийских первосвященников, а также светских правителей Тибета и Джунгарии, что он уважает законы Дзонхавы, буддийскую церковь и придерживается в их отношении политики особенной щедрости⁸⁵. Благодаря такой позиции Цинской династии удалось упрочить отношения с хошоутами Кукунора и монголами Чахара и Халхи. Цинская дипломатия поддерживала миф о твёрдом покровительстве династии в распространении и упрочении учения среди джунгар. Этот миф необходим был для того, чтобы держать в руках ещё один мощный рычаг влияния на западных монголов, ещё один канал контроля.

Конфуцианская мораль и нравственные принципы облегчали китайской дипломатии контакт с буддийским и исламским миром. Патриархально-родовые традиции кочевых обществ создавали благоприятные условия для взаимопонимания, поскольку внешняя оболочка

---

⁸⁴ Внешняя политика государства Цин в XVII в... С. 212.

⁸⁵ «Циншилу» чжуньгээр ляочжай хойбянь... С. 129.

конфуцианства, скрывающая его политическую сущность, создавала видимость тождественности традиций народов. Это эффективно использовалось китайской дипломатией, что особенно наглядно на внешнеполитической арене проявилось через проводимые Китайским государством обряды поминовений.

Китайское правительство могло непосредственно влиять на религиозный центр буддизма первосвященников, шаг за шагом оно взяло контроль над ламаизмом в свои руки. Путём дипломатических манёвров ему удалось подчинить себе ламаистскую церковь. Такова была эволюция отношений Китая с религией монголов.

Что касается ислама, то в XIV-XVI вв. он противостоял минской династии как самостоятельная сила.

В III в. мусульмане составляли большую общину в г. Сучжоу, находящемся на торговом пути из Передней Азии и Средней⁸⁶. «Во времена правления [династии] Юань магометяне заполнили всю Поднебесную, особенно много проживало их в Ганьсу. Высочайшим рескриптом было повелено [местному] начальству выдворить их. В связи с этим в Самарканд возвратилось более 1200 человек», – сказано в «Минши»⁸⁷.

Торговые связи через Сучжоу мусульманских купцов были весьма оживлёнными. В XIV-XV вв. мусульманские астрономы пользовались уважением в Китае. Мусульманские учёные пытались сопоставить Мухаммада с Конфуцием. Они считали, что нравственные требования мусульман не входят в противоречие с конфуцианскими, уважали и применяли культ предков. В некоторых мусульманских мечетях устанавливались по китайскому образцу таблички с именем императора, перед которым воскурялись благовония во время богослужений, звучали пожелания «десяти тысяч раз десяти тысяч лет»⁸⁸. Несмотря на всё это, по мнению В. В. Бартольда, «мусульмане сознавали своё обособленное положение среди китайского народа и строго соблюдали обрядовые требования своей религии, в том числе запрещение свиного мяса, главной пищи китайцев»⁸⁹. В XIX в. поводом для выступления дунган

---

⁸⁶ Бартольд В. В. Соч. Т. IX. С. 289.

⁸⁷ Минши. Цз. 332. С. 31864.

⁸⁸ Бартольд В. В. Соч. Т. IX. С. 295.

⁸⁹ Там же. С. 296.

стал случай, когда китаец пронёс свиную тушу через двор мечети.

В минскую эпоху с особо важными поручениями в Китай приезжали послы религиозного сословия. Они были наиболее грамотными людьми своего времени, имевшими богатый дипломатический опыт. Первым послом державы Тимура «Минши» называет муллу Хафиза. Муллы возглавляли посольства из Хами, Бешбалика и Могулистана. Как известно, в это время множество людей объявляло себя в Китае официальными послами правителей крупных держав и мелких феодальных владений. Всех их объединяли торговые интересы. Если посольство возглавлял мулла, ему было больше доверия.

Мусульманским купцам и религиозным деятелям не возбранялось в Китае исполнять свои религиозные обряды и молитвы, но в целом отношение к ним было настороженным и недоверчивым, как, впрочем, ко всем иноземцам. Сохранилось, например, обращение паломника из Арабского халифата: «Посол из государства Тяньфан, местности Чанмнши Хочжи Ханьдун обращается с прошением к императору. Ваш покорный раб является странствующим [проповедником] уже более сорока лет. Не потребляю варёную пищу, питаюсь лишь плодами. Ныне надеюсь, мудрейший проявит жалость и [велит] выдать Вашему покорному рабу бумагу, удостоверяющую разрешение ездить мне [куда] пожелаю. Желая славному и мудрейшему правителю здравствовать десять тысяч лет»⁹⁰. На подобные просьбы обычно следовал отказ, было опасение, что проповедники и паломники могут собирать разведывательные данные, свободно разъезжая по стране. Иноземцам разрешалось ездить по стране по обговорённым маршрутам.

Ислам представлял опасность для цинской династии как консолидирующая сила мусульман Синьцзяна и зарубежья. Цинская династия столкнулась с этим с первых лет вторжения в Восточный Туркестан. Мусульмане Центральной Азии пытались противостоять маньчжуро-китайскому нашествию под знаменем «священной» войны против неверных. Этот флаг был поднят правителем могущественной державы Дуранидов афганским шахом Ахмадом⁹¹. Для организации борьбы с маньчжуро-китайскими захватчиками он

---

⁹⁰ ОР ГПБ, ф. 274. Скачков. Рукопись № 4/213. Тетрадь 1. Док. № 12.

⁹¹ Гуревич В. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVI первой половине XIX в... С. 187–198.

направил свои силы послания в Среднюю Азию, Казахстан. Предпринял он и дипломатические шаги, его посольство в Пекине заявило протест против занятия Цинской империей Восточного Туркестана. Император Цяньлун оправдывался тем, что уйгурские хаджи оказались «неблагодарными»⁹², будучи освобождёнными из джунгарского заложничества, «взбунтовались» против благодетелей. Цинская династия пошла на уступки под давлением Ахмад-шаха и других мусульманских правителей, в связи с чем потомков уйгурских хаджей она преимущественно стремилась заполучить в свои руки дипломатическим путём.

Афганский шах Ахмад, по словам Ф. Гордеева, прислал письмо казахскому султану Аблаю, в котором уведомлял, что отправил своё посольство из 40 человек к богдыхану со словами приблизительно такого содержания: «...чтоб он богдохан яко не их мусульманской веры владелец, в владении своём кашкарских и аркентских (яркендских. – К. Х.) мусульман отнюдь не имел и других мусульман не привлекал»⁹³.

По сведениям, полученным Ф. Гордеевым, письмо было ответным. «Киргизы, ташкентцы и туркестанцы от китайцев имеют чрез то великий страх», что казахский хан Абулмамбет, султан Аблай, а также ташкентцы, кашгарцы и «хозюнзы» (дунгане? – К. Х.) отправляли письмо к шаху, чтобы он защитил мусульманские народы от «безбожного китайского богдохана».

Ахмад-шах со своей стороны велел казахам и другим «сартам» не гнать своих коней на торги в китайские крепости: Баркульскую, Ленскую (Илийскую. – К. Х.), Улустинскую и Кульзейкайнатскую (Кульджинскую. – К. Х.). Якобы в связи с этим запретом торговля в этих крепостях намного сократилась. Однако Ф. Гордеев упоминает, что во время его пребывания у казахов в 1763 г. около 500 человек отправились все-таки для торгового обмена. В то же время русский переводчик предполагал, что Аблай выступил со своим отрядом к афганскому войску, стоявшему якобы между Ташкентом и Кокандом⁹⁴.

---

⁹² Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии... С. 70

⁹³ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела. 1763. Д. 2. Л. 8–8 об.

⁹⁴ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела. 1763, д. 2, л. 10, об.

Антицинская коалиция мусульман не смогла выступить с походом против Цинской империи, но сама угроза этого похода, возможно, помешала Цяньлуну направить свои отряды в Коканд или Бухару за наследниками ходжей, подобно тому, как они были посланы в Киргизию и Казахстан за ойратскими бунтовщиками.

Цинская дипломатия действовала методами угроз и подкупа, однако исламская коалиция продолжала поддерживать уйгурских хаджей в их борьбе за власть в Восточном Туркестане как потомков пророка Али, длившейся в течение всего XIX в.

Китайская дипломатия была лишена возможности создавать единую платформу с союзниками на конфессиональной основе. Она демонстрировала свою поддержку законам Дзонхавы, по-своему способствовала распространению ламаизма и его укреплению под своим контролем. В отношении ислама политика была более сдержанной.

Минская династия свергла монгольскую династию Юань. Она провозгласила идею общности китайской культуры с культурой народов Корейского полуострова и стран Южных морей. Этот лозунг был необходим в связи с обострением борьбы с северными соседями. Маньчжурская династия имела больше оснований отнести свою культуру к культуре кочевых народов, особенно на этапе утверждения власти в Китае и в первые годы господства. Хан Нурхацци, основатель династии Цин, видел в монголах своих естественных союзников. Он заявлял: «Вы и мы, хотя различны по языку, но правила ношения одежды [у нас] одинаковы...»⁹⁵. Этим он демонстрировал свое стремление заключить с монголами военный союз.

Использовала цинская династия и сомнительный лозунг своего происхождения от единого предка – Чингисхана. Он мог эффективно действовать за пределами Монголии, в том числе в Средней Азии и Казахстане.

Наряду с конфессиональными союзами Минской и Цинской династий противостояла в Центральной Азии феодальная верхушка Чингизидов. Принадлежность к потомкам Чингисхана давала неоспоримые права на господство от Крыма до Дальнего Востока. Представители монгольской, тюркской и тюркизированной знати на основе

---

⁹⁵ *Ермаченко И. С.* Политика Маньчжурской династии Цин... С. 20.

подлинных или фальшивых генеалогий возводили свое происхождение к Чингисхану, обосновывая тем самым свои права на троны государств Центральной Азии, в том числе и в Китае. Свои права на него заявил Тимур, что выразилось в подготовке похода, осуществить который помешала ему смерть. Отголоском противоборства Минской династии претензиям грозного среднеазиатского самодержца является то, что и сам Тимур, и его внук Улугбек представлялись Минами только как зятя (эфу) Чингисхана. Чингисхан посмертно назван Тайцзу, т. е. Высочайшим предком Юаньской династии, хотя он никогда не правил Китаем. Объединительные функции «чингизизма»⁹⁶ продолжали беспокоить и Цинскую династию.

Мнимое и действительное происхождение от Чингисхана зачастую использовалось Чингизидами для обоснования своих прав на трон во многих государствах Центральной и Средней Азии. Однако известно, что сразу после смерти их предка между Чингизидами началась жесточайшая борьба, в которой родственные связи не помогали избавиться от смерти и разорения.

Китайская дипломатия также взяла на вооружение арсенал монгольских дипломатов. Минская империя образовалась после свержения ею монгольской династии Юань, т. е. правителей-Чингизидов. Тем не менее Чингисхан в «Минши» называется с почтением тайцзу – высочайшим предком. Маньчжурская дипломатия в Центральной Азии распространяла миф о происхождении цинов от Чингисхана. Переводчик Ф. Гордеев в своем рапорте о поездке в ставку казахского хана в 1761 г. сообщал: «Китайский-де владелец (а по киргизскому званию – тер тениртитик), посланным к нему от Аблай-салтана в прошлом году в летнее время Юлбарс и Девлеткерей-солтаном, употреблял-де увещательные и обманчивые речи, дабы их киргизской (казахский. – К. Х.) народ жил с нами, китайцами, спокойно и от него, богдыхана, яко государя своего, не отлагались, ибо-де ни, китайцы, с ними, киргизцами, единоплеменным от начала в прошедших давних летах бывшего Чингизханова поколения, а не так, как русские от них, киргисцов, племенем или родом совсем

---

⁹⁶ Термин введен в научный оборот В. П. Юдиным. (См.: Орды Белая, Синяя, Серая, Золотая // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 106).

отделены»⁹⁷. Объединительный лозунг, основанный на чингисхановской генеалогии, хотя и безуспешно, поднимался среди тюркской правящей верхушки. Как правило, он служил оправданием завоевательных походов, в особенности это хорошо прослеживается в политике Тимура.

Нам представляется, что консолидирующее значение конфуцианства для Китая было намного сильнее, чем ограниченные в пространстве буддизм и ислам. Маньчжурская династия стала опираться на идеи конфуцианства как учения, рассматривающего все человечество как одну семью. Руководствуясь этим учением, Китайское государство достигало могущества в различные времена, особенно в цинскую эпоху. Если Чингизиды утверждали свое избранничество и исключительность на основе лишь собственного происхождения, обосновывая свои права на мировое господство, то конфуцианство обосновывало их в силу высокой миссии китайской цивилизации.

Поклонение духам гор, рек и дипломатия

Традиции, обряды, верования составляют традиционно-бытовой пласт культуры, в значительной степени определяющий этническую, национальную специфику народа. В них раскрываются социальные функции, отражается своеобразие социального опыта, специфика восприятия мира.

В Китае традиции, обычаи обусловлены земледелием как ведущей отраслью производства и специфическим влиянием древних форм верований. К тому же в Китае существовало много веков жесткое регулирование социальных отношений, строго определявшее политический, экономический и правовой статус каждого сословия, а социальное поведение отчетливо регламентировалось в соответствии с сословным положением человека.

Устанавливая отношения с чужеземцами, китайцы регулировали их при помощи традиционных институтов дипломатии. Точно так же они стремились отрегулировать и свое отношение со святынями, духами предков и силами природы, что проявлялось в обрядах. Почитание духов предков и сил природы требовало ответной

---

⁹⁷ О Чингисхане в китайской историографии см.: Историческая наука в КНР. М, 1971.

положительной реакции: «служения» интересам народов и их благосостоянию, а также интересам Китайского государства. Таким же образом китайцы регулировали свои отношения на международной арене. Функции регулирования ложились на внешнеполитические учреждения, Министерство обрядов, на самого императора как верховного жреца. Китайская дипломатия разрабатывала обряды, церемониалы и проводила их с заранее разработанными установлениями. Любой обряд имеет единственный смысл: поставить человека в зависимость от общины, закрепить нормы и правила поведения.

Поскольку в обрядах, носивших политический характер, отражались верования, обычаи, религия народа, четко определялись политические функции представителей этих народов, то в них отражалась духовная культура народов. Так прослеживается влияние на дипломатию сложного комплекса духовно-этических аспектов.

Обряды, связанные с поклонением духам предков, духам природы, известны в Китае с древности. Они составляли немаловажную сторону международной жизни.

С императором Уди, на время правления которого пришлось возникновение и первое осуществление в широком масштабе «западной политики», связаны и различные обряды, применявшиеся позднее в Сиюе. Возможно, в это время и практика обрядов вышла за пределы Китайского государства и стала составной частью китайской дипломатии. Уди завоевал племена наньюэ и приказал приносить жертвы душам усопших юэсцев. Сыма Цянь пишет, что эта практика применялась по совету одного местного представителя, который якобы сказал императору: «По своим обычаям юэсцы верят в души усопших, которые появляются на всех их молениях, что неоднократно приносило (молящимся) пользу. В прошлом Дунью-ван почитал души умерших, а поэтому прожил 160 лет. Последующие поколения стали относиться [к душам усопших] пренебрежительно и поэтому [племена юэ] ослабели.

[Уди] приказал юэскому шаману поставить юэскую молельню, в которой был установлен помост, но без жертвенника. На помосте стали приносить «жертвы духам Неба»⁹⁸. Духи разделялись на духов людей и на небесных духов. Жертвоприношения делались светилам, ветру, дождю,

---

⁹⁸ Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 2. С. 278.

горам и рекам. Уди приказал также приносить жертвы знаменитым пяти священным горам и рекам на территории древних владений Китая⁹⁹. Кроме того, им было приказано совершать жертвоприношения трем горам на землях «варваров»¹⁰⁰.

В том году, когда Уди предпринял поход на Давань (государство в Ферганской долине. – *К. Х.*), «летом династия Хань изменила календарь, приняв за начало года первую луну, среди цвета господствующим стал желтый, для чиновников изменили печати...»¹⁰¹. В том же году «появилась в большом количестве саранча... свершили жертвоприношения с применением магии, чтобы навлечь несчастья на сюнну и на царство Давань», – записал историограф в своей книге¹⁰². Нашествие саранчи в год, когда решено было выставить войско в далекий «западный» поход, возможно, Сыма Цянем приведено как знамение Неба, предупреждавшее о провале этого намерения Уди. В то же время это может быть намеком на отношение к походу самого историка.

Уди отличался особым суеверием даже для того времени. На внешнеполитических делах это отражалось тем, что ханьский император боялся духов повергнутых и убитых врагов, и чтобы умилостивить их, совершал моления с жертвоприношениями. К жертвоприношениям и ворожке он прибегал и для того, чтобы навлечь всяческие беды и несчастья на древних сюнну и даваньцев, и тем самым добиться их покорности.

Корни обрядов с жертвоприношениями, имеющими отношение к иноземцам и их землям, возведение этих явлений в аспект внешней политики Китайского государства, уходят в ханьскую эпоху.

Внешнеполитическая сторона обрядов логично входила в разряд государственного дела. Не случайно внешняя политика была прерогативой специального ведомства – Министерства обрядов (Либу), которое отвечало за соблюдение обрядов и регулировало отношения в китайском обществе, следило и проводило все обряды, связанные с жертвоприношениями.

В эпоху Мин была создана целая система государственных обрядов-жертвоприношений, которые делились на высшие,

---

⁹⁹ *Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 2. С. 279.*

¹⁰⁰ Там же. С. 282.

¹⁰¹ Там же. С. 267.

¹⁰² Там же.

средние и низшие (соответственно – дасы, чжунсы и сяосы)¹⁰³. К высшему разряду относились так называемые государственные обряды, проводимые лично императором. К средним жертвоприношениям относились обряды, приносимые силам природы, Конфуцию и духам умерших императоров. К низшему кругу обрядов относились поклонения духам предков. Две последние категории жертвоприношений должны были проводиться в минском Китае в каждой административной единице, последней из которых была десятидворка.

При Минах «обряды и церемонии были разработаны с поразительной тщательностью: составлялись обязательные проекты храмов жертвенников, устанавливались месяцы, дни и часы совершения жертвоприношений, строго определялись места всех их участников, количество, качество и форма обрядовой утвари, количество и качество жертв (животные, злаки, вино, бумажные деньги, надписи на которых также были строго определены), тексты молитв императора, чиновников, простолюдинов, жителей стодворок, которые они читали во время соответствующего обряда»¹⁰⁴. После регламентирования всех сторон обряда, он уже проводился соответственно этому регламенту.

Жертвоприношения, приносимые за рубежом душам скончавшихся правителей, проводились по индивидуальному указу императора. Они совершались или от имени самого императора, или от имени китайской пограничной администрации. Количество и качество жертвенных подношений зависели не от того, как складывались отношения покойного с Китаем, а от того, какие политические цели преследовало правительство сегодня.

Жертвоприношения отдельным горам, рекам на территории зарубежных племен, а также на вновь завоеванной территории проводились по установленному правилу в одно и то же время года. Тексты молитв составлялись по указу императора чиновниками внешнеполитических ведомств, затем они обсуждались с участием императора и заносятся в специальные анналы. Тексты молитв и приказы императора о проведении обряда за пределами Китая встречаются в сочинениях типа «Шилу» Минской и Цинской династий, а

---

¹⁰³ Боровкова Л. А. Экзаменационная система, обряды... С. 197.

¹⁰⁴ Там же.

также в «Высочайше утвержденном историко-географическом обозрении Сиюя с картами»¹⁰⁵. Некоторые тексты молитв приведены также в книге «Описание водных путей Сиюя»¹⁰⁶.

Одна из крупнейших рек Сиюя – Или. Текст молитвы, посвященной р. Или, составлен от имени императора Цяньлуна: «Мы (император) мандатом Неба наследовали семейное дело (правление страной). Преобразующе и заботливо относимся к бесчисленным владениям. К различным духам относимся с большим почтением и (постоянно) приносим им жертвы. Имеется множество установлений для выражения почитания, надо лишь исполнять их искренне.

Начиная с весны года ихай (1755. – К. Х.) наши войска провели ряд карательных походов. Мои войска достигли реки Или. Подобно благодатному дождю [прошли] и получили чудесный результат. Джунгары тотчас прекратили сопротивление и стали повсеместно наслаждаться спокойствием. Хойбу (Восточный Туркестан. – К. Х.) последовал за ними и тотчас очистился (от скверны). Воды и водяные валы также очистились.

[Теперь] между берегами реки установилось сообщение на лодках и конях. [Сотни] рек и тысячи горных [вершин] объединились и присоединены к [территории Китая]. Думаем, что дух реки смотрит [на это] с одобрением...»¹⁰⁷.

Император упоминает множество обычаев принесения жертв духам. Были и местные обычаи. Для того чтобы не противопоставлять их обычаи китайским, император убеждает, что самое главное приносить жертвоприношения и молиться от всей души, искренне. Таким образом, акцент делается не на сакральную часть моления, а на политическую. Ради нее, собственно, и совершается молебен.

Император считал, что подобно тому, как после благодатного весеннего дождя собирают обильную жатву, так и после «очистительного» карательного джунгарского похода в Джунгарии и Восточном Туркестане люди стали «наслаждаться спокойствием». Установилась связь между двумя районами – Джунгарией и Восточным Туркестаном путем переправы на лодках через воды и верхом – по суше. Успешно завершившееся умиротворение народов, водворение

---

¹⁰⁵ Циньдин хуаньюй Сиюй тучжи. Пекин, 1893. Цз. 21, 25, 26.

¹⁰⁶ Сюй Сун. Сиюй шуйдао цзи. Б/м. 1821. Цз. 5.

¹⁰⁷ Циньдин хуаньюй Сиюй тучжи. Цз. 26. Л. 2.

порядка, по мнению императора, должны вызвать одобрение духа Великой р. Или. Жертвоприношения должны были выразить благодарность духам, без помощи которых этот успех был бы невозможен. В то же время они должны были умиловить их и «приручить», чтобы они и далее оказывали свое покровительство. Регулярные жертвоприношения означали предъявление прав на реку и на территорию, по которой она протекает.

Молебны с жертвоприношениями проводились и по истоку р. Или – Кунгесу. Текст молитвы, посвященный этому жертвоприношению, несколько отличался от предыдущего, но преследует ту же цель:

«Могущественный дух [реки Кунгес] своим движением могуче толкает и далеко продвигает [ее] воды. На всем течении реки образуется множество водоемов (озерков и речушек), которые орошают почву Сиюя, зависевшего в эпоху Тан от Бэйтинского духа¹⁰⁸. Орошая [земли], дух реки способствует процветанию земледелия и скотоводства. Пользуясь благоприятным географическим расположением [земли, по которой протекает река], можно распространить далее мощь [нашего государства]. Люди могут воспользоваться орошающей благодатью [воды] и с радостью воспримут наше влияние.

Мы [император], о владении [которого] известно повсюду, привлекаем [окружающие] нас народы [добрым отношением] и покоряем всех [нашей силой]. Наша гражданская и военная власти одинаково пребывают на высоком уровне. [Все звенья нашего государственного аппарата] усердно служат [нашим интересам] и послушны [Моей] воле. [Сигнал боевой тревоги], подобно грому, сотрясает [и приводит] в движение [Мои] вооруженные силы. Объединенные силы народа созвучны и создают единое целое с нашими несметными войсками. Полагаем, что польза и помощь, [приносимые] большой рекой, могут увеличиться, [благодаря] проводимому обряду жертвоприношений, [когда по обряду] поили коней в реке Янцзы¹⁰⁹, даже [будущие] волны [успокоились и тем самым] принесли свои поздравления. [Ныне, когда] обмыли

---

¹⁰⁸ В «Синь Таншу» в разделе «Описания устройства земель» (См.: Боровкова Л. А. Место и роль «дудуфу» и «духуфу» сказано, что духу «держали в своих руках управление чужеземцами в системе администрации империи Тан (VII–VIII).

¹⁰⁹ В Древнем Китае после похода купали и поили боевых коней в реке. Это был своеобразный обряд очищения от крови и жестокости.

коней в излуине реки с пышными зарослями, все могут наслаждаться благотворными идеями цивилизации.

[Мы] специально издали приказ и велели [своим] слугам [чиновникам] [Министерства обрядов] проводить жертвоприношения [реке] весной и осенью. Оповестить [в удобное время] всех о нашем желании покровительствовать. Выбрать благоприятный чистый во всех отношениях день [для обряда]. Дабы все могли наслаждаться [безоблачным] счастьем [под крылом] нашего заботливого отношения, рассчитанного навечно.

Провести обряд, исходя из этих установлений, дабы проживающий здесь народ был растроган»¹¹⁰.

Главной целью обряда является утверждение прав цинской династии на вновь приобретенные земли. Он должен был вызвать чувство благодарности местного населения, растроганного заботливым отношением династии как к духам рек, так и к населению. Кроме того, этот священный акт должен был помочь естественно распространить власть цинской династии далее.

Помимо рек жертвоприношения с обрядами проводились и по горам.

Функция рек заключалась в том, чтобы, орошая земли, они способствовали народному благоденствию, развитию земледелия и скотоводства. «Политическая» функция реки заключалась в том, что ее течение должно было способствовать распространению силы и влияния китайского государства, его власти.

Функция гор также была в принесении пользы народу, их воды орошали пастбища, их склоны, поросшие богатыми травами, способствовали изобилию скота. К примеру, горам Барлык¹¹¹, получившим свое название от того, что здесь произрастали все травы, приносились жертвы регулярно. Приносились они и предгорьям, богатым низвергающимися с гор водами, что благоприятствовало развитию поселений (дунь) и земледелия (Тарбагатай)¹¹².

Неприступные вершины, вздымающиеся рядами, подобно тысячам бамбуковых стрел, застывшими волнами, простирающимися в необозримые дали, должны были

---

¹¹⁰ Циньдин хуаньюй Сией тучжи. Цз. 26. Л. 1.

¹¹¹ Сюй Сун. Сией шуйдао цзи. Цз. 5. Л. 11 об.

¹¹² Там же. Л. 12 об.

предохранять от врагов и быть естественной надежной преградой на их пути. Жертвы духам гор приносились для того, чтобы духи лучше выполняли свои обязанности. Ведь духи должны быть довольны тем, что «объединились истоки с ответвлениями», «корни со стволами», что земли и народы присоединены к территории, на которой правит просвещенная династия, благодаря чему «везде царит спокойствие, а народы наслаждаются ничем не омраченным счастьем».

Жертвоприношения озерам Алаколь и Сасыкколь совершал иногда начальник гарнизона пограничных войск (линьдуй дачэнь) вместе с казахами, проживающими в окрестностях¹¹³. Когда весной ставились караулы, начальники гарнизонов встречались с представителями русских властей, а также пограничными казахами, торговавшими на рынках Тарбагатай и Кульджи. На встречах разбирались взаимные претензии, обсуждались вопросы совместного использования пастбищ. Тогда же, вероятно, проводились обряды жертвоприношений озерам, с которыми легенда связывает происхождение предков казахов. Поэтому Алаколь считался у казахов священным.

Жертвоприношения горам, рекам издревле совершались местными народами. Богу воды поклонялись и земледельцы, и скотоводы. Жертва приносилась на берегу. Кровь жертвенного животного спускали прямо в воду, не давая ей стечь на землю. Мясо жертвенного животного варили тут же, на берегу, и съедали¹¹⁴. Подобным обрядом скреплялись договоры о прекращении вражды, заключении мира с недавними противниками.

Горам поклонялись монголы и тюрки. Поклонение горе, давшей укрытие Чингисхану, скрывавшемуся от меркитов, стало государственным мероприятием¹¹⁵.

Черневые татары считали гору Кара-Чобра (системы Кара-кокши, с нее берет начало р. Ынырга) священной и приносили ей жертвы за то, чтоб она была убежищем и защитой. «В старину, когда приходили войной монголы, – рассказывали татары миссионеру Чавалкову, – богом нашим была вот эта гора со скалой, и мы теперь каждое лето приносим ей жертвы.

---

¹¹³ Там же. Л. 14 об.

¹¹⁴ Древние обряды, верования и культы Средней Азии. М., 1986. С. 57. Кармышева Дж. Х. Земледельческая обрядность у казахов...

¹¹⁵ Хуан Шицзянь. Юаньдай лису... С. 20.

И теперь она со своими растущими на ней орехами дает нам хлеб и подати. Когда монгольское войско преследовало наш народ, и он, взойдя на эту гору, принес ей жертву, то она стала неприхотливой и, как ночь, черным лесом»¹¹⁶.

«Уйгуры и в средневековье, и позже поклонялись деревьям, священным камням. Среди священных деревьев называют кипарис, сосну»¹¹⁷.

В Китае так же, как и у народов Центральной Азии, почитались деревья, им, как и людям, давали почетные прозвища, их и наказывали. В 219 г. до н. э. император Циньшихуан поднялся на святую гору Тайшань. Неожиданно налетел ураган с дождем, и император укрылся от него под деревом. Затем этому дереву было пожаловано звание «большой чиновник» (удафу). Эта легенда записана Сыма Цянем. Последний император династии Мин, окруженный маньчжурами, повесился на ясене на горе Цзиншань. Цинская династия, захватив власть, сохранила и оберегала это дерево, однако в «наказание» дерево было заковано в цепь¹¹⁸.

Поклонялись деревьям и джунгары, и народы Средней Азии. Поклонялись, например, чинаре (платану) за его отрадную тень, деревьям, имеющим какую-то необыкновенную черту. Каждое дерево, не посаженное человеком, растущее в пустынной местности, являлось в их представлениях частью иного мира, прибежищем духов. На него вешали кусочки ткани, ленты.

Цинские императоры имели обыкновение заводить речи на аудиенциях о диковинках Западного края, обычаях и суевериях. В нескольких источниках упоминается необыкновенное дерево¹¹⁹, имеющее сросшиеся пять стволов. Оно было одной из святынь казахов Старшего жуза. Этому дереву посвящено стихотворение Цяньлуна «Высочайшее послание (на чужбину) в Казахстан».

«В северо-западной оконечности Казахстана имеется одинокое дерево, у которого пять стволов. Его тень так велика,

---

¹¹⁶ *Верещагин В. И.* Поездка по Алтаю летом 1908 г. Путевые заметки // Алтайский сборник. Барнаул, 1910. Т. 10. С. 15.

¹¹⁷ *Исиев Д. А.* К вопросу о верованиях уйгурского народа // Вопросы истории и культуры уйгуров. Алма-Ата, 1987. С. 122.

¹¹⁸ *Сидихменов В. Я.* Маньчжурские правители Китая. С. 8.

¹¹⁹ *Хэ Цютао.* Хасакэ шулюэ (Краткий очерк о казахах) // Сяофанху чжай юйди цунчао. Пекин, 1899. Т. 10 Л. 107 и др.

[что] под ней могут укрыться двести всадников. Казахи называют его «Олуе ингэкэ чамодо». Олуе – это название реки. Гэкэчамодо – наименование одинокого дерева. Это название изначально было дано торгоутами. Дерево родилось у истока реки. [Люди] издавна слушают его [священный] голос. Слух о нем распространился далеко. Расспрашивали [об этом дереве] прибывших [к нам] послов. [Они] верят этому... «Вселенная столь велика, почему бы не быть такому [чуду]», – говорили [казахские послы]»¹²⁰.

Беседа на темы святынь народов Центральной Азии с их послами также говорит о государственном значении, придаваемом обрядам.

Ритуальные тексты для большинства жертвоприношений были составлены и опубликованы вскоре после завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана в 1761 г.¹²¹ Но обряды жертвоприношений проводились и раньше, начиная с 1759 г. В этом году «в связи с умиротворением» Сиюя Цяньлуном были направлены чиновники для совершения обряда на реке Или. Тогда же было приказано проводить их ежегодно дважды: весной и осенью. Ряд жертвоприношений был принесен в 1763 г., в том числе р. Кунгес¹²², горам Алтын-Эмеля, возможно, вершине Матай, известной своими целебными источниками¹²³. В 1766 г. был дан указ проводить обряды на озерах Алаколь и Сасыкколь¹²⁴, на Барлыке¹²⁵. Несомненно, что кроме обряда в Или в 1759 г. столь же торжественный обряд вскоре после покорения Восточного Туркестана и в связи с триумфальным возвращением войск был проведен в Богда-ола, на «самой высокой вершине системы Тяньшаня»¹²⁶.

Как уже говорилось, к числу обоготворяемых гор был причислен и Тарбагатай. Жертвоприношения проводились также при основании крепостей и городов в Джунгарии и Восточном Туркестане. Несмотря на распоряжение проводить приношения пограничным горам и рекам ежегодно осенью и

---

¹²⁰ *Вэй Юань*. Шэнью цзи. Цз. 4.

¹²¹ Циньдин хуаньюй Сиюй тучжи. Цз. 26. Л. 2.

¹²² Циньдин хуаньюй Сиюй тучжи. Цз. 26. Л. 2.

¹²³ Там же. Цз. 22.

¹²⁴ Там же. Цз. 25.

¹²⁵ *Сюй Сун*. Сиюй шуйдао цзи. Цз. 5. Л. 11, об.

¹²⁶ Циньдин хуаньюй Сиюй тучжи. Цз. 21 Л. 2–2, об.

весной, сроки не соблюдались, а в XIX в. об этих приношениях стали забывать¹²⁷.

Более регулярно обряды совершались в первые годы после присоединения земель, после совершенных набегов на кочевья казахов и киргизов. Частично они могли проводиться и при правлении Цзяцина (1796-1821). О жертвоприношениях, проводимых в XIX в., сведений нет. О положении с обрядами в конце XVIII в. писал Вэй Юань: «В годы правления следующего императора Жэньцзун в Или [ийском] крае был воздвигнут алтарь божества Земли и злаков и издан императорский указ [о том, чтобы] горам и рекам Илийского [края] совершались весенние и осенние жертвоприношения, пользуясь по-прежнему ритуальными текстами, обнаруженными при Цяньлуэ, только вместо [храмового] имени Гаоцзун Чуньхуанди подставить название [девиза правления] Жэньцзун»¹²⁸.

Храмы Земли и злаков обычно строились вблизи больших городов. Выбор времени года для жертвоприношений совпадал с обрядами других народов: весной молились об урожае и осенью – после сбора урожая.

Жертвоприношения совершались в честь победы над врагом империи (монголами, джунгарами, уйгурами), после подавления восстаний народов, при покупке и опробовании военного вооружения (к примеру, европейских пушек).

В 1897 г. в Суйдин из Урумчи были доставлены два полевых и два горных орудия. После их сбора, что удалось сделать с трудом, на полигоне состоялся обряд торжественного окропления новых орудий кровью заколотых специально для этих целей двух свиней и двух овец. Затем состоялась пробная стрельба¹²⁹.

Министерство обрядов в цинскую эпоху постепенно ряд своих функций передало местной администрации. Канцелярия генерал-губернатора Или Инъучу отвечала за проведение обрядов, жертвоприношений на территории края, а также за его пределами в доступных районах. Жертвоприношения духам гор и рек делились на главные и второстепенные. К основным жертвоприношениям относились ежегодные

---

¹²⁷ Чоубань ну шимо. Сяньфэн чао. Цз. 11. Л. 24.

¹²⁸ Вэй Юань. Шэну цзи. Цз. 4.

¹²⁹ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5103, л. 113–113, об. Письмо российского консула в Кульдже С. Сокова М. А. фон Таубе от 28 Января 1897 г.

обряды, проводимые в честь духов р. Или и гор Гэдэн, Эрин-Хабирга, Абулар, Аэрдан-Эмыньер дуту, Таэрци, Кунголо-олуань. Со всеми этими горами связаны победы, одержанные маньчжуро-китайскими войсками над отрядами и ополчениями местных народов.

Второстепенные жертвы приносились духам рек и озер: Сайрамнору, Каши – притоку Или, Алимату, Чаган-Усу, Хоргосу, Кунгесу, Чэцзи, Хоманьэр, Куйтунь.

Иньучу отвечало и за обряды поклонения духам предков, среди которых были покорители Западного края, командующие войсками, другие офицеры высшего командования. Они же, выжив в войне, назначались на высокие посты в города Восточного Туркестана. Среди тех, чьим душам устраивались моления в Илийском крае, были покончившие с собой в результате окружения в 1755 г. джунгарами цзяньцзюнь Баньди – цанцань дачэнь Оу Жунань, Агуй, Шухудэ, Илату, Баонин. Для этого специально был выстроен Храм предков в г. Кульдже. Кроме него имелось еще 6 кумирен¹³⁰.

Обряды предусматривали сплочение вокруг них определенного коллектива. Проводимые при дворе императора, они ставили целью сплотить «вассалов» вокруг «сюзерена», т. е. китайского императора, распределить роли всем его участникам. Поскольку обряды на территории завоеванных стран или на близлежащих к этим территориям проводились преимущественно одной стороной – китайской, – то здесь может идти речь о демонстрации покровительства династии краю.

Политическая окраска обрядов духам гор проявлялась в том, что избирались те из них, которые имели отношение к крупнейшим внешнеполитическим акциям Китайского государства, к историческим событиям в жизни местного народа. Обряды являлись средством оказания влияния на эти народы и поднятия престижа правящей династии. Ведь различные культы существовали и проводились в разной форме во владениях Центральной Азии.

Языки в дипломатической практике Китая

В Китае минская династия сменила монгольскую Юань, а затем уступила трон маньчжурской династии Цин. Все эти

---

¹³⁰ Или шин (Справочник Илийского края) // Рук. Б. М. Б. Г.

эпохи китайский язык наряду с другими продолжал обслуживать дипломатию, а в эпоху Мин стал господствующим.

В эпоху Цин три языка были официальными – китайский, маньчжурский и монгольский – на них писались официальные документы при дворе.

В Минской империи молодые люди канцелярии «Сы и гуань» упражнялись в переводах документов из Индии и Кореи, из Средней Азии и Монголии и других стран. Однако были случаи, когда содержание послания на китайском языке не доводилось до иноземного правителя своевременно. Например, послания минских императоров русскому царю более полувека лежали в архиве России непереверденными в связи с отсутствием переводчика с китайского языка¹³¹. Между тем Сибирь имела тесные контакты с Китаем и Монголией. В XVII–XVIII вв. Китай еще не готовил своих переводчиков с русского языка.

В конце правления династии Мин в Китае большое влияние получили европейские миссионеры. В изучении китайского языка и китайской грамоты они достигли непревзойденных высот. Миссионеры были переводчиками китайцев в их отношениях с западноевропейскими странами и Россией. Латынь стала входить в сферу внешнеполитической деятельности Министерства обрядов.

В начале правления династии Мин миссионеры еще сохраняли свое положение, а при императоре Канси они участвовали в крупнейших международных переговорах, среди них следует упомянуть заключение Нерчинского договора. Однако уже в 1685 г. император Канси велел передать в Россию, чтобы в будущем царские грамоты присылались в Китай не только на латыни, но и на монгольском языке¹³². Китайские послы 1713 г. на приеме у сибирского губернатора М. П. Гагарина «передали свои верительные грамоты, писанные на латинском, китайском и монгольском языках»¹³³. Латинский язык в качестве языка-посредника не всегда удовлетворял цинских императоров, во времена правления Цяньлуна на миссионеров начались гонения, и они навсегда потеряли то привилегированное положение, которое имели при Канси.

---

¹³¹ Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в... С. 66, 271.

¹³² Там же. С. 203.

¹³³ Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. 1. С. 598.

Монгольский язык был средством общения Китая с северными соседями издавна. Применялся он в дипломатических контактах Китая с монгольскими и среднеазиатскими ханствами, а также с Россией. Заметим, что посольство казахского султана Аблая в Санкт-Петербурге во главе с Урусом вело переговоры в 1762–1763 гг. на монгольском языке¹³⁴. Первое послание императора Цяньлуна к казахам в 1755 г. было переведено на монгольский язык в ставке командующего маньчжурско-китайскими войсками в Джунгарии¹³⁵. В состав посольства были включены ойраты как проводники и переводчики.

Из разных источников сибирскому губернатору Ф. И. Соймонову стало известно о переписке между казахским султаном Аблаем и цинским двором. В 1759 г. он докладывал Коллегии иностранных дел об отъезде послов султана в Китай в 1759 г. и о том, что из Китая их «отправили обратно к Аблай-салтану с письмами на двух языках – на калмыцком и мунгалском, которое де находящийся у него, Аблая, в полону грамотной зенгорской калмык читает и обще с Аблаем киргизскому народу чрез перевод толкует»¹³⁶.

В 1760 г. послание было направлено на языке, непонятном для казахов (маньчжурском? – К. Х.) «Токмо по недовольному того их толмача киргизского разговора знанию истолковать киргисцы вскорости не могли», – пишет Ф. Гордеев в своем донесении. Он в это время находился в ставке султана Аблая с поручением от оренбургских властей. Поскольку толмач цинского посольства не знал достаточно хорошо казахский язык, султанам Аблаю и Жолбарысу пришлось «толковать» то письмо, по словам Ф. Гордеева, «на колмацком и персидском разговоре»¹³⁷. Сам Гордеев был переводчиком татарского языка, и его заявление о персидском языке снимает некоторую недоверчивость. Скорее можно было бы предположить, что кроме ойратского, султаны могли объясняться с цинскими послами на одном из тюркских языков, например на чагатайском. Однако одно несомненно, что уже в то время переговоры китайских посольств в Казахстане велись через двойные и тройные переводы.

---

¹³⁴ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела. 1762–1763, д. 9, л. 49.

¹³⁵ Циньдин пиндин чжуныгээр фанлюэ. Чжэнбянь. Цз. 14. Л. 27.

¹³⁶ Международные отношения в Центральной Азии. Кн. 2. С. 148.

¹³⁷ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия Главного командира Сибирского корпуса. 1760, оп. 1, д. 89, л. 246.

Через несколько лет один из представителей русских властей сообщал, что он «уведал, что у означенного Аблай-солтана находится с китайской стороны писарь, коего он, когда нужно случается, к китайскому хану письма заставляет, да и сам он, Аблай, по-китайски читать и писать умеет и разговор нарочито знает»¹³⁸.

Логично предположить, что в ставке казахского султана находился ойрат, который переводил султану письма цинского двора с параллельным монгольским текстом. Султан Аблай мог выучить ойратский язык в плену и, по многочисленным сведениям, действительно говорил на ойратском языке.

В свое время еще ойратские ханы использовали в качестве переводчиков кашгарцев и других уроженцев Восточного Туркестана, когда направляли послов в Среднюю Азию и Казахстан. Многочисленные монгольские князья Сибири и Алтая, идя навстречу просьбам Москвы, в XVII в. также стремились направлять письма на «татарском» языке. Свидетельств тому множество.

Алтын-хан в 1636–1637 гг. говорил послам царя Михаила Федоровича, что он не получил ответа на свою просьбу прислать переводчика, «чтобы умел по-русски и по-мунгальски грамоте»¹³⁹. Но русскому правительству было предпочтительнее вести переписку и переговоры на татарском языке. Тобольский воевода П. И. Пронский передавал в 1641 г. одному из джунгарских тайджи: «Присылал ты, Чокуртайша, в Тобольск посла своего Могонака, а с ним присылал лист калмыцкое письмо, а что в том листу написано, того не ведомо, потому что в Тобольску колмацких переводчиков нет, того листа перевесть некому, а впредь учнешь великому государю нашему бити челом, и тебе присылать листы в Тобольск, написать татарским письмом, а не колмацким»¹⁴⁰.

В 1642 г. «послал... контайша (Эрдени Батур-хунтайджи. – К. Х.) письма – лист писан татарским письмом»¹⁴¹. В 1644 г. Тобольск вновь подтвердил свою просьбу: «А вперед будет у него Контайша о чем писати, и он бы присылал листы татарским письмом, а не колмацким»¹⁴². В русском архивном

---

¹³⁸ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела. 1775, д. 1, л. 54–54, об.

¹³⁹ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1634–1954. С. 38.

¹⁴⁰ Там же. С. 220.

¹⁴¹ Там же. С. 227.

¹⁴² Там же. С. 236.

документе указано, что два письма хунтайджи к Михаилу Федоровичу переведены «с нагайского языка»¹⁴³.

Русское правительство предпочитало отправлять в ставку джунгарских ханов татар. Так, в 1644 г. к Эрдени-Батуру-хунтайджи выезжало русское посольство, к которому назначили татарина Кугембердейку «с листом»¹⁴⁴. В 1651 г. хунтайджи прислал с неким Енеем в Тобольск «лист писан татарским языком»¹⁴⁵. Переговоры того же года в его ставке прошли при помощи переводчиков из служилых татар. В 1652 г. посол калмыцкой княгини кошучи Еней передавал, что его правительница гарантирует проезд русского торгового каравана в Китай через монгольские улусы¹⁴⁶. Скорее всего, здесь речь идет об одном и том же человеке. Этого кошучи Енея сопровождали бухарские торговцы Сеиткул Аблин и Е. Сеитов. С. Аблин был рекомендован также русскому послу в Китае Ф. И. Байкову для включения его в состав посольства. С. Аблин имел земельные владения близ Тобольска, его называют в источниках то тобольским харцем, то тобольским татаринном. Кроме него, членом посольства Ф. И. Байкова был другой «бухарстин» – Бабур Елубобоев¹⁴⁷. Все это дает основание утверждать, что татарский язык предполагался быть языком-посредником в переговорах русского посольства с цинским правительством, во всяком случае, одним из таких языков, ибо знающих китайский язык у Ф. И. Байкова не было. Влияние татарского языка чувствуется и в документах посольства. Город Чжанцзякоу назван Капка, что означает то же, что и коу – проход, Пекин – Ханбалик, а Хух-Хото – Кококотан¹⁴⁸.

Русское правительство после завоевания Казанского ханства и освоения Сибири предпочитало вести переговоры с восточными странами на одном из тюркских языков, который фигурирует в документах как татарский.

«Благодаря находившимся на русской службе татарам, русское правительство для сношений с правительствами

---

¹⁴³ Материалы по истории русско-монгольских отношений. С. 247.

¹⁴⁴ Там же. С. 236.

¹⁴⁵ Там же. С. 368–369.

¹⁴⁶ Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. С. 80–81.

¹⁴⁷ Русско-китайские отношения в XVII в. Т. 1. 1608–1683. С. 181.

¹⁴⁸ Там же.

мусульманских стран располагало готовым кадром переводчиков; этим отчасти объясняется, почему переднеазиатские языки еще в XVIII в. изучались в России менее, чем языки Восточной Азии». Татарский язык был некоторое время языком общения между Россией и Персией. Грамоты на персидском в России, вероятно, татарами и излагались в дипломатических сношениях между Россией и Персией. «Грамоты на персидском языке также переводились в России, вероятно, татарами излагались слогом русских официальных бумаг», – отмечал В. В. Бартольд¹⁴⁹. Среди деятелей татарского происхождения, оказавших России большие услуги при сношениях с переднеазиатскими и восточноазиатскими государствами, Бартольд назвал Мухаммед-Юсуфа Касимова. К ним можно причислить А. И. Тевкелева, принявшего в подданство казахских ханов, уже упомянутого выше Сеиткула Аблина и многих других менее известных деятелей, в их числе и уйгурских. Дело в том, что постепенно к «татарскому языку» стали причислять кашгарское и малобухарское, таранчинское наречия и сартский язык.

Россия при посредстве переводчиков тюркского происхождения обслуживала дипломатическую деятельность в регионе Передней и Малой Азии, а также Дальнего Востока. В отношениях с Китаем такое положение сохранялось до того времени, когда кадры переводчиков китайского языка стала поставлять Русская духовная миссия в Пекине. Но переводчики татарского продолжали свою деятельность вплоть до XIX в.

Русские чиновники отмечали: «Наиболее распространенным в Степном и Туркестанском генерал-губернаторстве являются тюркские наречия – киргизский, сартский, таранчинский и другие, одинаково господствующие и на прилегающей к названным генерал-губернаторствам китайской территории, населенной тем же одноплеменным составом населения, как и у нас»¹⁵⁰. Отсюда можно предположить, что китайская сторона активно привлекала для общения с Россией переводчиков тюркского происхождения. Китайская дипломатия имела в этом деле многовековую практику. В эпоху Юань (XIII–XIV

---

¹⁴⁹ Бартольд В. В. Соч. М., 1977. Т. 9. С. 373–374.

¹⁵⁰ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 125, л. 263.

вв.) в период монгольского владычества переводчики-уйгуры несли службу дипломатических контактов Китайской империи на всем азиатском континенте. С воцарением Минов восточнотуркестанские дипломаты и переводчики через короткое время вновь стали привлекаться Китайским государством для установления и развития отношений с Сиюем. Императорский эмиссар в Ганьсу Чжао в 1536 г. обратился с докладом, чтобы в дальнейшем отказаться от услуг так называемых «сэму»¹⁵¹. Однако без помощи восточнотуркестанцев минская династия не смогла бы успешно поддерживать отношения не только с державой Тимура (где, кстати, государственным языком был персидский), но и с Могулистаном и Монголией.

Роль уйгуров усилилась особенно при правлении династии Цин. Выходцы из различных городов, среди которых отличались кашгарлыки, учились китайскому языку и письменности. Некоторые из них делали успехи, подвергались экзаменам и получали ученые степени. Чаще всего это была первая степень сюэя, далее пробиваться уйгурам было тяжело, так как цинская администрация предпочитала использовать уйгуров на небольших штатных должностях. Сказывалось общее недоверие к их лояльности. Более широко уйгуры использовались как переводчики внутри государства, а также в посольских связях с ханствами Средней Азии и Казахстана. Поручения выполняли также торговцы – по преимуществу уйгуры, узбеки и татары. Небольшие различия в их языках не могли служить помехой для общения. Кроме того, все языки объединяли единая арабская графика и школа обучения. Образование тюркские народы Синьцзяна и Средней Азии получали приблизительно одинаковое. Основой обучения в течение XIV–XIX вв. оставались Коран и другие религиозные книги мусульман.

Учебники, издававшиеся в Казани, могли одинаково использоваться в Синьцзяне, и наоборот – синьцзянского издания – в Средней Азии и Казахстане. Поэтому учебные пособия перевозились купцами из Русского Туркестана в Китайский Туркестан. В 1891 г. из Ташкента в Омск от начальника Туркестанского таможенного участка были направлены для цензуры тюки книг на восточных языках. В Ташкент они были присланы из управления Иссыккульского

---

¹⁵¹ Минши. Цз. 332. С. 31867.

и Нарынского таможенных участков. До февраля следующего года из Пржевальска, где находился Иссыккульский таможенный участок, прошло 168 книг, из которых 153 оказались написанными на «мусульманских» языках. Среди последних было 135 молитвенников с текстами из Корана для первоначального обучения детей и 18 экземпляров тех же молитвенников в стихах. Оказалось, что все эти учебные пособия были изданы в Казани на средства одного купца и книгопродавца в типографии Казанского университета в 1881 и 1887 гг. Книги были вывезены в Сынцзян, а оттуда привезены среднеазиатскими торговцами¹⁵².

Общие культурные традиции, географическая близость и этническое родство народов Средней Азии, Казахстана и Сынцзяна, знание обычаев и нравов друг друга делали представителей некоторых сословий незаменимыми на дипломатической службе двух стран. При помощи переводчиков тюркского происхождения дипломатические возможности двух стран расширились от Передней Азии до Сибири и Монголии включительно. Ареал деятельности также был весьма обширен – от местных пограничных вопросов до межгосударственных¹⁵³.

О многоязычности китайских посланий в свое время говорил Ч. Валиханов, однако его набросок о китайских грамотах увидел свет только в 1964 г.¹⁵⁴ В нем Ч. Валиханов рассказывает о четырех грамотах, направленных цинскими императорами Цяньлуном, Цзяцином и Даогуаном казахским правителям¹⁵⁵. Эти послания адресованы султану Аблау и двум поколениям его потомков. Ч. Валиханов намеревался опубликовать переводы полных текстов грамот, предварить их исторической справкой и снабдить обширным научным комментарием. Ранняя смерть или какая-то другая причина помешали ученому осуществить свой замысел. План составлен так, что и сегодня отвечает всем требованиям источниковедения.

---

¹⁵² ЦГА РК. ф. 64, оп. 1, д. 5173.

¹⁵³ *Хафизова К. Ш.* Тюркские языки в дипломатической практике Китая // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке: III всесоюзная конференция востоковедов. М., 1988. Т. 2. С. 175–177.

¹⁵⁴ *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. в 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 3.

¹⁵⁵ *Хафизова К. Ш.* Чокан Валиханов о китайских грамотах // Чокан Валиханов и современность. Алма-Ата, 1988. С. 179–185.

Теперь грамоты затерялись, о содержании их известно лишь из отрывочных сведений наброска. Мы пытались найти эти послания в китайских источниках и обосновать свои находки. Очень важно, что Ч. Валиханов имел дело с подлинниками документов, хранившимися в доме аблаевичей. Уже в 50–60-х гг. XIX в. они пришли в ветхое состояние, тонкая рисовая бумага рассыпалась, а знаки частью были стерты.

След грамоты затерялся, с тех пор мало кому повезло держать в руках подлинники, поэтому значение любого сведения, набросанного выдающимся казахским ученым, трудно переоценить. Во-первых, о подлинности грамот свидетельствует то, что шелк, на который была наклеена бумага с текстами, имел желтый цвет с узорами по краям в виде драконов. И желтый цвет, и драконы символизируют в Китае императорский дом. Грамоты представляли собой свиток длиной в два аршина и шириной в аршин (0,71 м), на них имелись крупные печати красного цвета. Но, пожалуй, самым драгоценным свидетельством Чокана является для нас указание на многоязычность документов.

Самая ранняя из грамот, имевшихся в распоряжении ученого, была написана на маньчжурском и монгольском языках, две последующие – на трех языках: маньчжурском, китайском и тюркском. С последней грамоты от Даогуна к султану Габайдулле Чокан Валиханов имел тюркский список. Тюркский язык он определил как малобухарское, а точнее, кашгарское наречие. Известно, что в русской исторической литературе Малой Бухарией называли Восточный Туркестан, а Большой Бухарией – Среднюю Азию, вместе же эти районы в совокупности с Казахстаном и Киргизией назывались в XVIII в. Татарией. Последовательность, с которой Ч. Валиханов перечислял языки, показывает, что уйгурский язык с конца XVIII в. становится основным языком-посредником в сношениях с казахскими правителями, а также с Кокандом.

Любопытную сценку описал лекарь Русской духовной миссии Войцеховский. Однажды миссию в Пекине навестили татарин по имени Назар, «или по-татарски Аблатип», вместе с каким-то казахом «также довольно внятно объясняющимся на русском языке». Их сопровождал «татарин, пекинский житель». «После взаимных наших приветствий, – пишет Войцеховский, – просил я татарина объяснить мне, каким образом он и товарищ его киргиз познакомились с нашим отечественным языком, и во удовлетворение моего любопытства расска-

зал он мне в коротких словах историю своей жизни, что он уроженец казанский, еще в младенчестве своей в киргизскую степь магометанским князем увезенный, где находясь чрез многие годы от нечастого употребления (русского. – К. Х.) языка отчасти уже и позабыл оный... Киргиз (казах. – К. Х.) же выучился российскому языку от частого свидания на границе с россиянами при Омской крепости, где часто он бывает по делам службы и весьма хвалится гостеприимством наших соотечественников. Сверх того татарин упоминал фамилии многих пограничных начальников и также татарского языка переводчиков Бекметьевых – отца с сыном, сказывая, что Бекметьев-младший из Санкт-Петербурга приехал в Омск, а отец на место его поехал в Санкт-Петербург»¹⁵⁶. Из отрывка видно, что татарские, а также казахские переводчики сопровождали купцов, посольства казахов в Пекин и Петербург, что говорит о широком поле их деятельности.

Войцеховский продолжает свой рассказ: «На третий день ознакомления моего с татаринном князь киргизский, которого они называли султаном, в сопровождении пекинского татарина посетил также меня. Он не знал ни маньчжурского, ни китайского языков, употребляя сопутствующего магометянина вместо переводчика, и мы разговаривали с ним на китайском языке»¹⁵⁷.

Безусловно, с китайцами казахский султан также вел переговоры при помощи татарина, знающего китайский язык. В XIX в. появились и казахи, знавшие русский и китайский языки.

В 1862 г. В. В. Радлов для поездки в Кульджу нанял казаха по имени Тутай, который долго жил в Синьцзяне и говорил по-китайски на одном из южных диалектов и литературном северном, а также по-монгольски¹⁵⁸. К тому же он был хорошо знаком с местными условиями, знал жизнь пограничных казахов. Так, он доверительно сообщал ученому, что многие казахские аулы часть года проводят на китайской территории, т. е. перекочевывают на сезонные пастбища.

Подолгу жившие в Пекине и в Синьцзяне казахские султаны также изучали китайский язык. По свидетельству Ч. Валиханова, хорошо знал язык его дядя Габбас.

---

¹⁵⁶ ГААО, ф. 3, оп. 1, Д. 423, Л. 119.

¹⁵⁷ Там же, л. 120 об.

¹⁵⁸ Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. С. 504.

Тюркские языки были в постоянном обиходе пограничных властей Китая. Правительство, наметив общие контуры своей среднеазиатской политики, предоставило синьцзянской администрации относительную свободу общения с феодалами соседних владений. Дипломатические и торговые связи с ними были поделены следующим образом: с казахами – через Тарбагатайского цанцзань дачэня (помощника генерал-губернатора), с узбеками и киргизами – через Кашгарского цанцзань дачэня. При этом решались вопросы торгового обмена, обговаривались сроки приезда торговцев в города Синьцзяна, а также дела по взаимным угонам скота, перекочевкам, грабежам, убийствам и т. д. В политическом аспекте синьцзянские власти интересовали феодальная междоусобица и расстановка сил в среднеазиатских владениях, связи их с сородичами в Синьцзяне. Нередко силы китайской дипломатии были направлены на то, чтобы пресечь этнические и политические контакты народов Синьцзяна с народами Средней Азии и Казахстана, особенно в период социальных обострений на границе империи: национальной розни, монархических, религиозных и освободительных движений. Продолжительной и в итоге безуспешной была переписка, направленная на выдачу потомков религиозных вождей уйгуров, живших на территории Средней Азии, которых цинские власти не без основания считали своими главными противниками.

Связям с китайскими властями способствовало и то обстоятельство, что киргизские и казахские роды имели сезонные пастбища на территории Синьцзяна в Тарбагатайском и Илийском округах, Кобдо, а ойраты – на территории Киргизии и Казахстана. Кокандское ханство имело в городах Хойбу и его окрестностях целые колонии торговцев и землепашцев. Совместное хозяйственное освоение обширных районов Синьцзяна народами Средней Азии и Казахстана часто согласовывалось русскими и китайскими властями. Таким образом, темой переписок был большой круг вопросов торгово-экономического и политического характера.

Существовала и тайная переписка с теми феодалами, которые в междоусобной борьбе делали ставку на силы извне. В особенности это касается многочисленного потомства ханских домов.

Как официальная, так и тайная переписка в XIX в. велась преимущественно на тюркских языках. Следы этой пере-

писки сохранились большей частью в виде копий писем и их переводов в архивах и книгохранилищах. Толмачи того времени отмечали на страницах своих переводов: «перевод с татарского», «перевод с мусульманского», «перевод с татарского языка кашгарского наречия», «перевод с бухарского диалекта» и т. п. Так, из Омска сообщали: «Старший султан Кокчетавского внешнего округа Габайдулла Валиханов в доказательство своей постоянной приверженности к Российскому правительству от 24 июля представил полученное в 33 году от вновь определенного китайского амбана на татарском диалекте (выдел. нами. – К. Х.) письмо...»¹⁵⁹. Письмо с выражением соболезнования в связи со смертью отца старшему султану Аягузского округа Сарт Ючин также было написано тарбагатайским цанцзань дачэнем на «кашгарском наречии татарского языка» по приказу императора Даогуана¹⁶⁰. Отсюда можно достаточно твердо утверждать, что основным языком-посредником для общения цинских властей с казахскими султанами какое-то время был уйгурский.

В дипломатической практике Китая и Средней Азии переписка шла в двух направлениях – на высоком уровне (между цинским императором и кокандским ханом) и на уровне деловом (между кашгарской администрацией и представителем Коканда в Кашгаре – аксакалом). В отечественной литературе принято называть кокандского аксакала торговым старшиной. Однако, думается, функции его не ограничивались защитой торговых интересов среднеазиатских ханств, хотя и составляли значительную часть деятельности. Аксакал защищал права всех кокандских подданных, проживавших на территории Синьцзяна – торговцев, землепашцев, духовного лица. Функции аксакала были похожи на функции консула европейской страны: через него оформлялись документы и делались сборы, аксакал вел переговоры с кашгарской администрацией в устной или письменной форме на уйгурском или узбекском языках.

В период освободительных движений в Синьцзяне, имевших религиозную окраску, китайская дипломатия выступала во всеоружии, натравливая уйгуров против дунган, пресекая контакты тюркских народов Синьцзяна с их родственниками за пределами страны.

---

¹⁵⁹ Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. С. 504.

¹⁶⁰ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 855.

После подавления движений, когда население Синьцзяна резко сокращалось, цинские власти ставили задачу заселения его обширных районов. Эта задача решалась в двух направлениях: за счет китайской колонизации и за счет кочевых и оседлых народов Средней Азии и Казахстана. Тайная дипломатия привлекала среднеазиатских феодалов посулами о предоставлении пастбищ и пахотных земель на льготных условиях.

Скрытое покровительство откочевавшим в Синьцзян кочевникам легче всего было осуществлять при помощи тюркских языков. На пост илийского цзянцзюня, в руках которого сосредотачивалась военная и гражданская власть, назначались люди, владевшие языком (к примеру, Жун Цюань, писавший на «бухарском наречии»), специальный штат чиновников формировался из выходцев из Кашгарии. На крупных постах на границе с Казахстаном и Средней Азией, через которые проходили торговые караваны или аулы кочевников на зимние и летние пастбища, было, как правило, не менее двух переводчиков.

Переписка русских пограничных властей с Кобдоским, Тарбагатайским, Илийским и Кашгарским округами по среднеазиатским делам также шла на трех языках – монгольском, китайском и маньчжурском. Это зависело от того, какой гарнизон войск нес службу в Китае – халха-монголы, ойраты или сибо и солоны.

Начальник Омской области писал, что «поскольку на границе не прерываются соседственные дружеские связи», то требуются переводчики монгольского языка в Бухтарминской крепости и грамотные муллы, т. е. переводчики. Если в XVIII в. хороший знаток «калмацкого и татарского» языков Яков Гуляев получал в год 100 руб., то переводчики с монгольского через столетие могли получать до 800 руб. в год, а с «татарского» – до 300 руб.

Постоянно велась переписка об угонах скота, выдавались виды на проезды для торговли или к родственникам, оформлялись все процедуры и выполнялись статьи, предусмотренные двусторонними соглашениями. В связи с этим при Степном и Туркестанском генерал-губернаторах имелась штатная должность чиновника особых поручений по переписке по китайским делам. На нее Коллегия иностранных дел назначала выпускников высших учебных заведений со знанием нескольких восточных языков. Кроме них в

канцелярии генерал-губернаторов служили переводчики с татарского, китайского и маньчжурского языков, о чем говорит большое количество документов на маньчжурском и китайском, монгольском и тюркских языках. «Наиболее распространенным в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах являются тюркские наречия (киргизское, сартское и таранчинское (уйгурское. – К. Х.) и др., одинаково господствующие и на прилегающей к названным генерал-губернаторствам китайской территории, населенной тем же одноплеменным составом населения, как и у нас», – писали ответственные чиновники в 80-х гг. XIX в.¹⁶¹

Особенно большую коммуникационную роль играли тюркские языки в период подготовки и проведения так называемых международных съездов, созывавшихся русскими и китайскими правительствами для разбора дел, возникавших между народами Средней Азии, Казахстана и Синыцзяна. Начиная с 1886 г. съезды созывались ежегодно в двух районах: в Кегене – местности, находящейся в нескольких верстах от Хоргоса, через который проходил знаменитый торговый тракт, и в урочище Чубар-Агач в Восточном Казахстане. Начальниками съездов назначались с российской стороны кульджинский или чугучакский консулы, а с китайской – специальный чиновник, ведавший управлением кочевых народов Синыцзяна. Они должны были следить за разбором тяжб, возникавших между казахами, калмыками, уйгурами, киргизами, сибо и салонами по угону скота, умыканию женщин, невозвращению долгов или выкупа.

До начала съезда проводилась большая подготовительная работа: составлялись списки исков с китайской и русской стороны, проводился обмен этими списками, а затем уведомление ответчиков, истцов, свидетелей о времени приезда на сбор. Списки обычно писались на тюркских языках. Когда из Синыцзяна были присланы списки претензий китайскоподданных лиц к русскоподданным на маньчжурском языке, то это вызвало множество недоразумений, в связи с чем военный губернатор Семиреченской области, находившийся в городе Верном, писал: «Присланные списки могли быть написаны по-маньчжурски в той ничтожной части, которая касается салонов и других маньчжур; списки же киргиз, таранчей и других мусульман надлежало прислать писанные на тюркском наречии, ибо в маньчжурской транскрипции

---

¹⁶¹ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 125.

имена мусульман искажены и не дают возможности вызвать ответчиков на съезд»¹⁶². И это не было пустой отговоркой. В списках надо было не только написать полные имена лиц, но и место их проживания, подробно описать дело.

На съезде «почетные люди» (старшины, тысячники и сотники, муллы) составляли правила разбора дел по обычному праву кочевников или шариату. Правила составлялись на тюркских языках, а затем переводились на другие языки. Это требовало хорошего знания не только языков, но и обычного права тюркских народов. «Начальники съезда объявляют вышеупомянутые правила на маньчжурском, китайском, мусульманском и русском языках, и объявление это, по приложению начальниками съезда своих печатей, вывешивается на месте съезда для сведения и руководства...»¹⁶³.

В ряде случаев объявление, обычно выполненное на большом куске полотна, вывешивалось на трех языках – казахском, маньчжурском и китайском, как это было на Чубар-Агачском съезде 1887 г. Составлялась подробная документация дел, начальники съездов уведомляли провинциальные власти о ходе во время проведения съезда, а по окончании последнего составляли подробные отчеты. В этих справках, а также в документации международного характера встречаются на русском и китайском языках такие понятия, заимствованные из обычного права, как кун (плата или выкуп за убийство), барымта (угон скота с целью «восстановления справедливости»), ереже (правила), жесир (плата за умыкание женщины), жан садагасы (выкуп за душу), салават (предание дел забвению) и др.

Широкий торговый обмен между Сынцзяном и Средней Азией, китайско-русская торговля на территории Сынцзяна привнесли новые слова, которые замелькали в международных документах, в записках путешественников, в отчетах и справках чиновников: захлакчи (тюрко-монгольское слово, «старшина», «старшинство»), мата (бязь), манлык (смешанное слово, произошедшее от китайского слова «ман» – питон и суффикса принадлежности, тюрк. яз.; слово означает знаменитый китайский шелк с узором в виде питонов или драконов), шарбак (букв. перевод слова «ограда», в данном случае означает торговое подворье).

---

¹⁶² ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5170, л. 185.

¹⁶³ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5170, л. 207.

Слова «толмач», «шерт» (клятва, отсюда «шертовать», т. е. давать клятву, приносить присягу), «корши» – также тюркского происхождения. В документе 1821 г. говорится: «А как посол (ойратский. – *К. Х.*) вшел в палату, и дияки думной Иван Грамотин да Сава Раманчоко с послом корошевались и спрашивали о здоровье»¹⁶⁴. «Корошевались» от тюркск. «кориш» – свидетелься, приветствовать друг друга.

Использование маньчжуро-китайскими властями для общения с казахскими, узбекскими и киргизскими феодалами уйгурского языка стало повсеместным после завоевания Восточного Туркестана. Об использовании языка самими среднеазиатскими владельцами можно лишь делать предположения. Возможно, это был «среднеазиатский тюрки», так как именно на этом языке составлены письма, адресованные русской администрации того времени. Однако не исключено, что отдельные письма были написаны на татарском, узбекском и казахском языках, если писарь при владельце был татарин или выходец из Средней Азии. Отрывки писем в переводах можно встретить в китайских сборниках документов без указания языка оригинала. Обычно в них указывается, что письмо было написано на «варварском», т. е. иностранном языке. Из переводов же явствует, что текст оснащался в зависимости от эрудиции и красноречия писаря или муллы выражениями на персидском или арабском языках.

Тюркские языки в китайской дипломатии нового времени применялись как язык общения со среднеазиатскими владельцами или с царской администрацией, если предмет переписки служили среднеазиатские дела. Они применялись параллельно с другими восточными языками – монгольским, маньчжурским и китайским. В этом заключалось своеобразие международных отношений в регионе Центральной Азии.

---

¹⁶⁴ Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. С. 53–54.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китайская дипломатия выросла и сформировалась в значительной степени благодаря отношениям с регионом Западный край (Сиюя), в котором по мере их «открытия» включались новые районы. Центром региона во все века оставался Восточный Туркестан (Южное Притяньшанье).

«Западная» политика Китая была приоритетной в середине XV в. и в XVII-XIX вв. Активность её была вызвана тем, что Китайское государство стремилось играть доминирующую роль в Центральной Азии. В эпоху Мин международное положение Китайского государства, отрезанного от Западного края Монгольским государством, не позволило ему вести политику, подобную той, которая велась в отношении стран Южных морей. Но именно в это время была выработана основная стратегическая линия. Суть её заключалась в противопоставлении оседло-земледельческой культуры кочевой, мусульманского мира монгольскому. «Западная» политика вырабатывалась в ходе многовековых дискуссий, противоборства различных тактических подходов к её осуществлению сторонников завоевания Сиюя и его противников.

Сторонники приобретения обширных районов Центральной Азии руководствовались великоханьскими идеями восстановления якобы традиционного господства Китайского государства в регионе. Образ Сиюя как захолустного края с отрицательной этнопсихологической характеристикой населения создавался сторонниками экспансионистской политики веками.

Традиционные институты китайской дипломатии оставались классическим образцом феодальной средневековой дипломатии. В XVI-XIX вв. они были задействованы в новое время, изменившемся для Китая времени выхода на политическую арену Азии европейских государств.

Китайская дипломатия действовала через свои традиционные институты, среди которых главными были

институты дань-подарки, титулования, заложничества и вассалитета.

Нельзя рассматривать получение так называемой дани в отрыве от ответных пожалований в виде ценных вещей и других льгот политического и экономического характера. Очередность их чаще была обратной, т. е. вначале были подарки и пожалования китайского двора или их посулы, а потом уже в результате установления связей по его инициативе следовала дань.

В категорию дани входил широкий круг понятий. К ней причислялись не только царские подарки, но и товары, привозимые для обмена, подарки представителям пограничного начальства, арендная плата за пользование пастбищами для выпаса скота, лесными угодьями для сбора лекарственных трав и охоты. Китайское правительство разрывалось между тем, чтобы ко двору потоком шла дань из стран Сиюя и более отдалённых земель, и тем, чтобы подарки императора превышали по ценности и редкости подношения иноземцев. Престижные соображения входили в противоречие с реальностью. Особенно чётко это прослеживается на примере доставки в Китай редких зверей. Двор стремился к уменьшению ответных даров за эту дань, а послы, доставившие зверей, требовали и добивались прибавления подарков. Тенденция по мере стабилизации связей шла к уменьшению ответных подарков.

Подарки при дворе устанавливались для владений отдельно: чем дальше отстояло владение от Китая, тем более благосклонный приём оказывался его посольству. Дань зависимого и полузависимого владений могла не приниматься двором или оплачиваться ниже себестоимости.

Среди подношений наиболее ценными у народов Центральной Азии были подношения «девятками», которые выдавались старшему по положению и возрасту. Китайская дипломатия стремилась угрозами и обещаниями добиться подношений девятью предметами или девятью видами различных видов скота предпочтительно светлой масти. По татаро-монгольскому этикету, за подношение «девятью белыми» предусматривались выделение лена, присвоение титула, признание права на трон. Можно было откупиться от захватчиков, выдав им «девятку» или несколько «девяток» и остаться правителем на своих землях.

Китайская сторона приветствовала периодичность

подношений, что предусматривало регулярность прибытия посольств (один раз в три или пять лет). Чтобы замаскировать торговый характер обмена подарками, правители Сиюя должны были привозить те изделия и продукты, которыми славились владения. Для Восточного Туркестана это были нефрит, фрукты, скот, а для монголов, казахов, киргизов – только скот.

Признание чужеземного правителя Китай проводил в форме титулования. Титул и наследные права должны были «утверждаться» китайским императором. Участие в похоронах или обрядах поминовения усопших представителей Китая считалось важным государственным делом, так как после них следовало избрание наследника.

Полная титулатура иноземного правителя, приведенная в его послании, вызывала в Китае дипломатические трения, иногда труднопреодолимые, что видно на примерах отношений с Россией и Кокандом. Их можно было использовать только после «признания» китайской стороны, иначе это считалось нескромностью.

Кроме того, существовала практика присвоения китайских титулов, званий и чинов. Эта форма титулования не столько отражала реальный статус владетеля или его послов, как правило, это были семьи владетеля, сколько положение, которое определялось владетелю или управляемой им территории в Китае. Выдавались титулы и в зависимости от услуг, оказанных владетелем китайскому правительству и его лояльности. Выдавались они и за дружественную, добрососедскую политику владетеля.

Присуждение военных званий лицам, находившимся на разных уровнях отношений с Китайским государством, показывает стратегическое значение, придававшееся соседним владениям, игравшим охранительную роль. Они призваны были по своему географическому положению быть естественной оградой Китайского государства. При этом китайская дипломатия не дифференцировала титулы и звания, выдаваемые независимым, полузависимым и зависимым правителям и их послам. Зависимые проходили действительную службу со всеми тяготами, а независимые служили символически, всего несколько дней, во время пребывания при дворе китайского императора. Служба заключалась в несении караула перед дворцом Запретного города, о чем послы не подозревали, считая, что они ожидают

аудиенции. Тем и другим было положено жалованье, причем под ним для независимых выступали подарки императора, выдаваемые как послам. Тем и другим жаловалась парадная одежда офицера и чиновника или отдельные её части.

Признание титулов китайской стороной или присвоение китайских титулов, званий, чинов значительно облегчало дипломатические связи чужеземных правителей с Китаем, а послам – выполнение их миссий во время пребывания при дворе, а также в их торговых операциях.

Китайская дипломатия всемерно старалась поддерживать преэминентность в титуловании. В связи с этим государственное значение придавалось составлению генеалогических таблиц иноземцев, в которые включались не все ответвления, а только те, которые поддерживали связь с Китаем. При этом в каждой графе указывалось, какими рангами должности представители младшей ветви царствующего дома или послы награждались и в каком году. Правители уходили в небытие, а таблицы оставались как свидетельства их службы Китайскому государству.

Как один из способов регулирования отношений действовал древнейший институт дипломатии – заложничества. Владетели поступались своим престижем, чтобы получить долговременные экономические и политические выгоды, гарантировать свои дружеские отношения после военных конфликтов и в мирное время. За содержание в заложниках законных наследников, законных сыновей китайская сторона выдавала большую военную и другую помощь. Это было надёжной гарантией того, что иноземный правитель будет придерживаться договорённости.

Подобно тому, как в древности Хань выдавала замуж не природных принцесс, а воспитанниц «императора», чтобы «не потерять лица», так и правители Сиюя старались отправить в заложники побочных детей либо воспитанников.

Имея под своей рукой престолонаследника, китайская дипломатия имела большие возможности влиять на правителя и в деле престолонаследия. В минское время крупным успехом китайской дипломатии было то, что в качестве заложника при дворе воспитывался племянник хамисского правителя, что привело к дворцовым переворотам в Хами, осложнению отношений минской династии с Турфаном. Заложники выдавались также за пользование пастбищами, за военную помощь.

Неработанность международного права приводила к тому, что в заложниках могло оказаться и китайское посольство, задерживаемое в стране до возвращения собственного посольства, и наоборот. Тимур задержал минских послов на несколько лет, чтобы придать блеск своему двору, и возил их с собой в походы, показывая обширность своего государства.

Задержка посольства под благовидными предложениями практиковалась во всех странах. В данном случае соблюдался принцип взаимности, в то время как выдача заложника по договоренности свидетельствовала о неравноправности отношений. Владелец, выдавший в заложники своих детей, признавал тем самым собственную политическую зависимость и слабость. Институт заложничества не только был самым древним, оставшимся от родового строя, но и действовал дольше других институтов феодальной дипломатии в Азии и Европе, к примеру, в отношениях казахских ханств с Россией.

Заложники могли выдаваться в две соседние страны для поддержания политического равновесия.

Институты дани, титулования, заложничества составляли неотъемлемую часть китайской дипломатии. Минская династия строила свои отношения с другими странами на основе даннической системы, отчуждая от себя чужеземцев всех четырех стран света. Цинская династия отделила от себя «вассалов» Сиюя как «внешних вассалов», проживавших за Великой китайской стеной. Среди застенных «вассалов» она специально выделила тех, кто должен был относиться к «забору», «заслону», «изгороди». «Внешние вассалы» вместе с оригинальной организацией караулов составляли многослойную систему защиты Центральной китайской равнины за Великой стеной. Внешние вассалы имели различную степень зависимости от Китайского государства, поэтому и политика по отношению к ним была неодинаковой. Чем далее и независимее был феодал, тем мягче политика.

Система отношений по схеме сюзерен-вассал должна была, согласно конфуцианской идеологии, олицетворять единую семью, в которой патроном мог выступать только китайский император. Конфуцианство было официальным идеологическим учением исследуемого периода. Оно оказало серьезное влияние на стратегию внешней политики Китая и на его дипломатию. Конфуцианство стало господствующей идеологией древности, в период установления и развития связей империи Хань с регионом Сиюя.

Основные принципы конфуцианства, регулирующие отношения в семье, обществе, государстве, легко переносились на межгосударственные отношения. Социальный характер конфуцианских постулатов при этом принимал политическую окраску. Подобно тому, как они должны были регулировать отношения между государем и подданными, они могли регулировать отношения между Китаем и внешним окружением, между китайским государством и его вассалами.

Главный постулат конфуцианства, основанный на патриархально-родовых традициях «почитания старших и послушания младших» в «мировом» сообществе, выглядел как почитание китайского государя всеми остальными правителями, вошедшими в сферу интересов. Отец в семье воспитывал, увещевал, а китайский император имел нравственный долг читать наставления и увещевать других правителей.

Конфуцианство не предусматривало равноправности отношений, поэтому в посланиях цинских императоров и их наместников в Синьцзяне к правителям среднеазиатских народов содержатся поучения, предостережения и увещевания. За нарушение моральных принципов небо наказывало непослушных, наказание на международной арене могло осуществиться через «Небесную» династию, от «Небесных», т. е. китайских, войск. Политика проведения своей линии путем наставлений получила название шэн цзяо.

Конфуцианское требование поклонения душам предков в международных отношениях выступало в форме проведения поминовений, пожалования ритуальных похоронных подношений и «оказания помощи» семье покойного правителя. В ряде случаев китайский император заботился о местах захоронения своих заклятых врагов (Галдана, Цэван-Рабдана, предков джунгарских ходжей), а также тех, кто примыкал на время к антикитайским движениям. В памяти их потомков должен был сохраниться образ политика, относившегося лояльно к династии.

Обряды поминовения от имени императора проводились по китайскому обычаю или смешанно с местными обычаями.

Китайское государство в целом относилось терпимо к религиям народов Центральной Азии: шаманизму (маньчжуры сами были шаманистами), исламу, буддизму. Оно открывало мусульманские мечети и буддийские, ламаистские храмы. Вместе с тем оно стремилось взять под жесткий контроль

религиозные организации. Особенно много материалов имеется о попытках Пекина руководить ламаистской церковью в Джунгарии. Через участие в обрядах поминовений по погибшим в междоусобицах джунгарским ханам и ритуалов раздачи милостыни цинское правительство взяло под свой контроль связи ламаистов с религиозным центром в Тибете, позднее Пекин готовил и священнослужителей, и учителей. При этом цинское правительство пользовалось тем, что удобный путь в Тибет для джунгар лежал через Цинхай, находившийся под его властью.

Религии представляли опасность как сила, способная консолидировать противников. Например, мусульманские круги стран Центральной Азии препятствовали пленению потомков уйгурских ходжей.

Проводя обряды поминовения по усопшим иноземным правителям, Китайское государство показывало, что оно участвует в управлении владениями, так как основной частью этого церемониала было «утверждение» в наследственных правах наследника. С той же целью оно приносило жертвы духам гор, рек. Составление молитвенных текстов о жертвоприношениях считалось важным государственным делом. Они были призваны умиловить духов гор, рек, показать благодарность династии «за помощь» в нанесении поражения врагам близ них. Духи должны были в благодарность за оказываемые почести служить династии так же, как и души умерших.

Почитание гор, рек, озер и священных камней было присуще народам Сиюя, поэтому они принимали как должное знаки соболезнования и знаки уважения к их святыням со стороны Китая. Фактов сопротивления китайским обрядам не обнаружено.

Дипломатические институты, принцип взаимности в вопросах содержания посольств и обеспечения их безопасности в соблюдении церемониалов, челночный способ общения, а также патриархально-родовые традиции характеризуют политическую культуру международных отношений в Центральной Азии.

Интересно, что китайская сторона была готова взять на себя заботу о языке общения. Послания цинских императоров составлялись с параллельными текстами на двух, трех и четырех языках – китайском, маньчжурском, монгольском и одном из тюркских. Чаще всего использовался уйгурский

язык на арабской графике, объединявший в то время все тюркские языки и персидский.

Своеобразие политической культуры складывалось как результат одновременного действия в Центральной Азии нескольких дипломатических школ, главным из которых были татаро-монгольская, китайская, европейская. При этом ни одна из перечисленных дипломатических школ не была чистой. К примеру, русская дипломатия до реформ Петра I имела много общего с «татарской», влияние последней в значительной мере испытала и маньчжурская дипломатия, а также «мусульманская». На них, в свою очередь, воздействовала более ранняя «тюркская» дипломатия, а также опыт общения между патриархально-родовыми обществами, закрепившимися в ряде обычаев и традиций.

Китайская дипломатия прошла все стадии феодальной дипломатии, имела много общего с дипломатией античных государств. Своеобразие китайской дипломатии заключалось в законсервированности большинства ее институтов, успешно действовавших в Центральной Азии и в новое время, но оказавшихся несостоятельными в отношениях с Европой.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Архивные фонды

Архив внешней политики России МИН СССР, ф. киргиз-кайсацкие дела.

Государственный архив Омской области, ф. Военно-походная канцелярия командующего Отдельным Сибирским корпусом.

Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, ф. Архив востоковедов.

Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 273, 274.

Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. IV-XVII.

Центральный государственный архив Республики Казахстан, ф. Омское областное правление; Канцелярия Степного генерал-губернатора, Начальник Алатавского округа и киргизов Большой орды, Семиреченское областное правление.

Документы и материалы на русском языке

Гийассадин Али. Дневник похода Тимура в Индию / Пер. с перс. – М., 1958.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Ч. 2.

Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках: Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961.

Их цааз. Великое уложение / Пер. с ойратского. М., 1981.

Клавихо Рюи Гонзалес. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403-1406 гг. / Подлинный текст с пер. и прим. восстановлен под ред. И. И. Средневского. Спб., 1881.

Книга Марко Поло о разнообразии мира, написанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от Р. Х. Алма-Ата, 1990.

Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока / Пер. с кит. М., 1961.

Ленин В. И. Пробуждение Азии // Полн. собр. соч. Т. 23.

Ленин В. И. Внешняя политика русской революции // Полн. собр. соч. Т. 23.

- Литература Древнего Востока. Тексты.* М., 1984.
- Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974.
- Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. Новосибирск, 1989.
- Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков: Извлечения из персидских и тюркских сочинений.* Алма-Ата, 1969.
- Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654: Сб. документов.* М., 1974.
- Материалы по истории Средней и Центральной Азии. X–XIX вв.* Ташкент, 1988.
- Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.* М., 1989.
- Народные обычаи // Записки Оренбургского отдела Русского географического общества.* Казань, 1871. Вып. 1. Типография Казанского университета, 1872.
- Описание иностранных государств на Западе. Герат / Пер. с кит. // Страны и народы Востока.* М., 1989. Вып. 26. С. 101–116.
- Палладий, архимандрит. Записка о Западном крае Китая, составленная по китайским источникам ОР ГПБ Ф. IV 691/a.*
- Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабдану капитана от артиллерии Ив. Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 года: Документы, изданные с предисловием и примечаниями Н. И. Веселовского // Записки ИРГО по отделению этнографии.* Спб., 1887. Т. 10. Вып. 2.
- Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. 1608–1683.* М., 1969. Т. 1; Т. 2. 1685–1691. М., 1972.
- Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1. 1700–1725.* М., 1978.
- Русско-монгольские отношения: 1607–1636.* М., 1959.
- Сыма Цянь. Исторические записки (Шицзи) / Пер. с кит.* М., 1972. Т. 1; 1975. Т. 2.
- Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (По кит. источникам).* М., 1968. Вып. 1; М., 1973. Вып. 2.
- Уложение китайской палаты внешних сношений / Пер. с маньч. С. Липовцева.* В 2 т. М., 1828.
- Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы).* М., 1983. Ч. 1.
- Цинская империя и казахские ханства: Вторая половина*

XVIII – первая треть XIX в. Алма-Ата, 1989. Ч. 1–2.

Шань хай цзин / Пер. с кит. М., Гл. ред. вост. лит. 1977. 234 с.

Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. М., 1983.

Энгельс Ф. Успехи России на Дальнем Востоке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12.

Энгельс Ф. Продвижение России в Средней Азии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22.

Bretschneider E. Mediaval Resasches from Eastern Asiatic Sources. 1888. Vol. 2. L.

Fu Loshu A. Documentary Chronicle of Sino-Western Relations 1644–1820. Vol. 1–2. Tucson, 1966.

Источники на китайском языке

Дай Цин личао шилу (Правдивые записи правления великой династии Цин): В 150 т. Токио. Фотолитография. 1937.

Или шиш: Справочник Илийского края. 1790.

Лидай гэцзу чжуаньцзи хойбянь (Собр. материалов из династийных историй по истории различных народов. Пекин, 1958. Т. 2. Ч. 2.

Миндай Хами. Тулуфань цзыляо хойбянь: Сб. материалов о Хами и Турфане периода династии Мин. 1984.

Минши (История династии Мин). Сер. «Соинь бай на бэнь эрши сы ши». Шанхай, 1958. Т. 24.

Мин шилу (Правдивые записи о правлении династии Мин): В 50 т. Нанкин: Фотолитография. 1940.

Синьцзян дифан лиши цзыляо сюаньцзи. Избр. материалы по истории.

Синьцзян – Пекин: Жэньминь чубаньше, 1987.

Сиюй чжи: Обзорение Западного края. Рук. Б. М., Б. Г.

Собрание докладов и прошений к императорам династии Мин из иноземных и даннических стран и из подчиненных Китаю земель с некитайским населением, а также императорские указы правителям этих земель. Рук. Б. М., Б. Г.

Тарбагатай шиш: Справочник Тарбагатай. Б. М., 1805.

Хойцзян тунчжи: Историко-географическое описание Мусульмании. Б. М., 1804.

Циньдин пиндин чжуньгээр ФАНлюэ: Высочайше

утвержденные стратегические планы умиротворения джунгар. В 171 г. Ксилограф: Б. М., 1772 г.

Циньдин Сиюй тучжи: Высочайше утвержденное историко-географическое описание Западного края с картами. В 12 т. Ханчжоу. 1893.

Цин шилу чжунгьээр шиляо чжайбянь: Сб. исторических материалов о джунгарах из «Цин шилу». Урумчи. 1987.

Чоубань иу шимо: Ведение дел с варварами. В 130 т. Бэйпин: фотолитография, 1929–1930.

Литература на русском языке

Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв.: Письменные памятники. Ташкент, 1985.

Бартольд В. В. Сочинения в 9 т. М., 1963–1977.

Басин Б. Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. АлмаАта, 1971.

Бейсембиев Т. К. Тарих-и Шахрухи как исторический источник. Алма-Ата, 1987.

Бокщанин А. А. Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. М., 1968.

Бокщанин А. А. Политика первых императоров из династии Мин в отношении буддизма и даосизма // Материалы VIII научной конференции «Общество и государство в Китае». М., 1977. Ч. 1. С. 160–171.

Боровкова Л. А. Внешнеполитическая программа империи Мин (1368–1644) // Материалы XV научной конференции «Общество и государство в Китае». М., 1982. Ч. 2. С. 107–115.

Боровкова Л. А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. М., 1989.

Броневский Г. М. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки. 1830. Ч. 143, № 124.

Бруннерт И. С., Гагельстром В. В. Современная политическая организация Китая. Пекин. 1910.

Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в 5 т. Алма-Ата, 1985.

Васильев Л. С. Бань Чао в Западном крае // Вестник древней истории. 1955. № 1. С. 108–125.

Васильев Л. С. Культурные и торговые связи ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 5.

Веселовский Н. И. Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи

Цэван-Раbtану капитана от артиллерии И. Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 гг. Спб., 1887.

Веселовский Н. И. Прием и отпуск среднеазиатских послов в XVI–XVIII столетия // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 234. 1884 отд. II. С. 68–105.

Веселовский Н. И. Татарское Влияние на посольский церемониал в Московский период русской истории // Отчет о состоянии деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1911 год. Спб., 1911. Отд. X. С. 1–19.

Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1977.

Волкова М. П. Зачем Аблаю понадобилась печать императора Юаньской династии // Материалы IX научной конференции «Общество и государство в Китае». М., 1978. Ч. 2. С. 19–26.

Воскресенский А. Д. К характеристике «Да Цин личао шилу» как источника по истории международных отношений в Центральной Азии (XVII век) // Материалы XVII научной конференции «Общество и государство в Китае». М., 1986. Ч. 2. С. 92–99.

Воскресенский А. Д. О многозначности понятия «вайфань» // Материалы XVIII научной конференции «Общество и государство в Китае». М., 1987. Ч. 2. С. 163–169.

Вуд Дж., Серре Ж. Дипломатический церемониал и протокол. М., 1976.

Гафуров Алим. Имя и история: Словарь. М., 1987.

Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М., 1980.

Гессе фон Вартег, Эрнст. Китай и китайцы: Жизнь, нравы и обычаи современного Китая / Пер. с нем. Спб., 1900.

Глушкова О. А. Посольство цинского Китая в России в 1730–1731 гг. // Материалы XIX научной конференции «Общество и государство в Китае». М., 1988. Ч. 2. С. 183–191.

Гончаров С. Н. Китайская средневековая дипломатия: Отношения между империями Цзинь и Сун. 1127–1142. М., 1986.

Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М., 1979.

Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.

Долбежев Б. В. Судьбы калмыков, бежавших с Волги: Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. Спб., 1913.

Доронин Б. Г. Китай XVII–XVIII веков: Проблемы историографии и источниковедения. Л., 1988.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986.

Дубровская Д. В. Политика Китая в Центральной Азии: конец IV – начало VII вв. Рекомендации Пэй Цзяна // Материалы XVIII научной конференции «Общество и государство в Китае». М., 1987. Ч. 2. С. 173–182.

Думан Л. И. Некоторые китайские источники по изучению Синьцзяна конца XVIII – начала XIX вв. // Библиография Востока. 1935. Вып. 8–9. М., С. 15–40.

Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVI в. М., 1974. 195 с.

Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII – первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1969.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд. 2-е. М., 1983.

Зотов О. В. Китай и государства Восточного Туркестана в XV–XVI вв. // Материалы XI научной конференции «Общество и государство в Китае». М., 1980. Ч. 2. С. 49–50.

Зотов О. В. Чем объяснялось «слабое управление «варварами» // Материалы XIX научной конференции «Общество и государство в Китае». М., 1989. Ч. 2.

Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана X–XIX вв. Ташкент, 1987.

Из истории международных отношений в Центральной Азии: Средние века и новое время. Алма-Ата, 1990.

Исиев Д. А. К вопросу о верованиях уйгурского народа // Вопросы истории и культуры уйгуров. Алма-Ата, 1987. С. 121–137.

Историческая наука в КНР. М., 1971.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Алма-Ата, 1985.

История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.

История Киргизской ССР с древнейших времен до середины XIX века. Фрунзе, 1984. Т. 1.

История и культура Китая: Сб. памяти академика В. П. Васильева. М., 1974.

Кадырбаев А. Ш. Кыпчаки в империи Юань: По материалам «Юаньши» // Материалы IX научной конференции «Общество

и государство в Китае». М., 1978.

Кадырбаев А. Ш. Тюрки в монгольской империи Чингисхана и его преемников. XIII–XIV века. Научно-аналитический обзор. АлмаАта, 1989.

Казахстан. Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1983.

Камалов А. К. «Биография Пугу Хуайэня как источник для изучения танской политики в отношении «северных варваров»: Письменные памятники и проблемы культуры народов Востока // Материалы XXII годичной сессии ЛО ИВ АН СССР. Л., 1989.

Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.

Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982.

Китай: традиции и современность. М., 1976.

Кляшторный С. Г., Колесников А. А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников: Вторая половина XIX в. Алма-Ата, 1988.

Кое-что о протоколе // Правда, 1989. 29 сентября.

Конфуцианство в Китае: Проблемы истории и практика. М., 1982.

Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII). М., 1984.

Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии. Новосибирск, 1983.

Левин Д. Б. Международное право, внешняя политика и дипломатия. М., 1981.

Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких степей. Спб., 1832. Ч. 1–3.

Лыкошин Н. С. Хороший тон на Востоке. Петрограф, 1915.

Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.

Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII–XVIII вв.: в традиционной китайской системе политических представлений. М., 1986.

Мартенс Ф. Ф. О консулах и консульской юрисдикции на Востоке. Спб., 1873.

Международные отношения и дипломатия на Древнем

Востоке. М., 1987.

Моисеев В. А. Поездка приказчика Усеина Сюшаева в Джунгарию и Восточный Туркестан в 1752–1759 гг. // Материалы X научной конференции «Общество и государство в Китае». М., 1979. Ч. 2. С. 19–21.

Моисеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., 1983.

Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980.

Никифоров Д. С., Борунов А. Ф. Дипломатический протокол в СССР: Принципы. Норма. Практика. М., 1985.

Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XV вв. Алма-Ата, 1977.

Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977.

Покотилов Д. З. История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634. По китайским источникам. Спб.: 1893.

Политика СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Страны-соседи: Проблемы и перспективы сотрудничества // Материалы научно-практической конференции. Алма-Ата, 1989.

Попов В. С. Мэнгу юму цзи: Записки о монгольских кочевьях / Пер. с кит. Спб., 1895.

Потапов Л. П. Древнетюркские черты почитания Неба у саяноалтайских народов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 50–64.

Потапов Л. П. Культ гор на Алтае // Советская этнография. 1946. № 2. С. 145–160.

Путимцев Г. Дневные записки Путимцева в проезд его от Бухтарминской крепости до китайского города Кульджи и обратно в 1811 г. // Сибирский вестник, 1819. Ч. 7. 8. С. 1–68, 69–94.

Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989.

Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972.

Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. М., 1947.

Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980.

Сидихменов В. Я. Маньчжурские правители Китая. М., 1980.

Синицын Е. П. Баньгу – историк Древнего Китая. М., 1975.

Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М.,

1977.

Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России. Алма-Ата. 1981.

Сычев Л., Сычев В. Китайский костюм. Символика. История. М., 1975.

Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. Спб., 1875.

Тимковский. Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах: В 3 т. Спб., 1824.

Флуг К. К. История китайской печатной книги сунской эпохи X-XIII вв. М.: Л., 1959.

Хафизова К. Ш. «Чоубань иу шимо» как источник по истории казахов в XIX в. // Материалы X Научной конференции «Общество и государство в Китае». М., 1979. Ч. 2. С. 31–35.

Хафизова К. Ш. Послание в Китай 1393 г. // Материалы XX научной конференции «Общество и государство в Китае». М., 1989. Ч. 2. С. 126–129.

Хафизова К. Ш. Послания минских императоров Тимуридам // Материалы XXI научной конференции «Общество и государство в Китае». М., 1990. Ч. 2. С. 60–64.

Хафизова К. Ш. Чокан Валиханов о китайских грамотах // Чокан Валиханов и современность. Алма-Ата, 1988. С. 179–185.

Хафизова К. Ш. Тюркские языки в дипломатической практике Китая // Материалы III Всесоюзной конференции востоковедов. «Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке». Душанбе, 1988. М., 1988. Т. 2. С. 175–177.

Хафизова К. Ш. Международные съезды как новая форма регулирования отношений между Россией и Китаем во второй половине XIX в. // Из истории международных отношений в Центральной Азии: Средние века и новое время. Алма-Ата: 1990. С. 153–177.

Ходжаев А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан. М., 1979.

Ходжаев А. Взаимоотношения Цинской империи с Джунгарским и Яркендским ханствами (1700–1760): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1989. 57 с.

Хохлов А. Н. Цзюньцзичу (Военный Совет) и его место в политической системе цинского Китая // Материалы III научной конференции «Общество и государство в Китае». М.,

1971. Ч. 1. С. 159–153.

Чернышов А. И. «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» (Высочайше утвержденное географическое описание Западного края с картами): об отоках и аилах Джунгарского ханства // Материалы XIII научной конференции «Общество и государство в Китае». М., 1982. Ч. 2. С. 164–171.

Чимитдоржиев Б. Ш. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М., 1978.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда / Пер. с англ. М., 1981.

Эрматов М. М. К истории китайско-среднеазиатских дипломатических отношений педагогического института. 1956. Вып. 3. С. 129–149.

Юсин М. Республики выходят на международную арену // Известия. 1989. 21 ноября.

Литература на китайском языке

Баликунь хасакэ цзычжисянь гайкуан (о б з о р ы Баркульского казахского автономного уезда). Урумчи, 1987.

Вэй Лянтао. Калахан вичао шигао (Исторический очерк Караханидского ханства). Урумчи, 1986.

Вэй Лянтао. Гуаньюй Минтай Хочжоды цзигэ вэньти (О Хочжоу минского периода) // Наньцзин дасюэ сюэбаоч жуаньцзи. 1987. № 11. С. 68–73.

Линь Гань. Тукюэ ши (История тюрков). Хух-Хото, 1988.

Ло Чжипин, Бай Цуйцинъ Хасакэ фа чутанъ (Истоки казахского права) // Миньцзу яньцзю, 1988. № 6. С. 49–63.

Лю Чжисяо. Вэйуэр цзу лиши (История уйгурского народа). Пекин, 1985. Т. 1.

Люй Ижань. Хаохань юй Чжаньгэр, Юсупу чжи луань (Смуты Коканда, Джангара и Юсупа) // Синьцзян дасюэ сюэбао. 1983. № 2. С. 100–106.

Миньцзу яньцзю цанькао шуму (Справочник книг о национальных меньшинствах). Пекин, 1987.

Пань Чжипин. 1759–1820 нянь Ций юй Хаохньды гуаньси (Отношения Цинской империи с Кокандом в 1759–1820 гг.) // Синьцзян шэхой кэсюэ. 1985. № 2, С. 87–96.

Синьцзян цзяньши (Очерки истории Синьцзяна): В 4 т. Урумчи, 1980-1986.

Синьцзян гудай миньцзу вэньу (Материальная культура

народов Синьцзяна). Пекин, 1985.

Сун Юн. Сичуй цзунтун шилуэ (Общий очерк Западной Украины). Пекин. 181.

Сюй Сун Сиюй шуйдао цзи (Описание вод Западного края): В., 6 т. Б. М. 1821.

Сяо Чжигуан. Циндайды цзигэ Синьцзян (Несколько Синьцзяней цинской эпохи) // Лиши яньцзю. 1979. № 8. С. 81–84.

Фэн Чэнцзюнь. Сиюй димин (Топонимика Западного края: Словарь). Пекин, 1930.

Фэн Цзяшен, Чэн Суло, Ма Гуанвэнь. Вэйуэр цзу шилуэ цзяньбянь (Очерки истории уйгурского народа). Пекин, 1956. Т. 1.

Хуан Цин чжигун ту (Альбом даннических народов Цинской династии). Б. М. 1788.

Хуан Шицзянь. Юаньдай ды лису (Обычаи и обряды в эпоху Юань) // Наньцзин дасюэ сяобао чжуанцзи. 1987. № 11. С. 19–28.

Хэбукао-Саур мэngu цзычжисянь гайкуан (Обзор Кобук-Саурского автономного уезда). Урумчи, 1986.

Хэ Цютао. Шофан бэйчэн (Описание Северной границы): В 6 т. Пекин, 1881.

Хэ Цютао. Хасакэ шулюэ (Краткий очерк казахов) // Сяофаиху чжай юйди цунчао. Пекин, 1899. Т. 10.

Ци Юньши. Хуанчао фаньбу ялюэ (Очерки вассальных владений Цинской империи): В 4 т. Б. М., Б. Г.

Цинши гао (Черновая история династии Цин). Пекин, 1914–1927.

Цинши (История династии Цин). Тайбэй, 1971.

Цинши лунцунь (Сб. статей по истории династии Цин). Пекин, 1982. Вып. 4.

Цыхай (Море слов) (Энциклопедический словарь). Шанхай, 1948.

Цыхай (Море слов) (Энциклопедический словарь): В 3 т. Шанхай, 1979.

Цыхай. Миньцзу. Фэньцэ (Море слов): Народы Китая. Шанхай, 1982.

Цянь Шифу. Циндайды вайцзю цзигуань (Внешнеполитические организации Цинской империи). Пекин, 1959.

Чжан Дэцзэ. Циндай гоцзя цзигуань каолуэ (Исследование

государственного аппарата Цинской империи). Пекин, 1981.

Чжунго уцзинь димин да цыдянь (Большой словарь древней и современной топонимии Китая). Сянган, 1982.

Чжунго жэнь мин да цыдянь (Большой словарь персоналий Китая). Тайбэй, 1966.

Чжунго миньцзу гуаньсн ши яньцзю (Изучение истории национальных отношений в Китае). Пекин, 1984.

Чжунгээр шилюэ (Краткая история джунгаров). Пекин, 1985

Цаэ цин Хуа ши (История агрессии царской России в Китае). Пекин, 1981. Т. 3, ч. 1.

Шаэ цинлюэ Чжунго сибэй бяньцзн ши (История агрессии царской России в Северо-Западном Китае). Пекин, 1979.

Элосы цзу цзяньши (Очерк истории русских в Китае). Урумчи, 1986.

Юй Фушунь. Циндай Синьцзян калунь шулюэ (О караулах Синьцзяна в цинскую эпоху) // Лиши Яньцзю. 1979. № 4.

Другие источники

Dictionary of Ming Biography. 1368–1644. Vol. 1. Yol. Y.–L.1976. Ed. by Goodrich L. C.

Eminent Chinese of the Ching Period. 1644–1912. Ed. by Arthur W. Hummel. Vol. 1–2. Washington. 1943–1944.

Ислам Кабышулы. Керейлер керуені. Олгий, 1978. На каз. яз.

Ислам Кабышулы. Монголия казактарынын тарихы. Логий, 1980. На каз. яз.

Казак халкынын кыскаша тарихы. Урумчи, 1987. На каз. яз.

Сабырханов А. Казакстан мен Россиянын XVII гасырдагы карымкатынасы. Алматы, 1970. На каз. яз.

Озбек халкининг кискича тарихи. Урумчи, 1988. На уйг. яз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	
Источники и историография.....	9
Глава I. ЗАПАДНЫЙ КРАЙ И «ЗАПАДНАЯ» ПОЛИТИКА КИТАЯ	
Западный Китай – Сиюй.....	39
Этнополитическая характеристика иноземцев.....	52
«Западная» политика Китая.....	62
Глава II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ДИПЛОМАТИЯ КИТАЯ	
Качества, предъявляемые к послам.....	70
Содержание посольств.....	79
Противоборство по вопросам церемониала.....	90
Пограничная администрация и дипломатия.....	109
Глава III. ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ	
Институт «дань-подарки» («гун-лай»).....	116
Институт титулования.....	137
Институт заложенничества.....	156
Институт вассалитета.....	179
Глава IV. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И ДИПЛОМАТИЯ	
Конфуцианство и дипломатия.....	193
Религия и китайская дипломатия.....	216
Поклонение духам гор, рек и дипломатия.....	234
Языки в дипломатической практике Китая.....	245
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	261
БИБЛИОГРАФИЯ	269

Научное издание

**Клара Шайсултановна
ХАФИЗОВА**

**КИТАЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (XIV–XIX ВВ.)**

Рецензенты канд. исторических наук
Ю. А. ЗУЕВ, Б. Е. КУМЕКОВ, Т. М. ИСКАКОВ

Редактор *Л. И. Дробжева*
Художественный редактор *В. Пак*
Технический редактор *И. Насырова*

ИБ № 4117

Сдано в набор 29.08.94. Подписано в печать 23.01.95.
Формат 84x108 $\frac{1}{32}$. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. п. л. 15, 12. Усл. п. кр.-отг. 15, 33. Уч.-изд. Л. 16,4.
Тираж 600. Заказ 116.

Издательство «Гылым»
480100, Алматы, ул. Пушкина, 111/113
Типография издательства «Гылым»
480021, Алматы, ул. Шевченко, 28

«Гылым» – ведущее республиканское издательство научной книги. Наши авторы – видные ученые академических и отраслевых институтов, вузов. Книги, брошюры и статьи в журналах выходят на казахском, русском и уйгурском языках.

Издательство «Гылым» надеется, что его научная и научно-популярная литература привлечет внимание широкого круга ученых, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

Адрес издательства «Гылым»:
480100, Алматы, Пушкина, 111/113